

Удивительный мир диких животных

Медведи
и другие хищные звери

Удивительный мир диких животных

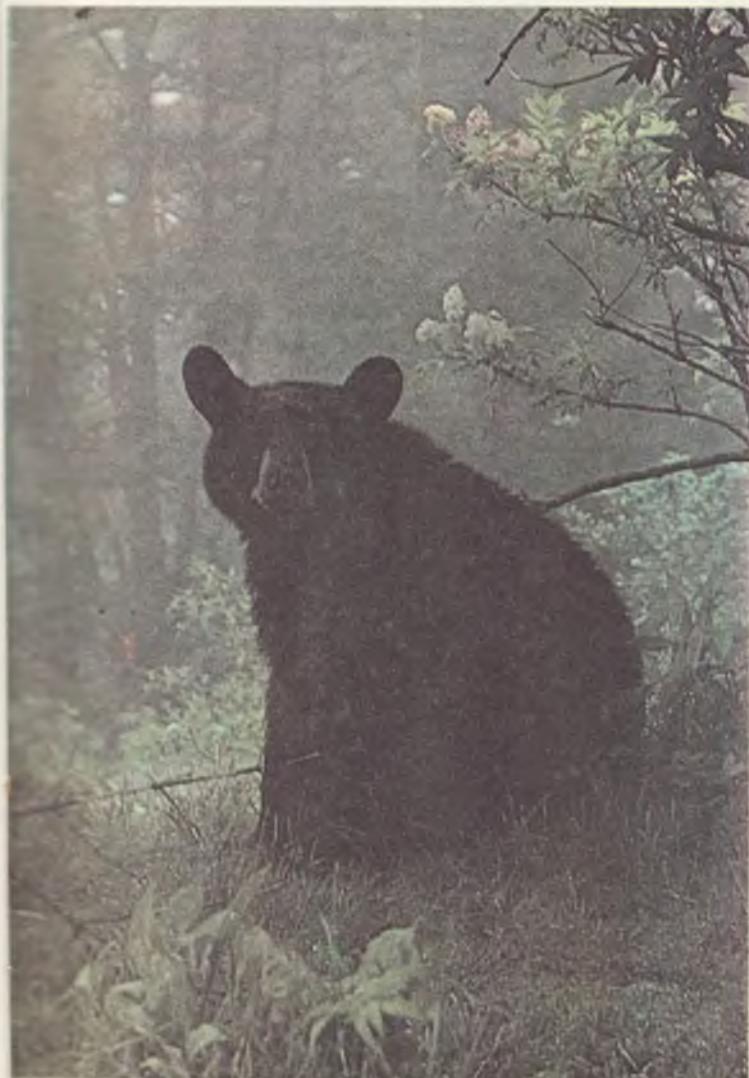
О.Тэннер

Медведи и другие хищные звери

Перевод с английского П. Гурова
под редакцией д-ра биол. наук проф. Д. И. Бибикова

Издательство ·Мир·
Москва 1980

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА	6
ВСТУПЛЕНИЕ	9
БУРЫЕ И ЧЕРНЫЕ МЕДВЕДИ	16
<i>Отрывок из книги Джона Мьюира «Наши национальные парки» . . . 30</i>	
<i>Отрывок из повести Уильяма Фолкнера «Медведь» . . . 40</i>	
БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ	44
ПАНДЫ	54
ВОЛКИ	58
<i>Отрывок из книги Фарли Моуэта «Не кричи, волки!» . . . 70</i>	
ГИЕНОВЫЕ СОБАКИ	74
ШАКАЛЫ	80
ГИЕНЫ	84
<i>Отрывок из книги Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл «Невинные убийцы» . . . 90</i>	
КОЙОТЫ	92
<i>Отрывок из книги Марка Твена «Налегкое» . . . 100</i>	
ЛИСИЦЫ	104
<i>Отрывок из рассказа Эрнеста Сетона- Томпсона «Биография песца» . . . 112</i>	
КУНИЦЫ И ИХ РОДИЧИ	116
<i>Отрывок из книги Джона Берроуза «Риверби» . . . 122</i>	
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	128

Предисловие редактора перевода

Книга «Медведи и другие хищные звери» открывает публикацию на русском языке серии «Удивительный мир диких животных», выполненной на основе цветных киносъемок разных животных мира. Она посвящена медведям и пандам, гиенам, а также волкам и другим представителям семейства со-бачьих. Известное место уделено в ней и хищникам из семейства куньих.

Хищные животные составляют верхнее звено в биогеоценозах — сообществах животных организ-мов, образующих сложную систему окружающей нас живой природы. Звено это необходимо для су-ществования всей системы, для поддержания в ней динамического равновесия, поскольку человек даже во всеоружии технических средств пока не способен полностью его подменить. Ведь роль хищников сводится не только к регулированию численности растительноядных животных, но и к поддержанию в соответствии с условиями среды физического состояния отдельных особей в популяциях жертв.

Хищные звери — удобный объект для рассмотрения и обсуждения многих общебиологических проблем. К их числу относятся эволюция морфоло-гического строения и внешнего вида животных, вызванная условиями обитания, адаптация пове-дения и образа жизни, изменение роли отдельных видов в нарушенных человеком биогеоценозах и целый ряд других вопросов. С самого раннего дет-ства читатель узнаёт о медведе и волке — страшных персонажах сказок и об их постоянной добыче — диких копытных и грызунах. В последние десяти-летия хищные звери перестали быть объектом страха и ненависти в сознании большинства людей. И про-изошло это не потому, что хищники уже не убивают своих жертв. Нет, они все так же плотоядны, сущ-ность хищничества не изменилась. Просто углуб-ленные исследования взаимоотношений хищник — жертва доказали не только необходимость этого явления для выживания самих хищных животных, но и несомненную пользу его для благополучия популяций жертв. Да и хищников, особенно крупных, осталось на Земле так мало, что существование многих из них висит на волоске. Поэтому столь велик интерес людей самых разных профессий и возраста к жизни удивительно красивых, высоко-организованных хищных зверей, к изучению их обра-за жизни и поведения, а в конечном счете — к их будущему в современном урбанизированном мире.

Главная задача книги о хищных зверях, как, впрочем, и всей серии, — развивать и укреплять неуемный интерес читателей к окружающему нас миру, воспитывать в людях чувство любви к живот-

ным и сознание необходимости их сохранения.

Среди многочисленных книг о животных серия «Удивительный мир диких животных» по праву займет достойное место. Перед ее создателями стояла благородная задача сжатыми, но выразительными средствами содействовать природоохранительному воспитанию людей. С этой задачей они успешно справились, сумев найти эффективные средства воздействия на эстетические чувства и разум читателя. Краткий, емкий текст и превосходные, подчас уникальные фотографии раскрывают перед читателем ту или иную — существенную или же занимательную — сторону жизни описываемых видов.

Трудно сказать, что больше всего привлекает в книге: иллюстрации, сопровождающий их научный текст или же вставки из художественных произведений. Сначала об иллюстрациях. В книге собрано множество фотографий, не только технически совершенных, но и исключительно информативных. Впечатляют сделанные с самолета снимки охоты волчьей стаи на лося. Очень хороши фотографии, иллюстрирующие приемы охоты гиеновых собак, а также пятнистых гиен на антилопу гну. У туши зарезанной жертвы мы видим и обычных нахлебников — грифов и шакала, пытающихся урвать съедобный кусок от добычи удачливых охотников. Интересны сцены рыбалки бурых медведей на одной из речек Аляски.

Отдельные фотографии не несут столь большой фактической нагрузки. Их ценность в высоком эмоциональном воздействии на читателя. Таков, например, снимок одинокого волка, бредущего на закате по гребню холма. Волки-одиночки — всегда изгои. Это либо молодые животные, не ужившиеся в стае, либо старики, физически более не способные участвовать в совместной охоте. Запоминаются и высматривающий добычу среди льдин белый медведь, и молодой койот, судя по всему, без особого успеха охотящийся на луговых собачек. А при виде удивленных и немного настороженных мордочек щенков гиеновой собаки или же выводка красной лисицы у входа в нору читатель проникается симпатией к этим животным и в нем укрепляется чувство ответственности за их судьбу.

Краткий, но яркий и образный текст книги вполне отвечает современным научным представлениям. Содружество автора, Огдена Тэннера — известного журналиста и редактора, опубликовавшего уже несколько книг о животных и охране живой природы, — с крупными специалистами Нью-Йоркского зоологического общества оказалось весьма плодотвор-

ным. Следует особо отметить умелый подбор очерков о животных. Ведь очень важно не только *как* писать — а книга служит образцом популяризации зоологии, — но и *о чем* писать, что заслуживает упоминания, а что можно и опустить. В этом отношении книга о хищных зверях будет полезна не только широкому кругу читателей, проявляющих интерес к животному миру нашей планеты, но и тем, кто пишет на эту тему.

Книга дает представление об истории и эволюции отдельных видов, их распространении, особенностях функциональной морфологии, основных чертах биологии и поведения. При этом для разных животных или родственных групп наземных хищников акценты сделаны на те или иные, но обязательно характерные для данного вида, то есть видоспецифичные, особенности их образа жизни. У медведей это в первую очередь разнообразие географического распространения и жизненных форм, у волков — сложная популяционная структура, у гиеновых собак — охотничьи повадки и забота о потомстве и т. д. Наряду с этим создатели книги уделили большое внимание состоянию численности хищников, обстоятельствам, угрожающим благополучию популяций, что, несомненно, будет способствовать формированию у читателя сознательного и активного отношения к охране животных.

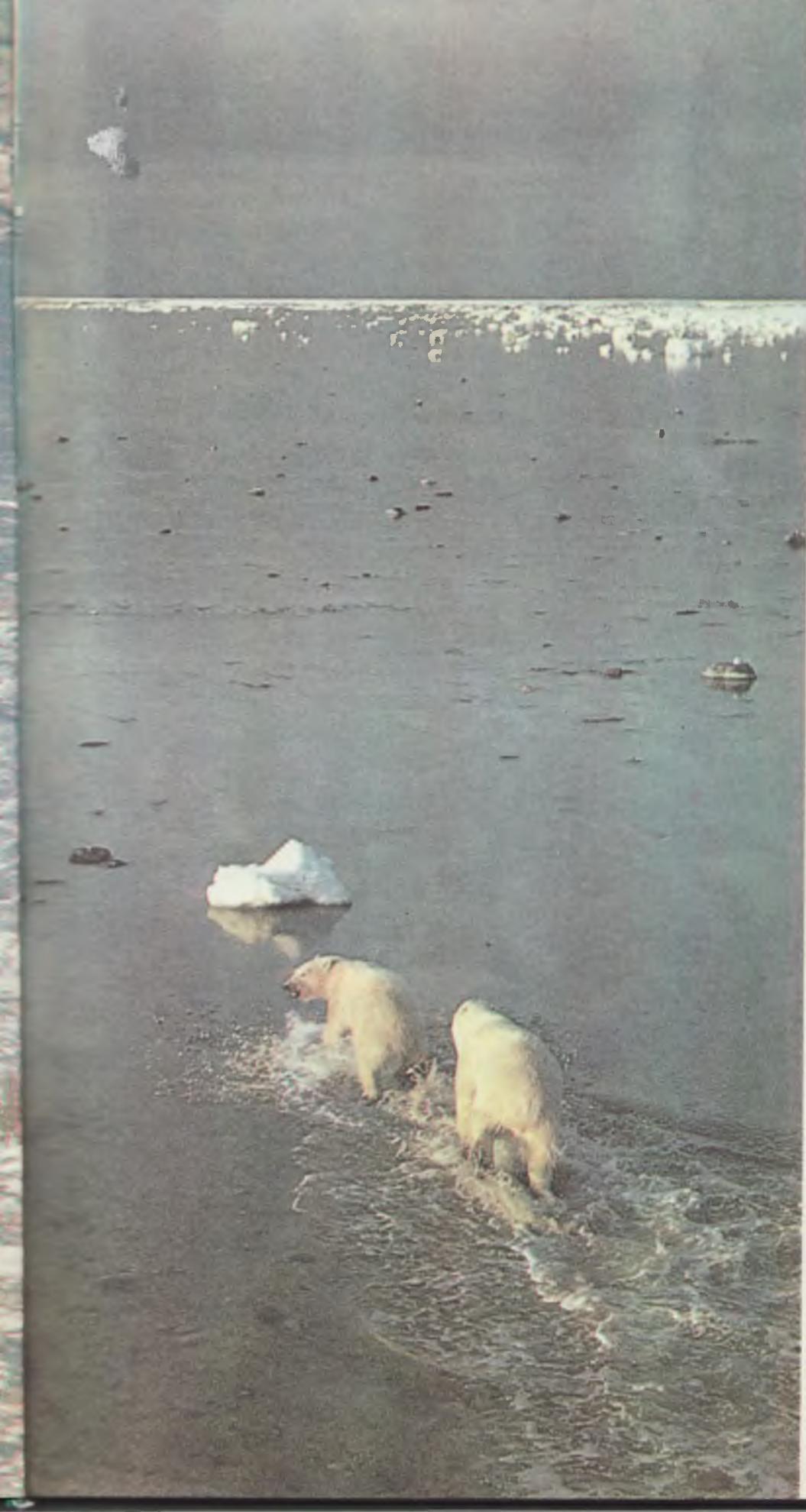
Вставки из литературных произведений, иллюстрированные рисунками из старых изданий и посвященные отдельным животным, удачно дополняют их современные научные характеристики. В данной книге читатель сможет познакомиться с отрывком о медведях Сьерра-Невады из книги естествоиспытателя Джона Мьюира — одного из основателей национальных парков в США. Здесь же приведены выдержки из повести Уильяма Фолкнера «Медведь». Яркие и правдивые картины жизни волков и гиен содержатся в отрывках из очень популярных у нас книг Фарли Моуэта и Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл, жизни койота — из книги Марка Твена «Налегке» и песца — по рассказу Эрнеста Сетона-Томпсона. Узнаем мы и новое для нас имя естествоиспытателя Джона Берроуза, описавшего свои наблюдения за горностаем при раскопке норы этого зверя.

Закрывая книгу, мысленно еще не раз возвращаясь к запомнившимся образам, хочется показать ее близким и знакомым, чтобы и им доставить радость от общения с прекрасным, но таким далеким от нас миром диких животных.

Д. И. Бибиков

Вступление

Белый медведь весом в полтонны осторожно ползет по арктическому ледяному полю, впившись маленькими глазками в жирного тюленя, который и не подозревает об опасности. Стая волков длинными прыжками летит по сугробам канадского леса, ловко увертываясь от тяжелых копыт ослабевшего старого лося, в которого они вот-вот вцепятся. Несколько гиен бегут за стадом зебр по африканской саванне, хватая за ноги отставшего жеребенка. Крохотная малая ласка, чей вес едва ли превышает пятьдесят граммов, напрягая слух и зрение, крадется по лугу где-то на Среднем Западе США в поисках мыши.

Все они, каждый по своему, искусно справляются с добычей, которую миллионы лет выслеживали и съедали их бесчисленные предки. Все они хищники, то есть живут охотой на других животных, все они плотоядные, то есть питаются мясом своих жертв. Вот почему у них много черт, которые сближают их не только между собой, но и с человеком. Ведь человек в незапамятные времена начал свой путь как первобытный охотник, причем не слишком умелый, и до сих пор многие люди ежедневно едят мясо животных. Однако в отличие от людей белые медведи, волки, гиены и ласки должны добывать свой кусок мяса всеми способами, какие есть в их распоряжении, защищать его от других хищников, а иногда и рисковать ради него собственной жизнью.

Медведи, волки (и другие представители семейства собачьих), гиены и куны составляют четыре группы хищников, объединенные происхождением от миацда — животного, жившего 50 миллионов лет назад.

Они обладают рядом общих свойств. У всех у них очень развиты чувства, помогающие обнаруживать добычу, — особенно обоняние, которое по меньшей мере в сто раз остree, чем у человека, и в наиболее высокой степени развито у волков. Почти все они — относительно умные, сообразительные животные с крупным, хорошо развитым мозгом. Большеукиеочные охотники вроде лисиц, кроме того, обладают тощим слухом и острым зрением в темноте. Большинство отличает подвижность в сочетании с быстротой или силой, позволяющими одолеть вспугнутую добычу, а также челюстями, зубами или когтями, приспособленными для того, чтобы вцепляться в мясо и рвать его. Те из них, для кого мясо составляет практически весь рацион, обладают большими изогнутыми клыками, чтобы пронзать и удерживать, другие зубы у них режущего типа, чтобы рвать и терзать. Поскольку этим животным не требуется пережевывать значительные количества растительной пищи, задние коренные зубы у них развиты слабо. А их простые желудки приспособлены для переваривания легкоусвояемого высокопитательного мяса других животных.

Таковы общие для них основные свойства, в остальном же наземные хищники распределились по ветвям эволюционного дерева очень широко, а подчас и неожиданно, развиваясь под воздействием конкретной среды своего обитания, имеющейся пищи и конкуренции со стороны других хищников. В результате у каждого есть свои специализированные приспособления, привычки, маскировка и способы охоты. Группа куньих на протяжении 35 миллионов лет разделилась на ряд крайне несходных видов. Норки и выдры, например, обитают возле водоемов, превосходно плавают и ныряют, успешно охотясь на ондатр и рыбу; куницы и пеканы умеют быстро лазать и гоняются за белками по деревьям, ловко перепрыгивая с ветки на ветку.

Медведи, ответвившиеся от главного ствола эволюционного дерева примерно тогда же, когда и куны, сохранили способность некоторых ранних миацдов лазать по деревьям. Какое-то время они питались почти исключительно мясом, но затем стали всеядными — причину этого ученым пока установить не удалось. Большие панды (с. 56—57) дальше всех отошли от мясной диеты и до последнего времени считались строгими вегетарианцами. Белый медведь, обитающий в Арктике, где

(xa)

Строение лапы позволяет узнати очень много о том, как животное добывает пищу. Все изображенные здесь лапы, кроме медвежьей, принадлежат охотникам, которые загоняют добычу благодаря быстрому бегу и выносливости. Некоторые представители семейства собачьих, такие, как, например, волк, бегут, опираясь только на четыре пальца, а пятый, вернее его зачаток, свисает сбоку. У гиеновой собаки этот рудиментарный большой палец исчез вовсе, и ее лапы очень похожи на лапы гиены, которая охотится примерно тем же способом. У обоих животных пятка, ненужная для быстрого бега, но полезная в качестве тормоза, помещена довольно высоко. Медведь — животное сравнительно медлительное и может позволить себе роскошь ступать не только на все пять пальцев, но и на пятку. Его лапы очень сильны, и он пользуется ими, чтобы выкапывать корни, разрывать кору и разламывать гнилые стволы в поисках насекомых или меда.

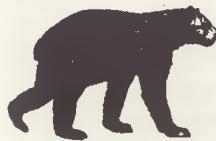
выбор пищи — особенно растительной — невелик, стал почти исключительно плотоядным и великолепно развил способность плавать и пользоваться по-пластунски, охотясь на тюленей, свою излюбленную добычу.

Члены семейства собачьих, разошедшиеся с медведями на путях эволюции примерно 40 миллионов лет назад, сохранили ту же вытянутую морду и примерно такие же 42 зуба, но развились в гораздо более легких и подвижных животных. Волки, койоты и другие дикие собаки-охотники превосходно приспособлены к бегу на длинные дистанции и могут без особого труда затравить быстрое, а нередко и более крупное, чем они сами, животное. Одно из заметных и важных различий между медведями и их дальними родственниками семейства собачьих наглядно проявляется в походке: первые ступают на всю подошву, как того требует тяжесть их тела, вторые же опираются на подушечки пальцев, точно бегуны на короткие дистанции.

Из всех этих зверей, а вернее, из всех животных вообще человек дольше всего и теснее всего соприкасается с семейством собачьих, члены которого вызывали в нем как самую глубокую привязанность, так и самый сильный безотчетный страх. Можно с уверенностью предположить, что древние люди на примере волков поняли преимущества совместной охоты и взаимодействия при защите от врага или при нападении на крупную дичь. Очень вероятно также, что они нередко следовали за волчьими стаями, рассчитывая таким образом отыскать добычу, которую сами не были способны учуять, услышать или увидеть. А когда дикие собаки из любопытства принимались изучать человеческие повадки — кружась в мгле, куда не достигал свет костра, внимательно наблюдая за двуногими созданиями и жадно втягивая ноздрями неотразимый аромат свежего мяса, — кто-нибудь из охотников мог кинуть им обрезок-другой. В любом случае собаки запоминали, что в том месте, где люди добыли оленя или антилопу, можно найти остатки туши, которые без труда достанутся им, если следовать за группами людей. Дикие собаки — не только охотники, но и животные с высокоразвитой социальной структурой — сумели постепенно приспособить свои инстинкты и умение жить в стае к человеческим группам, взявшим их под свою опеку. Этому могло содействовать и определенное сходство между законами собачьей стаи и тем, как люди делились пищей, общались и ладили между собой.

Время шло, и собаки начали развиваться в других отношениях. Генетически они крайне гибки и легко дают новые линии. Возможно, заметив, что одна собака, с крепким костяком и массивными челюстями, особенно полезна, когда приходится иметь дело с медведем, а другая, поджарая и не такая большая, хорошо загоняет скот или выселяет птиц, люди начали помогать природному процессу, отбирая собак с определенными данными для определенных целей, и мало-помалу вывели множество высокоспециализированных пород. Несколько тысяч поколений собак обеспечили поистине астрономическое число всяческих возможностей и комбинаций. В наши дни существуют собаки буквально всех фасонов и размеров — от ищееек, овчарок, пойнтеров и сеттеров, которые работают для человека, до оригинальных, если и не слишком полезных декоративных и комнатных собачек вроде пуделей и болонок. Большинство палеонтологов и генетиков согласны в том, что все существующие в настоящее время породы собак, от крохотных чихуахуа до могучих датских догов, включая богатейшее разнообразие между этими двумя крайностями, восходят в своем происхождении к волкам, жившим около 20 тысяч лет назад.

Любители и знатоки собак усматривают немалую иронию в том, что животное, которое в одомашненной форме человек считает самым верным помощником и другом, в своей исходной, дикой форме представляется ему злобным и свирепым врагом, не заслуживающим ничего,

КОРОТКОМОРДЫЙ
МЕДВЕДЬ

МАЛАЯ ПАНДА

ОЧКОВЫЙ
МЕДВЕДЬ

БОЛЬШАЯ ПАНДА

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ

ГИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ

МАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ

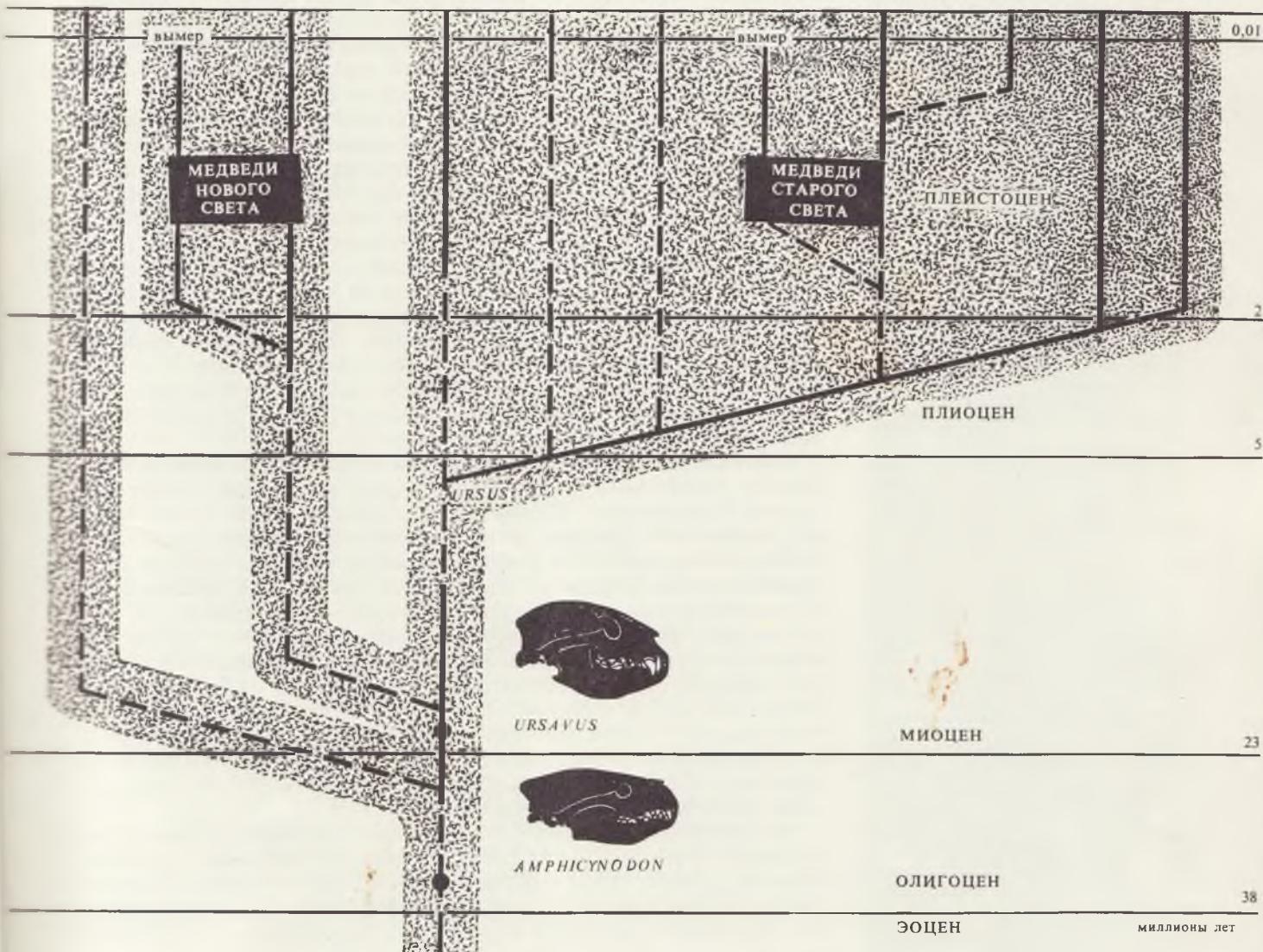
ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

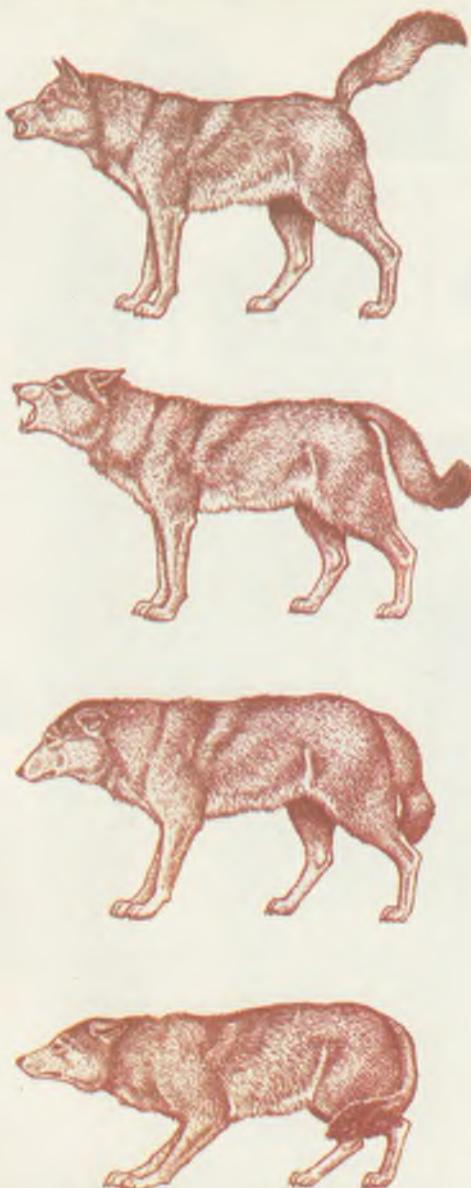
БАРИБАЛ

МИАЦИДЫ

Происхождение медведей, как и других хищников, прослеживается к миацидам — мелким, похожим на кунц животным с сильно вытянутой мордой, которые жили около 50 миллионов лет назад. Примерно 38 миллионов лет назад медведи пошли собственным эволюционным путем. Первым животным с отчетливо выраженным медвежьими чертами был *Amphicyonodon*, первым истинным медведем — *Ursavus* (оба обозначены на таблице черепами — единственным, что от них сохранилось). Современный род медведей (*Ursus*) появился около 5—10 миллионов лет назад. Приналежит ли малая панда к медведям или енотам — вопрос спорный. В схеме она на основании определенных особенностей черепа и скелета отнесена к медведям. Большая панда, в течение долгого времени считавшаяся енотом, теперь признана медведем. Сплошные вертикальные линии соответствуют тем периодам, от которых сохранились окаменелости. Пунктирные линии обозначают предположительное родство, полностью не прослеженное.

На рисунках показаны изменения позы и выражения морды у волков — от вызывающей уверенности в себе до заискивающей подчиненности. Вверху доминирующий волк в угрожающей позе — зубы оскалены, хвост поднят. Второй волк не так уверен в себе — уголки рта оттянуты, уши прижаты, хвост полуопущен. У третьего волка заметны четкие признаки страха — уши прижаты, рот и хвост выражают явную покорность. Четвертый волк показывает еще большую покорность — его хвост опущен и прижат к туловищу, насколько возможно.

кроме меткой пули. Но когда люди предпочли вечной погоне за добычей менее утомительный метод одомашнивания кур, овец и свиней, оставшиеся дикими собаки, будучи смышлеными хищниками, не замедлили распознать в этих животных новый источник пищи. Порой они относились без должного уважения к границе, которую человек провел между жилистым быстроногим оленем и откормленным теленком или жирной курицей. И вот, наслушавшись у пылающих очагов побасенок о кровожадных волках, о волках в овечьей шкуре и еще обо всяких скверных волках, поселенцы отесняли дикую природу все дальше и дальше, уничтожая не только естественную среду обитания волков, но и их самих.

В настоящее время во многих областях их прежнего ареала волков не осталось вовсе, да и остальные дикие собаки повсюду подвергались безжалостному преследованию. Велась охота и ставились капканы и на других хищников, но не столько ради охраны домашнего скота, сколько ради спортивного интереса или дорогих шкур. Гризли — медведь, некогда обитавший на американском Западе повсюду, — теперь сохранился лишь в национальных парках и (несколько большем числе) в глухих уголках Канады и Аляски. Популяция белого медведя заметно сократилась и составляет теперь что-то между 5 и 20 тысячами особей. Виноваты в этом не эскимосы, при случае убивающие белого медведя ради мяса, а зазевшие любители сильных ощущений, которые настигают ничего не подозревающих зверей на снегоходах и вертолетах, стреляют в них из дальнобойных ружей с безопасного расстояния и, забрав шкуру и череп в качестве трофея, оставляют тушу на льду. Лишь совсем недавно это редкое животное обрело некоторую защиту благодаря международным соглашениям, заключенным странами, на территории которых оно обитает. Хищники помельче, вроде норок, куниц и пеканов, хотя их численность и велика, также понесли значительный ущерб как из-за охотничьего промысла, поскольку их мех высоко ценится, так и из-за сведения дремучих лесов, их былого приюта.

Уничтожение хищников, каковы бы ни были на то причины, может нарушить естественное равновесие в природе и привести к катастрофическим последствиям. Классическим примером стало плато Кайабаб на севере штата Аризона, где в начале века, с развитием скотоводства, были введены премии за убитых хищников, главным образом волков и койотов, чтобы избавить крупный рогатый скот и овец от их нападений. В капкан или под пулью угодило так много этих хищников, что олени, на которых они преимущественно охотились, выбирая, как правило, самых слабых, старых и больных и удерживая их численность в нормальных пределах, начали стремительно размножаться — четырехтысячное стадо буквально за несколько лет выросло до ста тысяч. Трава на плато была съедена и вытоптана, кустарники и молодые деревца уничтожены, и только за зиму 1924/25 года от голода пало 60 тысяч оленей. Егерям приходилось без конца решать проблему отстрела оленей, чтобы рост стад вновь не привел к катастрофе.

Во многих других местах, где пытались уничтожить хищников, считавшихся опасными для человека и домашних животных, численность луговых собачек, крыс, мышей, других мелких грызунов и кроликов, уже не контролируемая плотоядными, увеличивалась в таких масштабах, что они губили урожай на корню. Чтобы избавиться от ненасытных

грызунов, фермеры и правительственные агенты травили их ядами, после чего выяснялось, что жертвами отравы становились и еще уцелевшие койоты, лисицы, барсуки, хорьки и ласки, которые могли бы спрятаться с грызунами. Подобный опыт принес свои плоды: в последнее время все более крепнет убеждение, что хищники — вовсе не «жестокие и подлые убийцы», какими их считают некоторые, но просто существа, охотящиеся, чтобы добывать себе пищу, заодно уничтожая избыточных животных и тем самым помогая сохранять сложную паутину жизни. Кроме того, становится ясно, что хищник, именуемый человеком, со всеми его ружьями, капканами и химикалиями, грубо воздействуя на природу, может вырыть яму себе же, и не в столь уж отдаленном будущем.

Два североамериканских животных совершенно по-разному иллюстрируют широту и сложность этой проблемы. Речь идет о койоте и черногором хорьке. Койот не только сумел выжить на протяжении десятков лет ожесточенной войны против него, но и заметно расширил свой ареал, а возможно, стал и еще более сообразительным, чем был когда-либо прежде. Койоты — не специализированные животные. Они очень смуглены и легко приспособляются к меняющимся условиям. Так, они научились питаться практически чем угодно, включая отбросы на помойках, а также, что еще важнее, ловко прятаться и не попадаться на глаза людям. Отступая под натиском разъяренных пастухов и скотоводов, они обосновались в окрестностях почти всех крупных городов на западе США. А в лесах на востоке страны, где никогда прежде этих зверей никто не видел, теперь появились крупные койоты — возможно, особый подвид (с. 98—99). Жители холмистых районов Лос-Анджелеса — города, в пределах которого обитают чуть ли не две тысячи койотов, — перестали заводить кошек и маленьких собак, потому что койоты их поедают, и научились получать удовольствие оточных завываний в каньонах. «Койот вовсе не живет у нас на задворках, — сказал местный энергичный сторонник охраны дикой природы, добившийся того, чтобы муниципальные власти устроили вокруг города водопой для койотов и других диких животных. — Это мы живем на задворках у него».

Не так уж много американцев хотя бы слышали про черногорого хорька, маленького члена семейства куньих, который, подобно койоту, некогда обитал на Великих равнинах повсюду. А сейчас он принадлежит к редчайшим животным мира. Его беда заключалась в том, что он питался почти исключительно луговыми собачками — он обходил по ночам их колонии, забирался к ним в норы и находил там свой обед. По мере того как фермеры распахивали норы и отравляли их обитателей, потому что они поедали слишком много травы и рыли норы, в которых коровы и лошади ломали ноги, начал вымирать и черногорий хорек, погибая и от яда и от голода — ведь его добыча исчезала. В настоящее время никому не известно, сколько еще сохранилось этих пугливых красивых зверьков с черными лапами и задорной черной маской вокруг глаз. Биолог, который посвятил жизнь розыскам черногорого хорька, в последние годы не видел ни одного, и специалисты с грустью поместили этот вид в список видов, которым грозит полное исчезновение, куда уже занесены другие некогда многочисленные охотники вроде гризли и лесного волка.

Бурые и черные медведи

Медведи, или Ursidae, — это тяжеловесы среди хищников. Аляскинский бурый медведь в расцвете сил или белый медведь, встав на задние лапы, достигает в высоту более трех метров и весит добрых семьсот килограммов.

Медведи сильно различаются по размерам, окраске и среде обитания, но все они — могучие, плотно сложенные звери с вытянутой, как у собак, мордой, маленькими глазами и ушами, мощными когтями и медлительной переваливающейся походкой, которая внезапно может смениться паразительным по стремительности рывком. В поисках возможных источников пищи они полагаются не только на острое обоняние, но и на любопытство. Часть их рациона составляет падаль, но, кроме того, они ловят мышей, разыскивают птичьи яйца и насекомых. Хотя семейство медвежьих относится к отряду хищных, медведи поедают весьма солидное количество всякой растительной пищи — различные злаки, корни, ягоды и орехи — и готовы терпеть укусы разъяренных пчел, лишь бы добраться до меда, своего любимого лакомства.

Наиболее широко распространен бурый медведь, обитающий по всей Европе, в Азии и Северной Америке. Вопреки названию окраска бурого медведя колеблется от черной до желтой, рыжеватой и бежевой. В северном полушарии бурый медведь издавна внушал людям страх и восхищение. Ему даже поклонялись, как царю зверей, и в народных сказках он занимает особое место.

Бурые медведи, еще сохранившиеся в лесах Европы, относительно мелки. Те, которые обитают в глухих уголках Пиренеев и Альп, весят не более 90 килограммов, а вес живущих на Скандинавском полуострове и на территории Советского Союза может достигать 350 килограммов.

Еще дальше на восток, по ту сторону Тихого океана, на западном побережье Соединенных Штатов Америки, Канады и Аляски, бурые медведи, получившие там название гризли (серые) — из-за того, что белые кончики волос придают многим особям заиндевевший или посеребренный вид, — достигают в зрелости веса более 400 килограммов. Это зверь, с которым не следует допускать фамильярности. Хотя обычно он предпочитает избегать человека, медведица, защищая медвежат, может ринуться во внезапную атаку, а известны случаи, когда на коротких дистанциях медведи обгоняли лошадь.

Самые крупные из всех бурых медведей — большие бурые медведи, или кадьяки, обитающие на побережье и островах Аляски. Они весят до 700 килограммов. Эти гиганты пытаются чем угодно — от горной голубки до выброшенной на мелководье китовой туши, но всему предпочитают крупного тихоокеанского лосося, который каждое лето поднимается по впадающим в море речкам на нерест. Когда огромный кадьяк встает на задние лапы, высматривая подходящую заводь, трудно поверить, что это чудовище родилось слепым и беспомощным, было тогда величиной с крысу и весило меньше четырехсот граммов.

Бурая медведица приносит медвежат (от одного до четырех, но, как правило, двух) в январе — феврале и кормит им молоком в берлоге до апреля — мая, когда они выбираются из своего убежища и отправляются с ней на поиски пищи. Обычно медвежата остаются с матерью год или больше, пока для нее не приходит время вновь привести потомство.

Мельче бурых медведей, но более распространены в родной им Северной Америке американские черные медведи (барибалы). Их ареал простирается от Мексики до Аляски и от гор Калифорнии до болот Флориды и лесов Мэнса. Черные медведи, обычна туристская приманка большинства национальных парков, столь же разнообразны по окраске, как и их более агрессивные бурые родственники. На западном побережье часто встречаются светло-коричневые особи, аляскинская разновидность (глетчерные медведи, как их называют) — серебристо-голубая, а обитающий на острове Грибелл у берегов Британской Колумбии кермо, нередко бывает белоснежным.

Черные медведи гораздо лучше лазают по деревьям, чем более тяжеловесные бурые. В горах Грейт-Смоки на юго-востоке Северной Америки, где, как и в бесчисленных других местах, человеческая деятельность оттеснила медведей на все уменьшающиеся островки дикой природы, они не только при малейшей тревоге торопятся забраться на дерево, но иногда и спят в дуплах где-нибудь в двадцати метрах над землей.

Азиатские и южноамериканские медведи в основном имеют черную окраску с различными метинами и, как правило, не бывают тяжелее 140 килограммов. Длинношерстный большехукий азиатский черный медведь, которого называют также гималайским, — лишь отдаленный родственник американского черного медведя. Он обитает в горных лесах повсюду от Афганистана до Японских островов и большую часть времени проводит на деревьях в поисках орехов и желудей. Диковинного вида медведь-губач, обитатель Индии и Шри Ланки, с очень вытянутой мордой и изогнутыми когтями, приспособленными для лазанья и копания, питается плодами, сахарным тростником и медом. Однако у него есть и любимое лакомство — термиты, которых он выдувает из терmitника и всасывает, поднимая шум, напоминающий завывание пылесоса и слышимый на расстоянии в сотни метров. Очковый медведь, получивший это название за желтоватые кольца вокруг глаз, теперь учен только в высокогорных лесах на склонах южноамериканских Анд. Питается он в основном плодами и пальмовыми побегами, а спит в гнездах, которые сооружает из деревьев из веток и листьев. Самый мелкий из медведей забавный кособрюхий малайский медведь, весящий менее 70 килограммов и обитающий в Юго-Восточной Азии, лазает по деревьям, ест плоды и сооружает гнезда. Малайцы иногда приручают их, щедро угощая медом, и держат в качестве домашних любимцев.

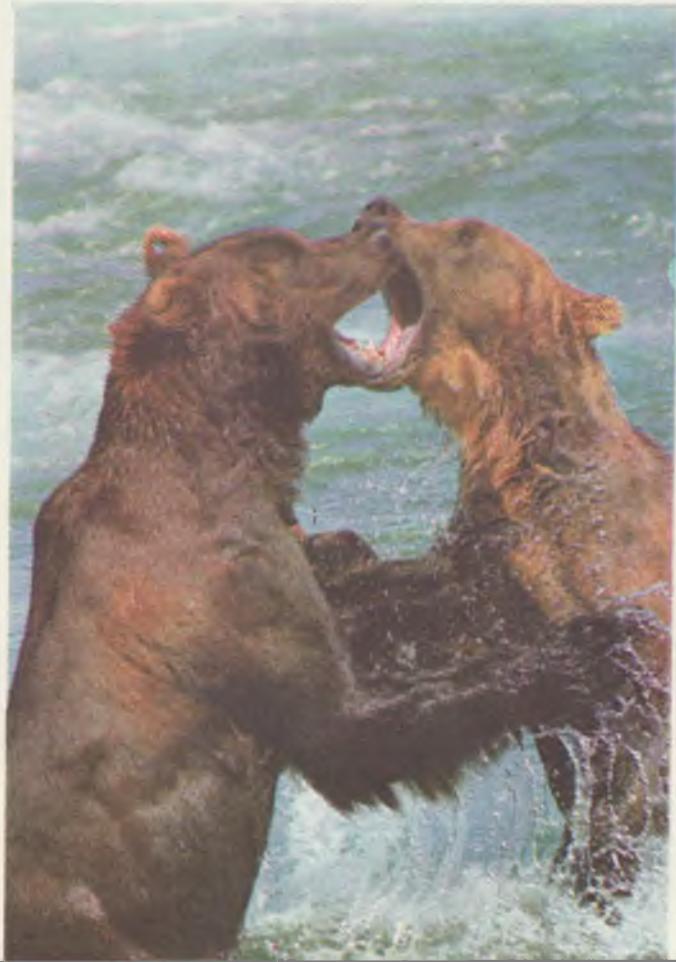

Рыбалка

У бурых медведей нет врагов, а пищу они легко находят в одиночку. Поэтому у них не возникла потребность в групповом образе жизни. Однако каждое лето, когда начинается ход лосося, бурые медведи в окрестностях реки Мак-Нил на юго-западе Аляски отказываются от привычного одиночества и собираются у Мак-Нилских быстрин — великолепных угодий для рыбной ловли, примерно в полутораста километрах от устья реки, — чтобы наесться до отвала лососем, поднимающимся к нерестилищам. Ежегодное паломничество к Мак-Нилским быстринам для большинства медведей — первое за десять месяцев соприкосновение с себе подобными, и они яростно отвоевывают друг у друга (внизу) наиболее удобные места. Как правило, такие места достаются самым крупным медведям, вообще же тут соблюдается определенный иерархический порядок: сначала матерые самцы, потом медведицы с медвежатами, одинокие медведицы и, наконец, на нижней ступени лестницы — молодые животные.

Лосось идет все гуще, и у быстрин появляются все новые медведи. Их тут собирается от 40 до 80 — крупнейшее сортище медведей из всех, какие только наблюдались на аляскинских реках. Но несмотря на тесноту, агрессивность угасает, потому что каждый медведь озабочен лишь тем, как бы съесть побольше, а рыбы хватает на всех.

Аляскинский бурый медведь плюхается в воду животом. Это один из наиболее распространенных приемов рыбной ловли у медведей. На удобном месте на берегу или в воде медведь выжидает, пока не увидит лосося, борющегося с течением, а тогда ныряет и лапами или мордой прижимает рыбу к каменистому речному дну. Один естествоиспытатель видел, как за 15 минут медведь поймал двух лососей, нырнув всего шесть раз.

Медведь на середине протоки подцепляет лапой плавающего лосося. За раз он может съесть до восьми рыб, прежде чем направедет в лес вздремнуть.

Схватив крупную рыбу, медведь выходит на берег, где обычно и поедает ее. В начале нереста рыба съедается целиком «буквальном смысле слова, но затем, когда лосось идет уже сплошным косяком, а медведи успевают нагулять жир, они становятся разборчивее и выдаают только лакомые части. К концу сезона некоторые гурманы довольствуются лишь икрой или чешками. Но зря ничего не пропадает. Остатки подбирают щенки и менее расторопные медведи.

Обучайтесь сами

Медведицы, приходящие к Мак-Нилским быстринам ловить лосося, не тратят времени на обучение этому искусству медвежат. Малыши должны полагаться на собственную наблюдательность и на метод проб и ошибок. Матери заботятся о том, чтобы их детеныши получили всю рыбу, необходимую для роста, и одновременно сами накапливают жизненно необходимый слой жира, который поддерживает их на протяжении зимы.

Хотя брачный сезон у медведей приходится на весну, по меньшей мере четыре вида (включая показанных здесь бурых, американских черных, гималайских и белых медведей) обладают поразитель-

ным адаптационным механизмом, так называемой латентной стадией, во время которой оплодотворенная яйцеклетка не развивается и, следовательно, не требует от организма дополнительного расхода энергии, пока медведица не разжиреет на лососях и растительной пище. Поздней осенью, если запас жира достаточен, яйцеклетки начинают развиваться, и в середине зимы медведица приносит в берлоге двух-трех медвежат — редко одного и еще реже четырех. Медведица — заботливая мать, хотя к исходу первого или второго лета она утрачивает интерес к подросшим медвежатам и может вновь спариться.

Молодой медведь, ужне не рассчитывающий на материнскую защиту, спасается в воде от другого медведя, чтобы не лишиться своей добычи. В два с половиной года медвежата оказываются предоставленными самим себе, хотя самки достигают половой зрелости еще только через полгода, а самцы — через полтора года. Если их мать снова нашла брачного партнера, они могут уйти от нее из страха перед ее поклонником, поскольку взрослые самцы нередко убивают медвежат.

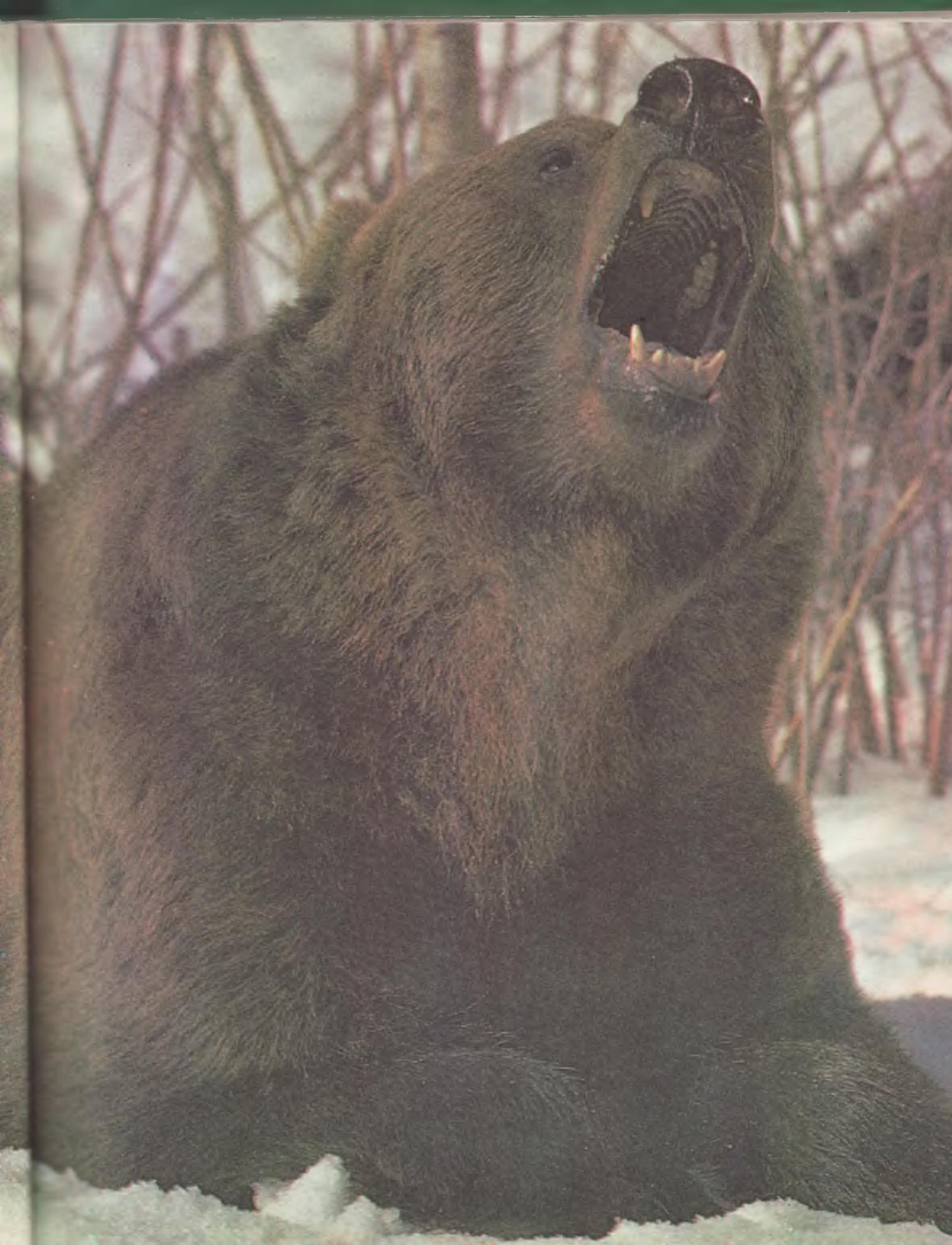
Медведица, таща большого лосося, уходит от Мак-Нилских быстрин в сопровождении четырех медвежат, которые могут быть и ее собственными, и чужими. Путаница во время этого ежегодного сборища случается довольно часто — хотя медведицы и узнают своих медвежат, те, по-видимому, не всегда способны узнать мать. Впрочем, медведицы обычно кормят чужого медвежонка своей добычей и даже дают ему сосать молоко, пока его не разыщет родная мать. А если она так и не явится, медвежонок остается с приемной матерью, которая не делает никаких различий между ним и собственными детенышами.

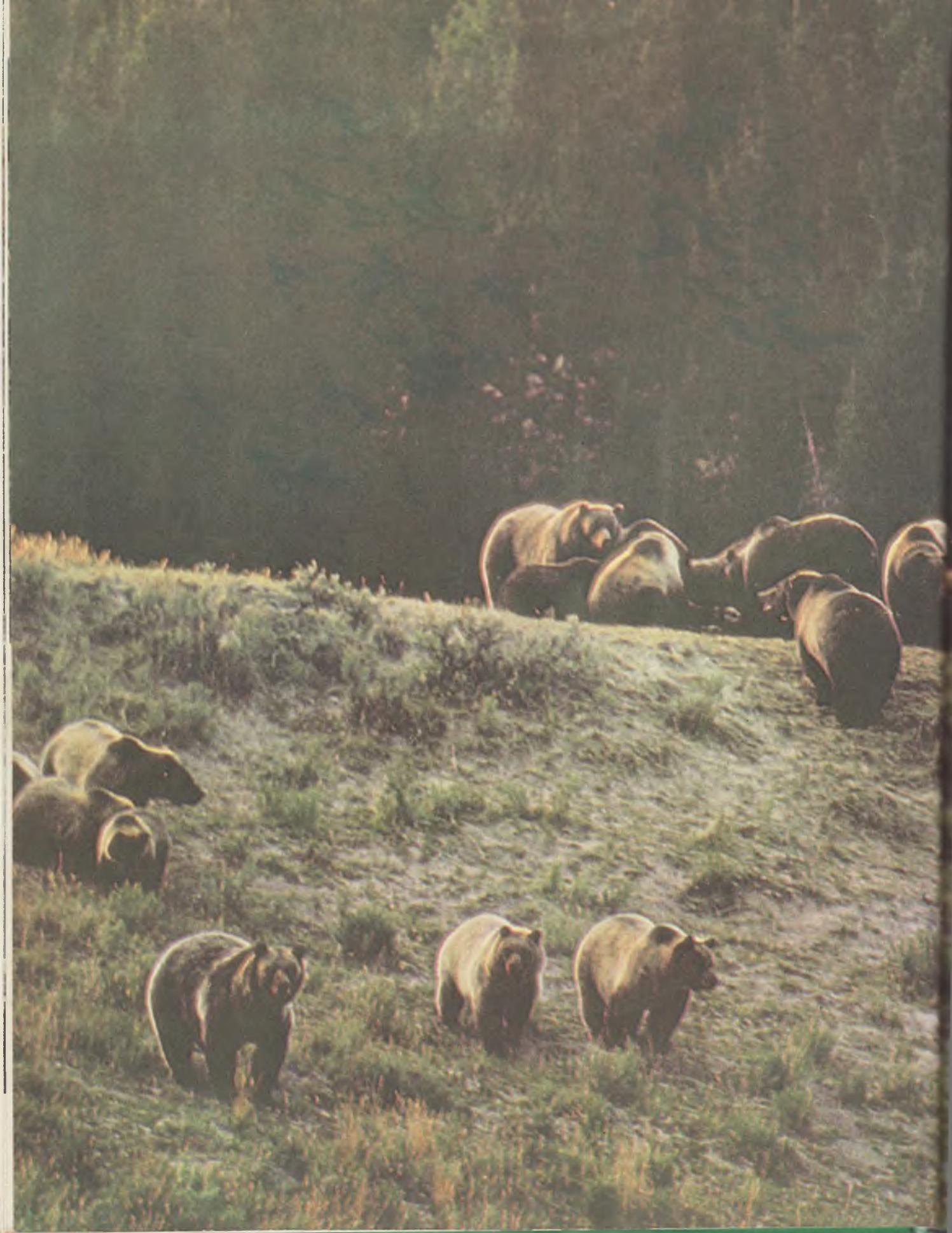

Великаны кадьяки

К тому времени, когда в южную часть ареала аляскинских бурых медведей приходит зима, они за предшествующие месяцы успевают разжиреть настолько, что могут пропоститься до весны в пещере или берлоге. Кадьяки, подобно всем другим медведям, в настоящую зимнюю спячку не впадают, а просто спят значительную часть зимы. Температура их тела сильно не снижается и обмен веществ особенно не замедляется, как это бывает при истинной спячке, такой, как у бурундуков и североамериканских летучих мышей. Тем не менее кадьяки и большинство других медведей, как правило, до весны не проявляют никакой активности.

Во время их долгого зимнего сна замечательное приспособление, так называемая анальная пробка, препятствует тому, чтобы они испачкали испражнениями себя и берлогу. Предполагается, что эта пробка представляет собой накопившиеся остатки растительной пищи, блокирующие кишечник до весны, когда они выбрасываются наружу.

Владыки гор

Гризли, бродящие по Северо-Американскому материку вот уже миллион лет, сумели пережить и саблезубого тигра и мастодонта. Но когда они стали мишенью охотников с ружьями, от десятков тысяч гризли, некогда обитавших на Великих равнинах, в Скалистых горах и в горах Сьерра-Невады американского Запада (на лесистом Востоке они никогда не жили), осталась лишь ничтожная доля. Теперь почти все уцелевшие гризли обитают на Аляске и в Канаде, а в сорока восьми штатах к югу от канадской границы их вряд ли наберется и тысяча, причем практически все эти медведи обитают на четырех миллионах гектаров в Айдахо, Монтане и Вайоминге.

Положение этого вида стало настолько угрожающим, что в закон от 1973 года об охране видов, находящихся под угрозой исчезновения, была внесена поправка, обеспечивающая охрану гризли, в том числе и этому медвежонку внизу, снятому в Колорадо.

Гризли в Йеллоустонском парке, где их относительно много, собирались возле туши павшего бизона. Подобно бурым медведям на Аляске во время перестоя лосося, гризли часто собираются вокруг падали, хотя обычно и не в таком большом количестве (слева).

На этих снимках гризли, отыскавший павшего чернохвостого оленя, защищает свою добычу от четырех лесных волков. Когда медведь становится между волками и тушей (вверху), волки быстро отступают, но стоит медведю отойти за тушу, как они снова подбираются ближе (справа). Гризли всеядны и пытаются чем могут — начиная от муравьев и кончая китами, выброшенными на берег, не отказываются они от падали и дохлой рыбы. В редких случаях убивают варанти и выкапывают бурундуков и лисиц.

Все еще пытались отогнать гризли, волки (вверху) кружат на безопасном расстоянии от его смертоносных когтей. Там, где их ареалы перекрывают друг друга, гризли и волки сосуществуют в общем мире. Один естествоиспытатель наблюдал, как гризли с волком бок о бок терзали тушу карibu. Но если гризли решает отобрать добычу у волка, это ему почти всегда удается. И в данном случае победа остается за гризли, а волки (слева) убегают на поиски более легкой добычи.

Наши национальные парки

Встреча нос к носу с медведем в дремучем лесу — приключение особого рода, в чем имел возможность убедиться Джон Мьюир, шотландец по рождению и естествоиспытатель, вложивший немалую лепту в создание американских национальных парков. Две встречи с медведями в горах Сьерра-Невады, описанные Мьюиром в его книге «Наши национальные парки», отрывок из которой приведен ниже, убедили его, что это вовсе не робкие, прячущиеся от чужих глаз существа, какими их изображали жители гор, и не злобные кровожадные убийцы из легенд и сказок, а спокойные, исполненные достоинства животные, нелегко выходящие из равновесия и вовсе не склонные сразу нападать.

Медведи Сьерры, бурые и серые, истинные секвойи царства животных, бродят в парке повсюду, но лишь немногим путешественникам выпадает удовольствие полюбоваться ими. Они кочуют по величественным лесам и каньонам в зной, холод и дождь, упиваясь своей силой, всюду чувствуя себя

дома, гармонируя с могучими деревьями, скалами и дремучим подлеском. Счастливцы! Жребий определил им дивные места: поляны лилий среди белых пихт, бесконечное море всевозможного цветущих кустов на склонах, в долинах, по берегам речек, каньоны, звенищие музыкой водопадов, перелески, прекрасные, как райский сад, — места, где скорее ожидаешь увидеть ангелов, а не медведей.

В этом краю медведю не грозит голод. Круглый год стол для него накрыт, ибо те или иные из тысяч излюбленных лакомств ждут его каждый месяц то выше, то ниже в горах, точно припасы на полках в кладовой. И от одной такой полки к другой, от одного времени года к другому вверх и вниз по склонам перебирается он, повсюду насыщаюсь яствами столь разнообразными, словно он побывал на севере, а потом далеко на юге. Пищей ему служит почти все, кроме гранитных валунов. Каждое дерево, каждый куст и каждый злак помогают ему утолить голод — плодами и цветами, листьями и корой, — и любые живые существа, которых ему удается поймать: барсуки, суслики, бурундуки, ящерицы, змеи и прочие, а также муравьи, пчелы, осы, старые и молодые, вместе с личинками, яйцами и гнездами. Раздробленное, смешанное, все это наполняет его удивительный желудок, исчезая, точно в огне. Какое пищеварение! Овцу, раненого оленя, свинью он уплетает еще теплыми, быстро заглатывая их, точно мальчишка оладьи. А если ему попадется туша, пролежавшая месяц, он и за нее примется с огромным аппетитом. Такой плотный обед перемежается земляникой и клевером, малиной, грибами и орехами, желудями и ягодами черемухи, от которых вяжет во рту. И, словно опасаясь, как бы что-то в его владениях не осталось несъеденным, он вламывается в хижины в поисках сахара, сущеных яблок, солонины и прочего. Случалось, что он съедал и постель хозяина, но обычно, удовлетворившись более лакомыми кушаньями, он ее не трогает, хотя бывали случаи,

Когда Джон Мьюир в 1879 году приехал в Йосемитскую долину, он устроился пильщиком на местную лесопильню и построил себе жилище — вот эту маленькую бревенчатую хижину. Он утверждал, что это был «самый красивый дом во всей долине». Рисунок хижины, как и два остальных, иллюстрирующий отрывок, принадлежит самому Мьюиру.

когда медведь вытаскивал постель через дыру в кровле, уносил к подножию дерева и растягивался на ней вздремнуть часок-другой. Он ест все, но его не ест никто, кроме человека, и человек — единственный враг, которого ему надо остерегаться. «Мясо медведей, — сказал мне один охотник, — мясо медведей — лучшее мясо в горах, их шкуры — лучшая постель, а жир — лучшее масло. Двух лепешек с ним человеку на целый день хватает».

Во время моего первого свидания с медведем Сьерры мы робели и смущались — мы оба, но он вел себя воспитаннее, чем я. Когда я его увидел, он стоял на цветущей поляне. Укрывшись за деревьями, я некоторое время наблюдал за ним, а потом выскочил прямо на него, надеясь познакомиться с его трусцой, когда он побежит от меня. Но вопреки всему, чего я наслушался о пугливости медведей, он и не подумал пуститься наутек, а, наоборот, поглядел на меня с некоторым вызовом, так что, остановившись как вкопанный шагах в десяти от него, я сразу понял, какую непростительную ошибку допустил. Пришлось вспомнить о хороших манерах, и после этого я ни разу не нарушил этикета, принятого в пустынях и дебрях.

Это произошло во время моей первой экскурсии в лес на севере Йосемитской долины. Я жаждал встреч с животными, и разные звери появлялись совсем рядом, словно желая себя показать и меня посмотреть, однако медведей среди них не было.

Старый горец в ответ на мои расспросы объяснил, что медведи очень пугливы, за исключением угрюмых старых гризли, и что я могу годами бродить по горам, так ни одного и не увидев, если только не отдашь этой цели все помыслы и не перейму бесшумную повадку охотников. Тем не менее всего через несколько недель после того, как я выслушал эти наставления, я встретил упомянутого выше медведя и получил инструкции из первых рук.

Я разбил лагерь в лесу примерно в миле от края долины, рядом с речкой, которая течет в нее по Индейскому каньону. День за днем на протяжении

Южный обрыв Йосемитской долины.

многих недель я взбирался на вершину Северного купола, чтобы делать наброски, — оттуда видна вся долина, а я стремился зарисовать каждое дерево, каждую скалу, каждый водопад. Моим спут-

ником был сенбернар Карло, отличный пес, большой умница, принадлежавший охотнику, который вынужден был все лето оставаться на знойных равнинах и рад был на это время одолжить его мне, чтобы жаркие месяцы пес провел в горах. Благодаря долгому опыту Карло отлично разбирался в медведях — он-то и привел меня на свидание с моим первым медведем и, казалось, был не менее его изумлен моим неохотниччьим поведением. Как-то июньским утром, едва между стволами деревьев хлынули солнечные лучи, я направился к Куполу, предполагая весь день посвятить рисованию, но не успели мы пройти и километра, как Карло понюхал воздух, опустил мохнатый хвост, прижал уши и начал ступать мягко, точно кошка, через каждые несколько шагов оборачиваясь и бросая на меня выразительные взгляды, яснее всяких слов говорившие: «Впереди неподалеку медведь!»

Я осторожно пошел в этом направлении и скоро увидел покрытую цветами поляну, которую хорошо знал. Тогда, памятуя о пугливости медведя, я опустился на четвереньки, подкрался к толстому дереву на ее краю и осторожно выглянул из-за высокого корня. Посреди поляны, шагах в двадцати пяти от меня, стоял, опираясь передними лапами на ствол поваленной пихты, большой светлокоричневый медведь. Трава и цветы почти скрывали его зад. Он внимательно прислушивался и принюхивался, по-видимому каким-то образом почувствовав наше приближение. Я впился в него глазами, чтобы запомнить каждое его движение, так как боялся, что долго мне за ним наблюдать не придется. В настороженной позе посреди солнечной цветущей поляны на фоне великолепных пихт он был очень красив.

Разглядев во всех подробностях вопросительно вытянутый вперед узкий нос, длинные космы на широкой груди, неподвижные уши, почти спрятанные в густой шерсти, и медлительный поворот тяжелой головы, я по-дуряцки кинулся на него, вскинув руки и вопя, чтобы напугать его и посмотреть, как он побежит. Моя выходка не произвела на него особого впечатления. Он только еще больше вытянул морду вперед и пробуравил меня взглядом, точно спрашивая: «Ну, а дальше что? Хочешь подраться? Так я готов». Тут у меня возникло опасение, что бежать придется мне. Но бежать я боялся — вдруг это соблазнит его броситься в погоню?

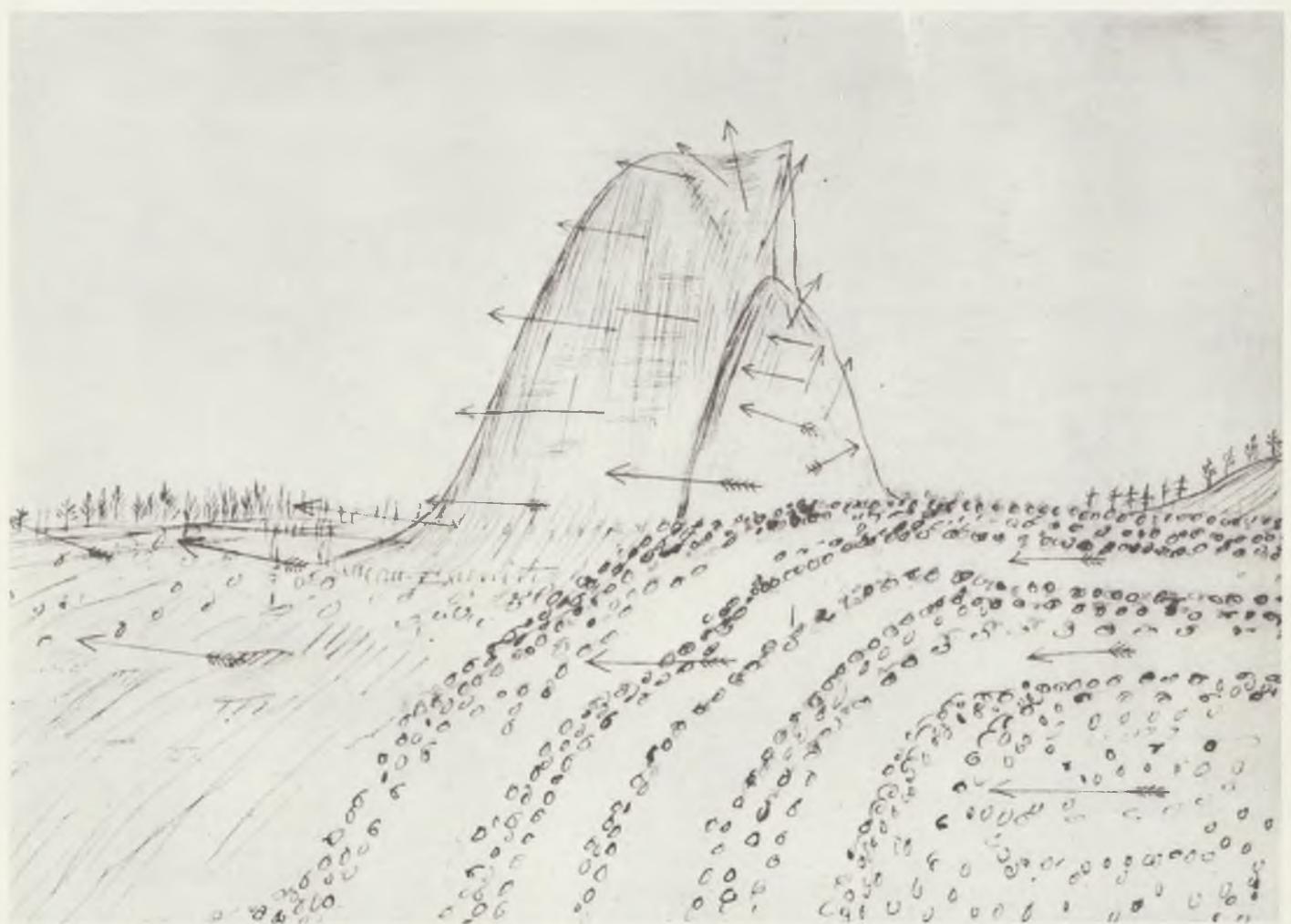
А потому продолжал стоять на месте в десяти шагах от него, напустив на себя, елико возможно, смелый вид и от души надеясь, что воздействие человеческого взгляда действительно так велико, как принято считать. При возникших между нами несколько напряженных отношениях минуты свидания тянулись нескончаемо долго. Наконец, медведь, видя, что я сохраняю неподвижность, спокойно снял огромную переднюю лапу с упавшей пихты, снова пробуравил меня взглядом, словно советую не ходить за ним, повернулся и неторопливо пошел по полянке к лесу. Через каждые несколько шагов он останавливался и оглядывался, чтобы проверить, не задумал ли я напасть на него с тыла. А я был счастлив рас прощаюсь с ним и радовался, глядя, как он уходит все дальше, утопая в водосборе и лилиях.

С тех пор я всегда старался почтительно предупреждать медведей о своем приближении, и обычно они держались от меня в стороне. Хотя по ночам они бродили вокруг моего лагеря, днем после того случая я лишь однажды, насколько мне известно, оказался совсем рядом с одним из них. На этот раз я столкнулся с гризли, и по воле судьбы несколько минут меня от него отделяло даже еще меньшее расстояние. Хотя медведь был не из крупных, в десяти шагах он выглядел весьма внушительно. Его косматая шкура совсем поседела, голова казалась белой. Увидел я его, когда он подбирал желуди под дубом шагах в ста в стороне, и попробовал проскользнуть мимо, не потревожив его. Но он то ли услышал мои шаги, то ли уловил мой запах — во всяком случае, он направился прямо на меня, через каждые пять-шесть шагов останавливаясь, взглядываясь и вслушиваясь. Из опасения, что он увидит меня, если я пущусь наутек, я припал к земле, отполз в сторону и спрятался за ладанным кедром, надеясь, что он пройдет мимо. Вскоре он поравнялся со мной и остановился, глядя вперед, а я рассматривал его из-за широкого ствола. Наконец, он повернул голову, увидел мое лицо, минуту-две внимательно в него взглядался, а потом с большим достоинством исчез на склоне в густых кустах толокнянки.

Если вспомнить вес медведей и ширину их ступней, остается только удивляться, как мало вреда причиняют они окружающей природе. Даже влажным полянам на середине склонов, где цветы раз-

растаются особенно пышно и где медведи в жаркую погоду любят покататься по земле, они не наносят видимого ущерба. Наоборот, природа словно отводит этим массивным зверям роль садовников. В лесу на ковре из старой хвои и хвороста, на крепком дерне альпийских лугов медведи не оставляют следов, однако на песчаных пляжах вокруг озер великолепные отпечатки их лап кажутся затейливой вышивкой. По обоим краям больших каньонов тянутся утоптаненные ими тропы, и хотя кое-где

обнажившаяся почва рассыпается пылью, пейзаж от этого не страдает. Они откусывают и отламывают ветки некоторых сосен и дубов, чтобы добраться до шишек и желудей, но редкий горец заметит, что дерево было подстрижено косматым садовником. И хотя они срывают с гниющих стволов покров лишайника, разламывая их на куски, чтобы добраться до обитающих внутри муравьев, снег, дождь и буйная растительность скоро скрывают эти разрушения.

Мьюир часто взбирался на этот странный холм, откуда он мог делать зарисовки и созерцать красоты Йосемитской долины, которую называл «величественнейшим из всех заветных храмов природы, где мне дано было побывать». Стрелки поясняют гипотезу Мьюира, считавшего, что этот холм был вытесан движущимся ледником.

Черный, сообразительный и благоразумный

Хотя многие считают, что американский черный медведь, или барибал (*Ursus americanus*), водится главным образом на востоке Соединенных Штатов в еще сохранившихся там диких лесах, на самом деле это животное — одно из наиболее распространенных крупных млекопитающих Северной Америки. Черный медведь приспособился к жизни в разных местностях и обитает повсюду от Аляски до Флориды, хотя и предпочитает лесистые районы, где может находить пищу — и скрываться от опасности — на деревьях (слева).

Также вопреки распространенному мнению черные медведи обладают не только острым обонянием, но и хорошим зрением. Хотя походка вперед-вальку, объясняющаяся тем, что задние ноги у них длиннее передних, придает им неуклюжий и глуповатый вид, в действительности они очень смышлены. По словам сотрудника одного из национальных заповедников в штате Джорджия, черные медведи, застигнутые за браконьерскими проделками вне его пределов, ведут себя на редкость сообразительно. «Они стремглав удирают назад в парк, — рассказывает он, — и предоставляют мне успокаивать разъяренных фермеров, а сами расхаживают вдоль границы парка с видом законных хозяев».

Морда этого черного американского медведя (вверху), обездвиженного для того, чтобы поставить ему на ухо метку, которая позволит опознавать его в лесу, ничего не выражает. Черный медведь обычно робок, неагрессивен и питается главным образом растительной пищей, тем не менее он относится к истинным хищникам и непрочь полакомиться мелкой дичью вроде бобра (см. с. 36—37). На снимке справа черный медведь встал на задние лапы и высматривает в зимнем лесу где-то на западе Канады что-то, что он учуял или услышал.

Опасен, если потревожить

Многие не считают черных медведей опасными животными, но они тем не менее способны убить человека с такой же легкостью, как их родичи гризли. По мнению ученых, видимое отсутствие агрессивности, возможно, связано с их полудревесным образом жизни в густых лесах.

Гризли, согласно этой теории, развивались на плоских безлесных просторах Великих равнин. Им негде было укрываться, и они привыкли вступать в бой с другими хищниками, особенно когда опасность грозила их медвежатам. Черные медведи, наоборот, приспособившись к лазанью по деревьям и к густой горной растительности, научились использовать их, чтобы избегать столкновения. Но ран-

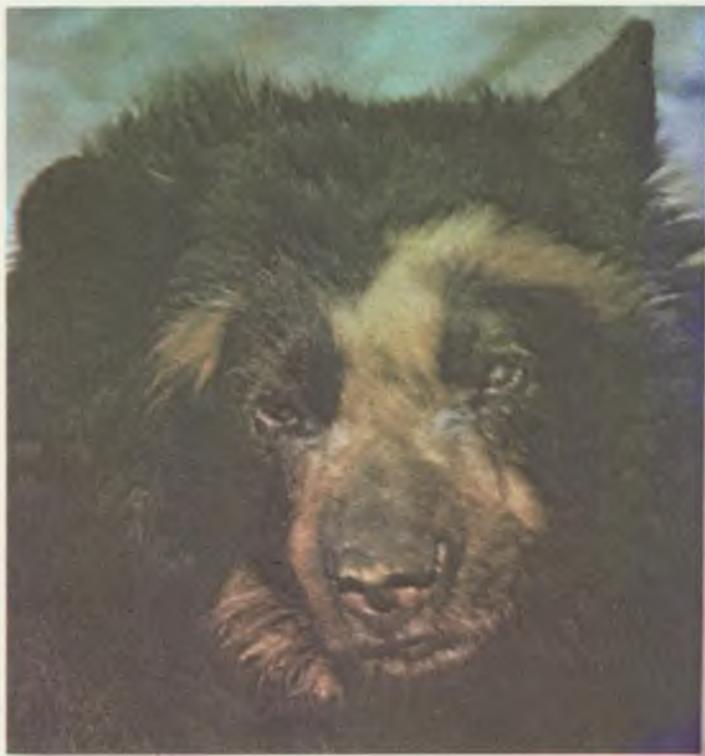
ный или оказавшийся в безвыходном положении черный медведь — и особенно медведица, решившая, что нападают на ее медвежонка, — бывает по-настоящему страшен.

Крупных черных медведей весом до 300 килограммов, с бурой или светло-коричневой окраской, которая для них довольно обычна, нередко принимают за гризли. Однако между ними существуют заметные различия. Голова у черного медведя меньше и уже, а на ходу он держит ее выше. Нет у черных медведей и горба между лопатками, характерного для гризли. Когти у него короче, сильнее изогнуты и остры, как бритва, что позволяет ему быстро и ловко карабкаться по деревьям.

Черный медведь пытается поймать бобра в вайомингском ручье. Подобно остальным медведям, он «съеден и удовлетворяет свой аппетит твои пищей, которую лучше всего добыть. Однако бобры на суше и на мелководье довольно беспомощны. Черные медведи совершают систематический обход бобровых хаток, подчас сталкиваясь на решительное сопротивление (справа), и нередко уходят без добычи.

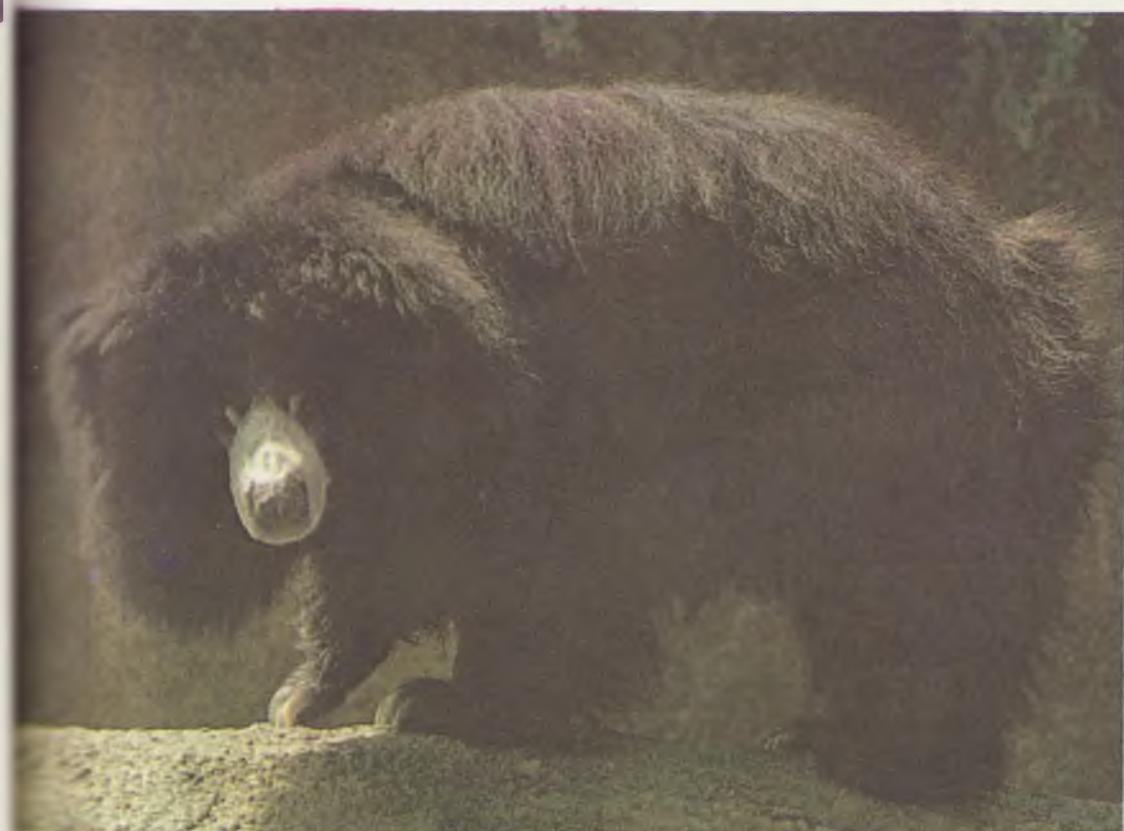

Экзотический квартет

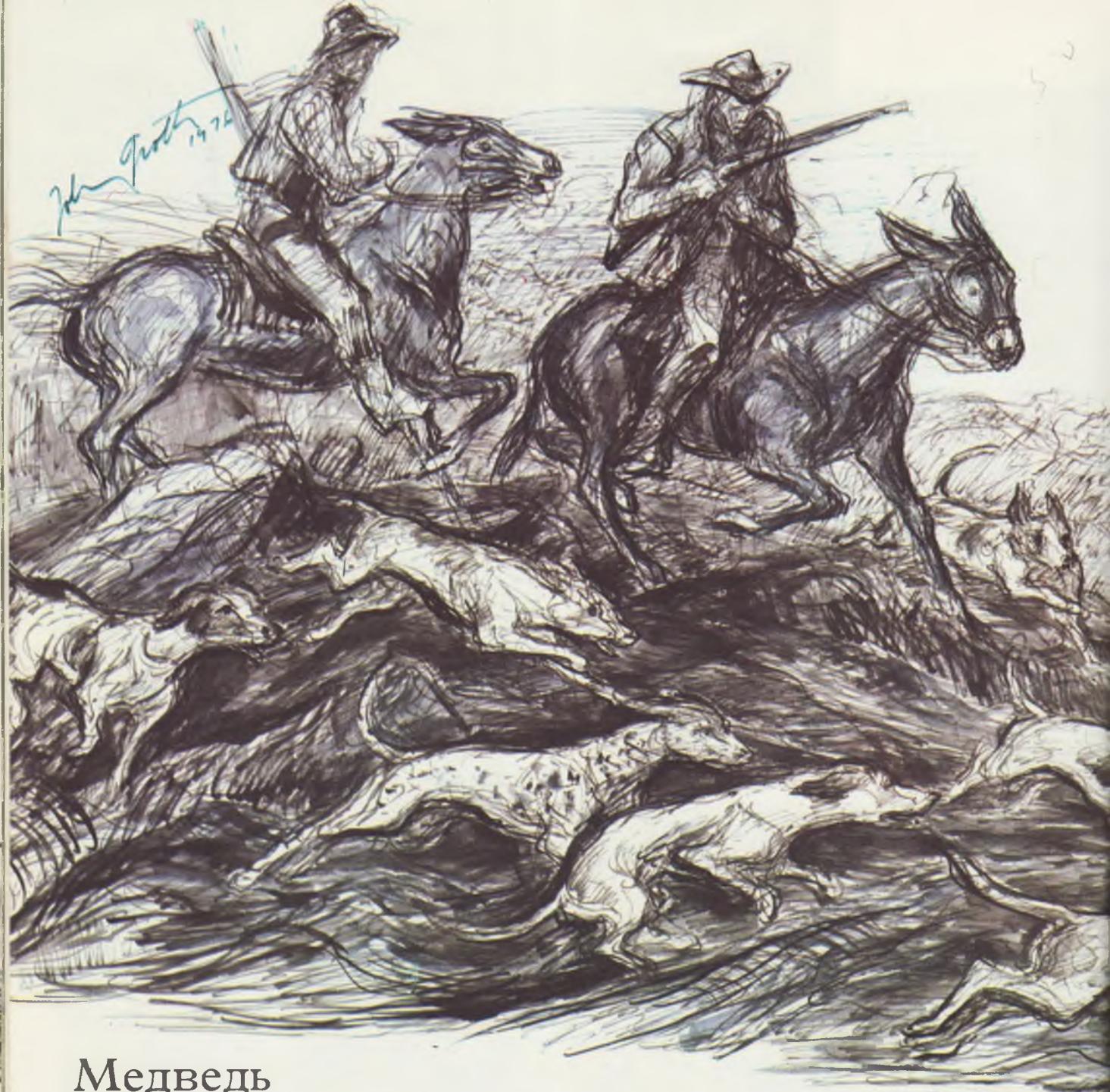
Четыре медведя, которым посвящены эти две страницы, обитают в дальних краях, а потому малоизнакомы европейцам и североамериканцам, однако их нетрудно различить благодаря характерным отметинам. Например, гималайский медведь — черный медведь, распространенный в Азии, — щеголяет белой полосой на груди и пышным черным воротником на загривке. Шерсть на туловище — средней длины и черна как ночь. Очковый медведь обязан своим названием желтоватым кольцам вокруг глаз. Отметины эти очень индивидуальны, и у некоторых особей желтоватая шерсть спускается с морды на грудь. У малайского медведя на груди полумесяц горчичного цвета, а мех у него черный или бурый и очень короткий. Грубый черный мех губача густ и космат. Кроме того, его отличает белая V-образная отметина на груди и вытянутая нижняя челюсть.

Очковый медведь (вверху) — единственный доживший до наших дней представитель подсемейства медведей, распространенного в последнем ледниковом периоде по всей Северной и Южной Америке. Теперь он обитает только в Андах, от Венесуэлы до Чили. У гималайского медведя (слева) большие уши, что указывает на отличный слух. Этот выносливый зверь превосходно чувствует себя в Гималах на высоте более четырех километров.

Малайский медведь (справа), обитающий в Юго-Восточной Азии, на Суматре и Борнео, — самый мелкий из медведей. У взрослых самцов длина тела не достигает и полутора метров. Лапы его снабжены длинными серповидными когтями, с помощью которых он раскапывает землю и лазает по деревьям в поисках плодов и насекомых.

Губач (слева) обитает в равнинных лесах Индии и Шри-Ланки, питаясь в основном термитами и другими насекомыми. С помощью узкого языка и нижней губы, которую он способен вытягивать далеко вперед, губач без всякого труда собирает свою крохотную добычу.

Медведь

Уильям Фолкнер, описывая шумную, полную напряжения медвежью охоту в тростниковых зарослях штата Миссисипи, в повести «Медведь»*, отрывок из которой приводится здесь, использовал впечатления своего отрочества, как и во многих других своих про-

изведениях. Мальчик в повести остро сознает, что, впервые принимая участие в медвежьей охоте вместе со взрослыми, он получает право считаться мужчиной.

В это утро он услышал гон с самого начала. Лев скрылся из виду, пока Сэм с Теннином Джимом седлали мула и лошадь, выпряженных из фургона,

* Фолкнер У. Избранное. Пер. с англ. О. Сороки. — М.: Прогресс, 1973.

а затем и гончие включились в поиск, принюхиваясь и повизгивая, и тоже исчезли в чащбе. Он, майор Де Спейн, Сэм и Теннин Джим двинулись следом, и шагов с двухсот из талого леса донесся до них первый, высокий, по-человечески рыдающий, знакомый мальчику звук, а там и остальные гончие вступили, полня звонким ревом сумрачную глушь. И началась скачка. Ему казалось, он видит обоих: большой сизый пес стремится упорно и молча, а впереди локомотивом прет медвежья туша, как четыре года назад, сквозь бурелом, с неимо-

верной скоростью, и мулы на галопе отстают все больше. Треснул одинокий выстрел. Редколесьем пронеслись они вдогонку уходящему, мрачному гону мимо стрелявшего траппера — мимо указующей руки, костлявого лица черной, изрыгающей крик дырки, обсаженной гнилыми зубами.

Новый оттенок послышался в лае, и в трехстах шагах перед собой мальчик увидел собак и обернувшись к ним медведя. Увидел, как с ходу метнулся Лев и как медведь отбил прыжок лапой, кинулся

в визжащий собачий клубок, уложил одну на месте, рванулся прочь. А мимо всадников потекли потоком гончие. Заорали Де Спейн с Джимом, точно из пистолета стреляя, захлопал Джим ремнем, пытаясь повернуть собак обратно. Теперь мальчик и Сэм Фазерс скакали одни. Все же со Львом продолжала гон еще собака. Он узнал ее по голосу. Тот прошлогодний кобелек, и тогда и теперь несмыкленыш, по крайней мере с точки зрения прочих гончих. «Может, в этом-то и храбрость», — подумал он.

— Правей! — раздался голос Сэма позади. — Правей бери! От реки его бы оттеснить.

Отсюда начинались тростники. Дорогу он знал не хуже Сэма. Из кустов выехали почти к тропе. Она вела сквозь заросли к реке, на высокий берег. Тупо бахнула винтовка Уолтера Юэлла — раз и еще дважды.

— Нет, — сказал Сэм. — Я слышу гончака. Вперед.

Из узкого безверхого туннеля, из шороха и треска тростников они выскакали на обрыв, под которым желтая вода, казалось, недвижно густела и не давала отраженья в сером струящемся свете. Теперь и мальчик слышал кобелька. Лай стоял на месте — тонкое исступленное тявканье. Вдоль берега бежал Бун, за плечами у него на веревке ружейного ремня бился и мотался дробовик. Круто повернулся к ним, подбежал — лицо дикое, — вспрыгнул на круп одноглазому мулу, позади мальчика.

— Треклятая лодка! — выкрикивал он. — На той стороне причалена! Медведь прямо на тот берег! Лев не дал ему уплыть! И кобелек поддержал! Лев так близко, что нельзя было стрелять! Жми! — орал он, колотя мула пятками в бока. — Жми давай!

Оскользываясь на талой почве, ринулись вниз сквозь лозняк и в воду. Холода, ледяного ожога мальчик не ощущал, правой рукой поднимая ружье над водой, левой держась за луку, за плывущего мула — с одного боку он, с другого Бун. А за спиной где-то был Сэм, но тут река, вода кругом наполнилась собаками. Гончие плыли быстрее мулов: еще мулы не коснулись дна, а они уже карабкались на крутой берег. А с того берега улюлюкал

майор Де Спейн, и, оглянувшись, мальчик увидел, как входит в воду лошадь Джима.

Лес впереди и отягченный дождем воздух обратились теперь в сплошной рев. Заливистый, звенящий, он ударялся в тот берег, дробился и вновь сливался, раскатывался, звенел, и мальчику казалось, что все гончие края, сколько их было и есть, ревут ему в уши. Он вскинул ногу на спину выхodящему из воды мула. Бун не стал садиться, ухватился рукой за стремя. Они взбежали на обрыв, прорвались сквозь прибрежные кусты и увидели медведя: на задних лапах встал спиной к дереву, вокруг волят и каруселью вертятся собаки, и вот опять Лев метнулся в прыжке.

На этот раз медведь не сшиб его на землю. Принял пса в обе лапы, словно в объятья, и упали вдвоем. Мальчик соскочил уже с мула. Взвел курки, но не мог ничего различить в каше пятнистых собачьих тел, пока оттуда не начал снова возникать медведь. Бун кричал, а что — не разобрать; Лев висел, вцепившись в глотку, на медведе, а тот, полуподнявшись, ударом лапы далеко отбросил одну из гончих и, вырастая, вырастая бесконечно, встал на дыбы и принял драть Льву брюхо передними лапами. Бун бросился вперед. Перемахнув через одних, расшвыряв других собак пинками, с тусклым блеснувшим ножом в руке, он с разбега вспрыгнул на медведя, как раньше на мула, сжал ногами медвежьи бока, левой рукой ухватил за шею, где впался Лев, и мальчик уловил блеск лезвия на взмахе и ударе.

Рука опустилась лишь раз. Мгновенье они походили на скульптурную группу: намертво впившийся пес, медведь и оседлавший его человек, неприметно действующий, шевелящий глубоко вошедшим ножом. Затем повалились навзничь, на Буна, увлеченные его тяжестью. Медвежья спина поднялась первая, но тут же Бун оседал ее снова. Он так и не выпустил ножа, и опять мальчик уловил нащупывающее движение руки и плеча, почти недоступное глазу; затем медведь встал на дыбы, неся на себе Буна и Льва, повернулся, как человек, сделал два или три шага в сторону леса и грянулся оземь. Не поник, не склонился долу. Рухнул, как дерево, так что всех троих — человека, собаку, медведя, —казалось, упруго подбросило.

Белые медведи

Самого крупного из современных хищников зоологи называют *Ursus maritimus*, эскимосы — нануком, что означает «огромный белый медведь Севера», а миллионы остальных людей — просто белым медведем. Предки этого величавого зверя были бурыми медведями, которых выбелили и внешне изменили жестокие условия жизни за Полярным кругом. Белый медведь — великолепный пловец с длинной шеей, мощными покатыми плечами, плавательными перепонками на передних лапах и густым мехом, который благодаря жировой смазке не пропускает воду и прекрасно защищает от холода.

Для своего веса, который может превышать 700 килограммов, белый медведь удивительно подвижен и ловок. Подобно большинству других медведей, почти все часы бодрствования он посвящает поискам пищи, чтобы обеспечить энергией свое колоссальное тело и нагулять защитный слой жира, который на спине, заду и бедрах достигает в толщину чуть ли не десяти сантиметров и не дает ему замерзнуть ни в пургу, ни в ледяной воде, а также поддерживает его силы в долгую арктическую зимнюю ночь.

Большую часть необходимого ему жира белый медведь получает, охотясь разными способами на жирных полярных тюленей. Весной взрослый медведь вынюхивает убежища под снегом и льдом, где тюлени прячутся с детенышами, аккуратно отгребает снег, а затем приподнимается, со всей мочи бьет передними лапами по толстой ледяной корке и хватает самку вместе с детенышем. К концу мая, когда паковый лед подтаивает и от его кромки начинают откалываться большие льдины, медведи сотни километров плывут на этих льдинах, точно на плотах, в поисках тюленей. А поскольку им не хватает ловкости и быстроты, чтобы спрятаться со своей сильной добычей в воде, они переплывают с одного ледяного поля на другое, пока не находят тюленей, выбравшихся на лед отдохнуть под теплыми лучами солнца. Известны случаи, когда белые медведи преодолевали вплавь полсотни километров, чтобы добраться до богатых охотничих угодий.

Нередко медведь в поисках добычи поднимается на задние лапы и оглядывает соседние льдины, пока не увидит где-нибудь темный силуэт нежащегося на солнце тюленя. Тогда он осторожно плывет к льдине с намеченной жертвой, весь уйдя под воду, так что над ней остаются только нос и глаза, а затем, внезапно взметнувшись из моря, хватает тюленя.

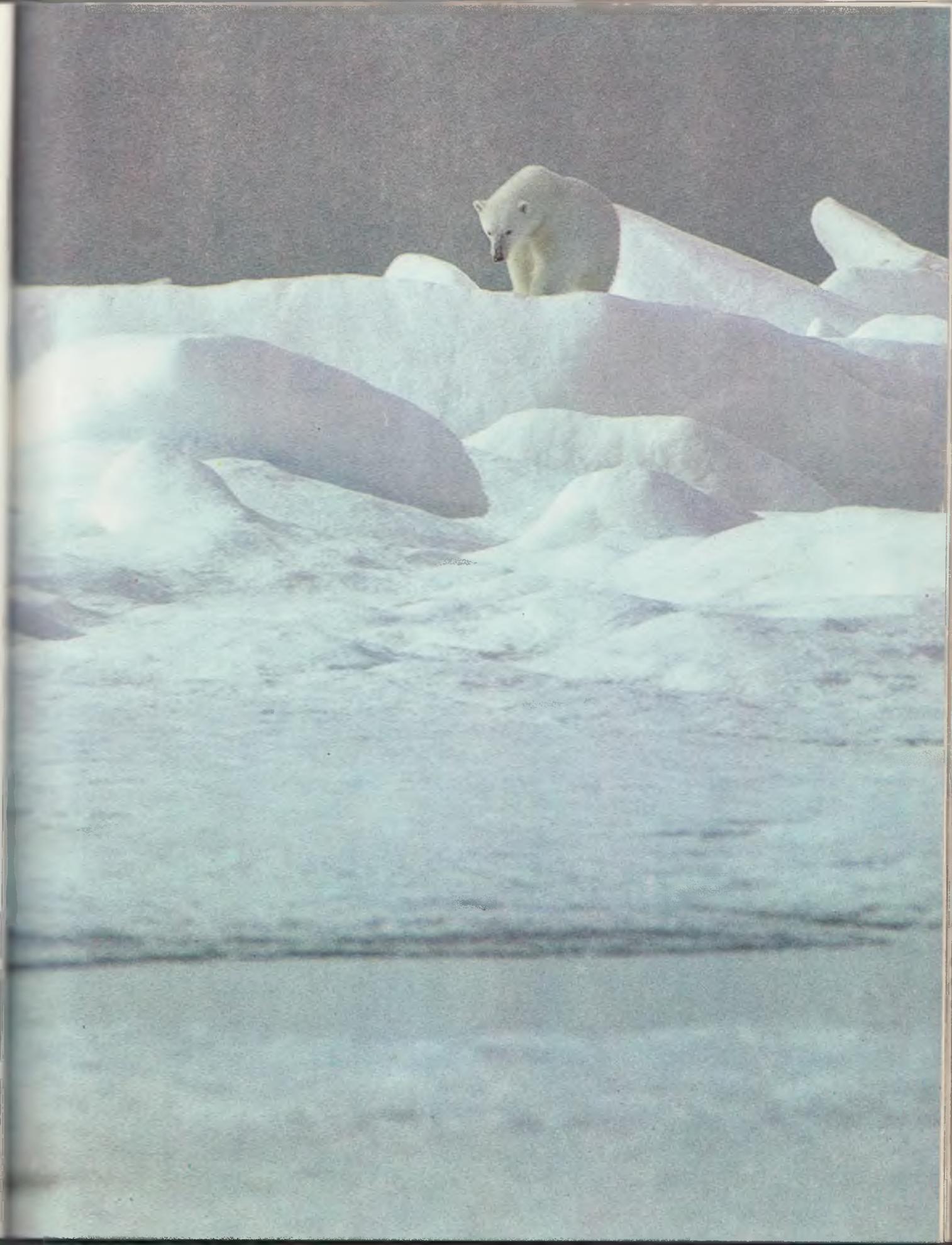
Если же тюлень лежит на большом ледяному поле, медведь подкрадывается к нему с подветренной стороны, прячась в тени горосов. На открытом пространстве он ложится на брюхо и медленно ползет, замирая, чуть только тюлень поднимет голову, чтобы оглядеться. Желтовато-белая шкура служит идеальной маскировкой, делая его похожим на небольшой горос или сугроб. К тому же медведь знает, что на белом фоне его могут выдать только черные глаза

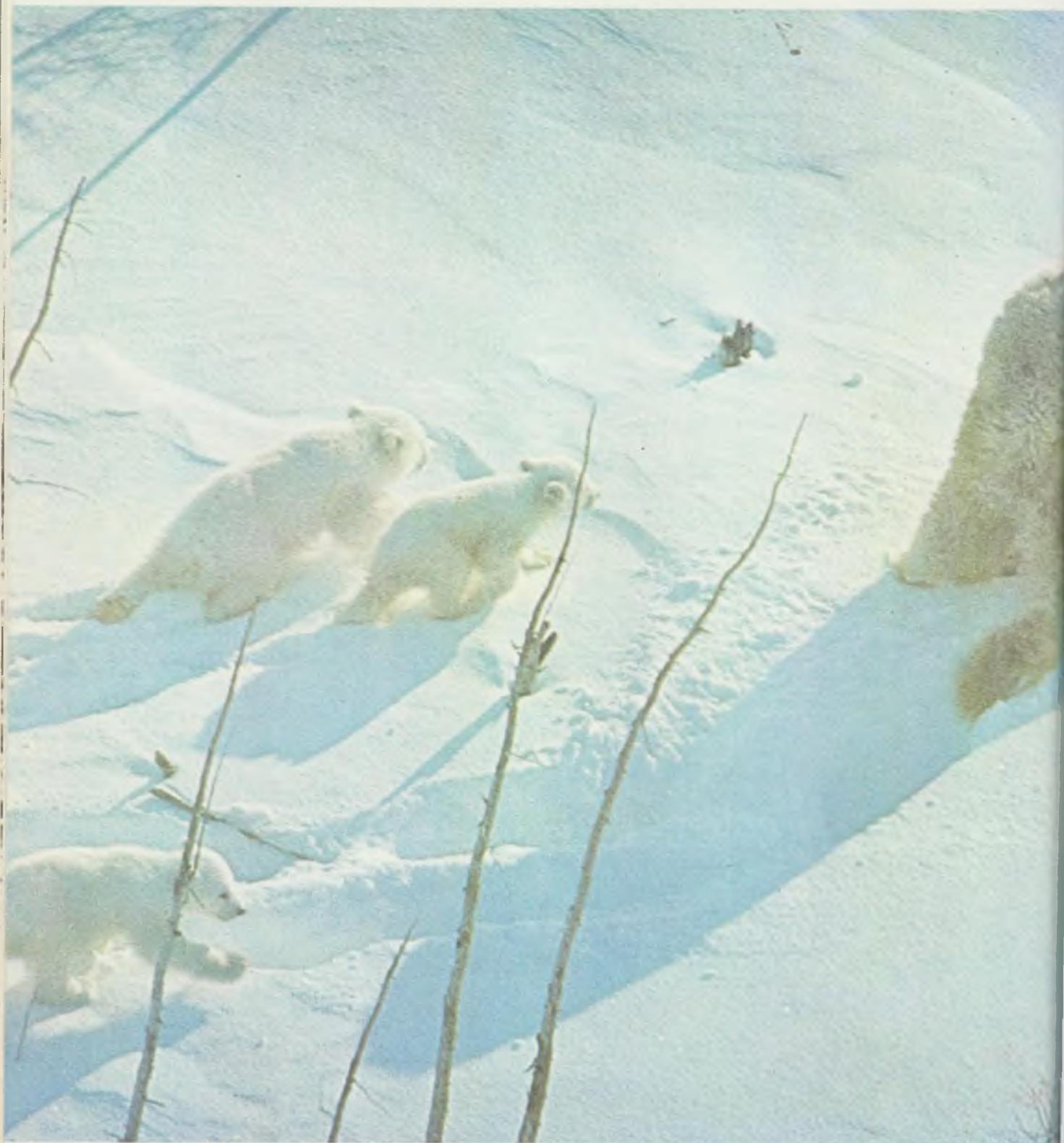
и кончик носа, а потому, продвигаясь вперед, он прикрывает их лапой либо толкает перед собой кусок льда или ком замерзшего снега. Наконец, приблизившись на нужное расстояние, он вскакивает и одним прыжком обрушивается на добычу.

Несмотря на свои огромные размеры и силу, белый медведь не застрахован от опасных встреч. Крупные тюлени, более ловкие в воде, чем он, иногда толкают и кусают плывущего медведя, а на суше тундровые волки порой пытаются отогнать медвежат от медведицы. И хотя самый опасный его враг — человек, по-настоящему белый медведь боится только моржей, грозных противников, которые чувствуют себя в воде как дома и вооружены клыками, достигающими в длину 75 сантиметров. Если медведь знает, что где-то рядом плавает морж, он в воду не пойдет. А случайно столкнувшись с моржом в его родной стихии, медведь скорее всего окажется побежденным. Этот пятиметровый морской зверь обычно нападает на медведя снизу, всаживая в него клыки на всю их длину. Иногда медведь успевает нанести ответный удар — не раз их трупы так и находили соединенными навеки.

В течение короткого полярного лета самцы и самки белого медведя находят друг друга, спариваются, а затем расстаются. В октябре, когда солнце все-таки остается за горизонтом, медведица под воздействием инстинкта, пробужденного развитием зародышей в ее утробе, начинает искать убежище, где она принесет детенышей и проспит все зимние бури. Вернувшись на материк или на удобный остров, она облюбовывает склон, обращенный на юг, в сторону греющего солнца, и укрытый от северного ветра. Там она выкапывает в снегу и утрамбовывает проход, а за ним круглую камеру, напоминающую внутренность иглы — сложенного из ледяных плит круглого жилища эскимосов, чьи далекие предки, может быть, воспользовались примером такой же медведицы. Входной туннель она обычно делает наклонным, так чтобы снег его не заваливал, а только закрывал отверстие. В сугробе камеры она пробивает небольшую вентиляционную дыру, ширину которой может менять на протяжении зимы, чтобы регулировать свежесть воздуха и температуру внутри берлоги.

Медвежата рождаются в середине зимы — обычно их бывает двое, — и, ненадолго пробуждаясь от глубокого сна, огромная мать прижимает слепых малышей к своей груди, чтобы согреть их и накормить. В марте — апреле семья предпринимает первые вылазки наружу. Медвежата спотыкаются, катятся кубарем с сугробов, а мать разминает ноги в сырье, начинаящем таять снегу. Еще через месяц медвежата, весившие уже 10—15 килограммов, ковыляя, потрусят за ней, когда она вновь неторопливо направится к скованному льдом океану, чтобы научить их хитрым приемам охоты на тюленей и всему, что необходимо знать, чтобы выжить в суровом мире Арктики.

Хозяйка берлоги

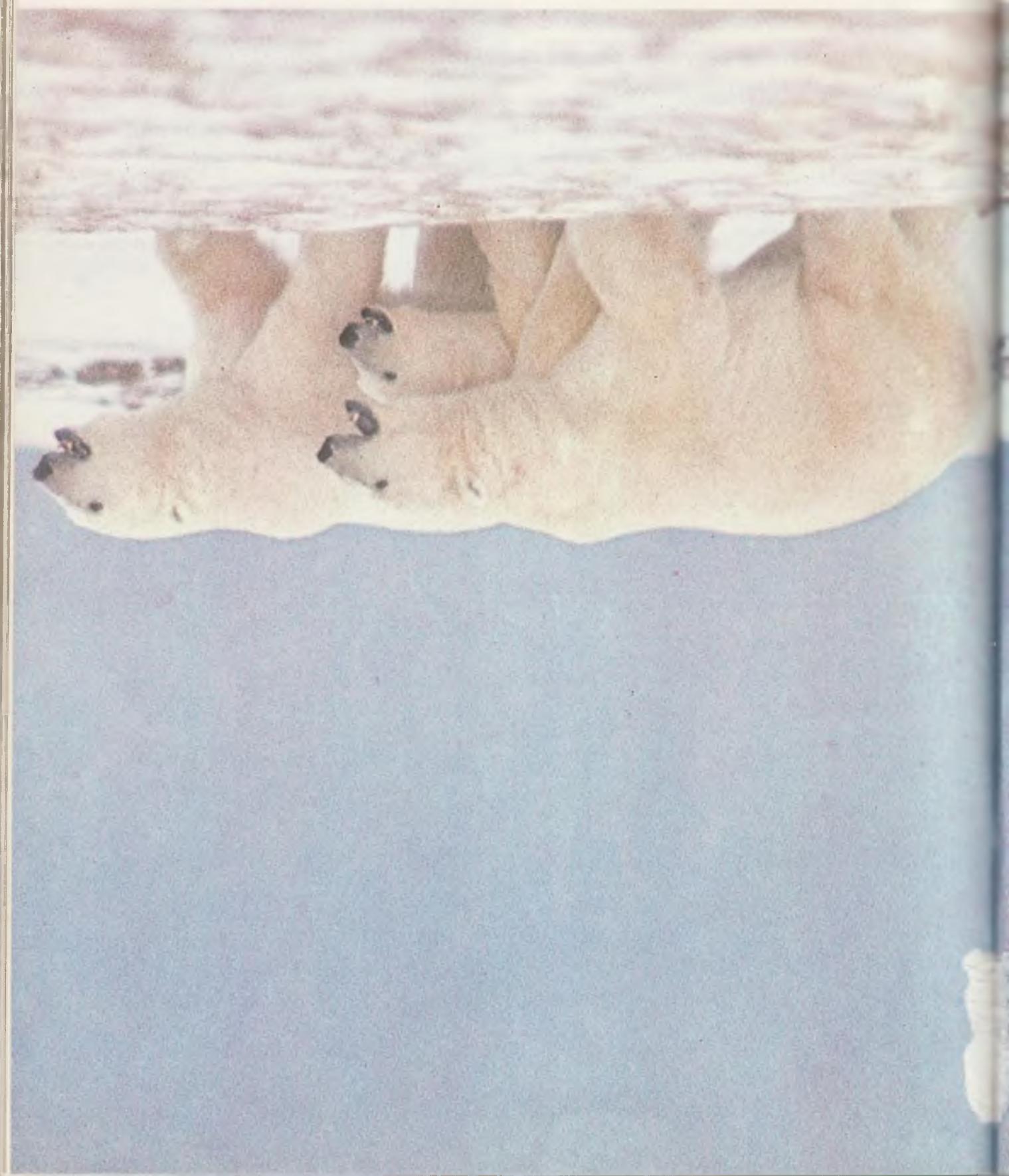
Когда полярные снега начинают таять под лучами мартовского солнца, медведицы-матери со своими детенышами покидают снежные берлоги, служившие им приютом с декабря, и медвежата впервые знакомятся с холодным белым миром, в котором им предстоит жить. Они — как эти тройняшки на снимке — растолстели на питательном молоке матери, но она за этот период успела потерять до четверти своего нормального веса в 300 килограммов. И, едва покинув берлогу, отправляется на поиски пищи, чтобы восстановить запасы жира.

Ее рацион составляют главным образом рыба, морские зайцы и кольчатые нерпы, а также их детеныши, но он дополняется разными травами, лишайниками, ягодами и падалью. Пока мать рыщет в отдалении, медвежата (внизу) робко жмутся друг к другу и следят за каждым ее движением. Через год-другой они научнут самостоятельную жизнь, которая и послужит проверкой, насколько хорошо они усвоили преподанные матерью уроки.

На этой фотографии запечатлено редчайшее зрелище: три белых медведя, объединившиеся для совместных поисков добычи на берегу Гудзонова залива. Если не считать медведиц с медвежатами, белые медведи, как и все остальные, живут и охотятся в одиночку. Самцы, а также самки без детенышей охотятся круглый год.

Удобная экипировка

Лапы белого медведя, которые служат ему мощными веслами, а также прекрасным орудием, чтобы хватать и бить во время охоты на льду, обеспечивают ему выживание в тяжелейших арктических условиях. Они снабжены длинными изогнутыми когтями (внизу), так что медведь способен удержать добычу одной передней лапой, а другой в это время нанести сокрушительный удар.

Когда он плывет, передние лапы с плавательными перепонками на полдлины пальцев помогают ему развить такую скорость, что 100 метров он проплыает за 36 секунд. Подошвы всех четырех лап покрыты шерстью, которая сохраняет тепло и помогает уверенно ступать по скользкому льду. Эти природные мягкие сапоги, кроме того, приглушают шум его шагов, когда он выслеживает добычу.

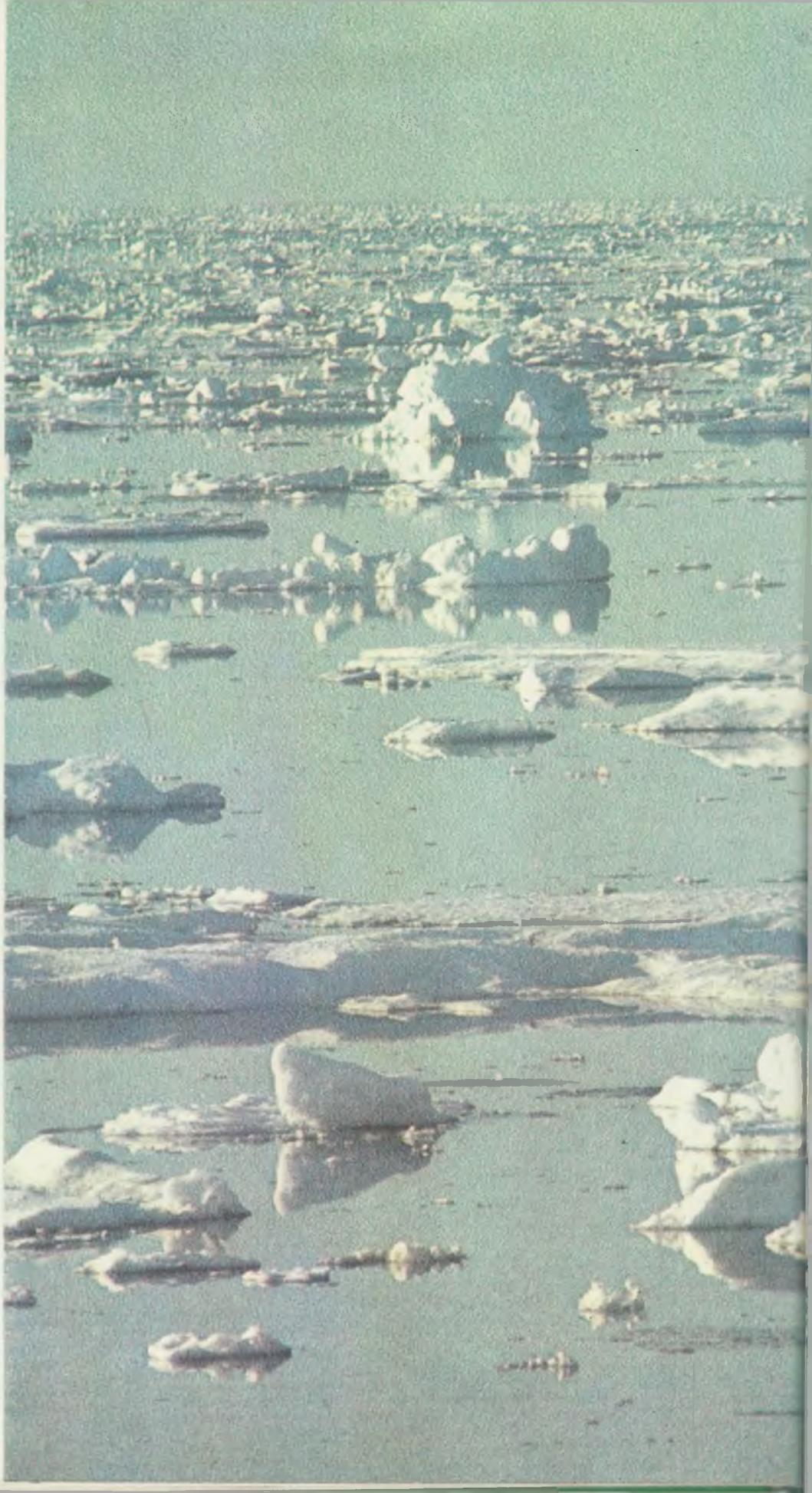

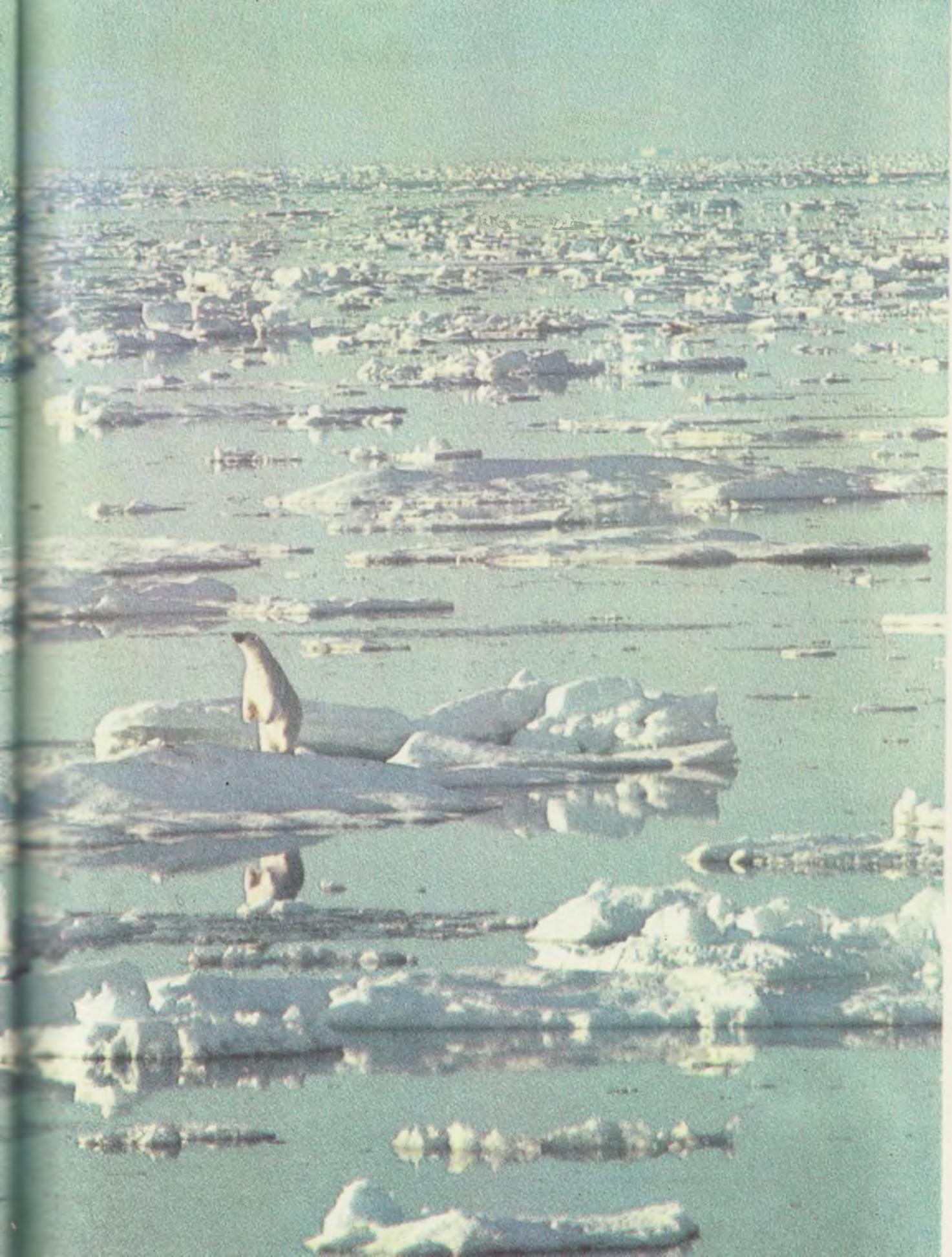
У взрослого белого медведя, весящего 450 килограммов, ширина передних лап достигает 35 сантиметров. Белый медведь — стопоходящее животное, то есть опирается на землю всей подошвой, оставляя следы величиной с суповую тарелку (слева).

Белый медведь брызжет на себя ледяной водой. Летом белые медведи постоянно устраивают себе такие души или ныряют, чтобы охладиться.

Стоя на задних лапах, белый медведь оглядывает ближние и дальние льдины в поисках тюленей. Взрослый белый медведь съедает за раз от 7 до 23 килограммов мяса. Чтобы удовлетворить такой гигантский аппетит, он вынужден покрывать огромные расстояния, особенно в летние месяцы, когда дрейфующие льдины рассеиваются по обширным пространствам. Однажды белый медведь был замечен в открытом море примерно в 300 километрах от ближайшего берега.

Панда

Пожалуй, ни одно животное за всю историю не покоряло сердца людей так, как неуклюжие, уютные, мягкие на вид большие панды, любимицы всех детей, охотников, сотрудников зоопарков, фотокорреспондентов и мастеров игрушек. И пожалуй, ни одно животное так не интриговало и не сбивало с толку естествоиспытателей, как панды, едва лишь мир чуть больше ста лет назад прослыпал об их существовании в диких горах на западе Китая.

Произошло это в 1869 году, когда французский миссионер и естествоиспытатель отец Жан Пьер Арман Давид поразил собратьев-ученых, прислав в Париж описание, шкуру и скелет загадочного зверя, принадлежавшего к совершенно новому виду, который он назвал *Ursus melanoleucus*, то есть «медведь черно-белый». Но французские ученые усмотрели в шкуре и скелете большое сходство со скелетом и шкурой другого, довольно мелкого животного, водившегося в тех же местах, — с малой пандой, которая внешне напоминает помесь енота с лисицей, хотя енотовидное тело, полоски на морде и длинный в колышах хвост показывают, с кем ее предки были в близком родстве.

Много десятилетий спустя после открытия отца Давида новое животное, переименованное в большую панду, *Ailuropoda melanoleuca*, оставалось таинственным и совершенно неизученным, а из-за недоступности своего местообитания и чрезвычайно заманчивым трофеем не только для естествоиспытателей, но и для охотников. Лишь в 1928 году экспедиции Теодора Рузельта-младшего и его брата Кермита удалось выследить и подстрелить панду, после чего начались настоящая лихорадка — музей за музеем снаряжали экспедиции в надежде обзавестись редчайшим чучелом. Возбуждение достигло кульминации, когда в 1936 году нью-йоркская модельерша Рут Харкнесс продолжила поиски, предпринятые ее покойным мужем-зоологом, и вернулась на родину с самым завидным трофеем — живым детенышем панды, которого она назвала Су-Лин.

Другие бесстрашные охотники тоже начали привозить живые экземпляры для крупнейших зоопарков, и западный мир помешался на пандах. После второй мировой войны в плена зоопарков перебывали Мей-Мей, Мин, Ворчушка, Соня, Бабушка, Пан-Ди, Пан-Да, Пин-Пин, Чи-Чи, Ань-Ань, Ли-Ли. А в 1972 году в Вашингтонский зоопарк прибыли Лин-Лин и Цин-Цин — подарок китайского правительства США. Публика валом валила в зоопарки полюбоваться забавными выходками каждого нового заморского гостя, а ученые тем временем накапливали сведения, чтобы получить достаточно полную картину естественной среды обитания и повадок этого замечательного животного.

Большая панда скрывается от любопытных глаз в гроз-

ной крепости восточных Гималаев поблизости от китайско-тибетской границы, где скалистые вершины уходят в небо на шесть километров над обрывистыми долинами и клубящимися горными потоками. В этом краю вечных дождей, туманов и снега большая панда, которую местные жители называют «бей-шун» — белый медведь, живет в непроходимых бамбуковых лесах по крутым склонам на высоте от полутора до трех километров. Густые заросли бамбука, достигающего в высоту 3—4 метров, обеспечивают панду укрытием и неистощимыми запасами пищи — и не только сочными молодыми побегами, но и старыми одревесневшими стеблями, которые она перетирает могучими челюстями с мощными коренными зубами. Панда удерживает стебли в лапе при помощи уникального «шестого когтя» — удлиненной кости запястья с мясистой подушечкой. Кость эта развила в подобие противостоящего большого пальца и еще увеличивает забавное сходство с человеком, когда панда, привольно раскинувшись, сидит на задних лапах и методично сует в пасть стебли, прихватывая их задними зубами. Эта однообразная пища малопитательна и усваивается с трудом, а потому панды почти все время бодрствования — по 10—12 часов в сутки — вынуждены жевать, жевать, жевать, медленно продвигаясь сквозь чащу. Хотя долгое время считалось, что панды питаются исключительно бамбуком, кости, найденные в желудках убитых животных, указывают, что они все-таки принадлежат к плотоядным и порой поедают мелких зверьков и птиц, а также падаль.

И другие накопившиеся сведения, включая сравнение белков крови, указывают, что большая панда, хотя она и ответвилась от эволюционного древа самостоятельно, все же много ближе к семейству медвежьих, чем к енотам. Подобно медведям, большие панды — это массивные медлительные наземные животные длиной около двух метров, весящие до 140 килограммов, но при этом, опять-таки подобно многим медведям, они умеют лазать по деревьям, на которые взбираются, прячась от опасности или чтобы вздремнуть. Особенно преуспевает в этом искусстве молодежь. Панды живут в одиночку, исключая сезон спаривания; зимой самка обычно приносит одного детеныша, реже двух.

Своегородная окраска панды пока еще остается необъясненной. Существует мнение, что в определенных условиях игры светотени на зимнем снегу белые и черные пятна обеспечивают хорошую маскировку. Но у бей-шуна в его горном приюте нет опасных врагов. Одно время считалось, что популяция большой панды исчерпывается 40—50 особями, однако недавние более научно обоснованные оценки дали цифру в несколько тысяч.

Большая панда

Таинственный медведь

Недоступность и отдаленность гималайского приюта больших панд, а также принятые государством меры по охране этих животных оберегают их от пуль охотников. От глаз же любознательных зоологов в этих негостеприимных горах их скрывает подлинный бамбуковый занавес. Вот почему пока еще никому не удалось провести сколько-нибудь систематических наблюдений за пандами в их естественной среде обитания. В результате сведения об их поведении опираются в основном на наблюдения в зоопарках.

Поскольку в неволе содержится очень мало панд (Китай запретил всякую охоту на них и лишь изредка разрешает их экспорт), этот зверь остается одним из самых таинственных животных мира, так как его изучение в зоопарках до сих пор не слишком помогло развеять тайну. Широко освещавшиеся в печати попытки получить потомство от Чи-Чи, содержащейся в Лондонском зоопарке (вверху), и Ань-Аня из Московского зоопарка результатов не дали. Опыты Пекинского зоопарка оказались успешнее: там в неволе родились по меньшей мере два детеныша.

Цин-Цин и Лин-Лин, замечательная пара панд (справа), снята в Вашингтонском зоопарке в редкую минуту, когда звери застегали возно. Обычно они почти не обращают внимания друг на друга в полном соответствии с одиночным образом жизни, свойственным этому виду.

В часы бодрствования основное занятие панды — кормежка, а главная их пища — побеги бамбука, что наглядно демонстрируют эти две обжоры в Кантонском зоопарке. Для защиты от острых бамбуковых щепочек пищевод и желудок панды выстланы слоями упругой слизистой ткани.

Волку

«Однажды, — писал биолог Давид Мич, — я наблюдал, как волки длинной вереницей трусили вдоль замерзших берегов острова Айл-Ройал на озере Верхнем. Внезапно они остановились и повернули головы навстречу ветру — там в отдалении виднелась фигура большого лося. Через несколько секунд волки сбились в кучу, повиливая хвостами и соприкасаясь носами. Затем, снова гуськом, они двинулись против ветра в сторону лося».

В этих четырех предложениях Мич, посвятивший всю жизнь изучению волков, сообщает о них гораздо больше истинных сведений, чем можно найти в сотнях стаинных охотничих историй. Ибо волки — это вовсе не одинокие, опасные и свирепые звери легенд, а просто самые крупные из диких членов семейства собачьих и входят в число животных, наиболее сообразительных и наилучшим образом приспособленных к групповому образу жизни. Социальная структура волчьей стаи с ее иерархическим доминированием, совместными действиями и играми, а также взаимной привязанностью и заботой о потомстве даже напоминает устройство человеческого общества. Специалист, долго наблюдавший волков, назвал главную черту волчьего характера «дружелюбием». Волки горячо привязываются к другим членам стаи и постоянно выражают свою любовь, повиливая хвостами, облизывая друг другу носы, а также с помощью разнообразных движений и звуков, помогающих сплочению группы для совместной охоты и взаимной защиты.

Единственная серьезная опасность, грозящая волку, — это человек. Подобно остальным хищникам, волки должны убивать других животных, чтобы не умереть от голода, и они охотятся на крупную дичь вроде оленей, лосей, карibu и снежных баранов. Поскольку волки вступали тут в прямое соперничество с человеком, а кроме того, обнаружили, что откормленный скот, овцы и свиньи, выращиваемые человеком, — тоже прекрасная пища, их систематически истребляли, пока они полностью не исчезли в обширных областях своего прежнего ареала. В Северной Америке, где *Canis lupus* некогда рыскал по всему континенту от Полярного круга до юга Мексики, только в Канаде и на Аляске еще сохранились относительно многочисленные популяции, насчитывающие каждая примерно по 25 тысяч животных. К ним надо прибавить горстку, уцелевшую на севере штата Миннесота. И все. В глухих местах штатов Луизиана и Техас живет несколько сотен более мелких рыжих волков, часть которых составляют гибриды с койотами.

Волки выглядят по-разному — от почти черных членов волчьих стай, обитающих в темных лесах Канады, до почти белых тундровых волков в открытой снежной тундре на севере. Длина взрослых самцов от кончика носа до кончика хвоста равна почти двум метрам, и весят они в среднем 43—45 килограммов. Самки примерно на 15 сантиметров короче и на 5—7 килограммов легче. Согласно общему правилу, животные, обитающие на севере, крупнее своих южных собратьев. Некоторые экземпляры на Аляске весят целых 79 килограммов. У всех волков очень чуткие носы, улавливающие запах на расстоянии полутора километров, и крепкие ноги, способные проделать за день ровной рысцой 65 километров с короткими стремительными бросками на скорости свыше 55 километров в час.

Волчья стая может состоять и из двух животных и из 36, но чаще всего число ее членов равно 6—8. Типичная стая походит на сплоченную семью, да обычно это и есть семья — родительская пара, возглавляющая охоту и выращивающая потомство, и несколько выросших волчат из прежних выводков. Дисциплина опирается на строжайшую иерархию, при которой каждый член стаи знает свое место. Конфликты разрешаются с помощью угрожающих поз и рычания, ставящих на место низшего по рангу. Если завязывается серьезная драка, несколько волков могут броситься на одного из противников, чтобы восстановить порядок прежде, чем будет нанесено настоящееувечье.

Летом стая охотится главным образом по ночам, а в жаркие дневные часы отдыхает, но зимой, когда добывать пищу трудно, голодная стая охотится и днем. Учуяя добычу, волки начинают неторопливо и бесшумно выслеживать ее, а приблизившись, бросаются в стремительную атаку. Лось, весивший 450 килограммов, — грозный противник, если он остается на месте и обороняется мощными ударами передних копыт. Волки прекрасно это знают и выживают, не обратится ли он в бегство. В этом случае они кидаются следом, стараясь вцепиться в него на бегу, когда ему труднее защищаться. Гораздо чаще стая выбирает добычу полегче — долговязого лосенка или охромевшее, больное, старое животное.

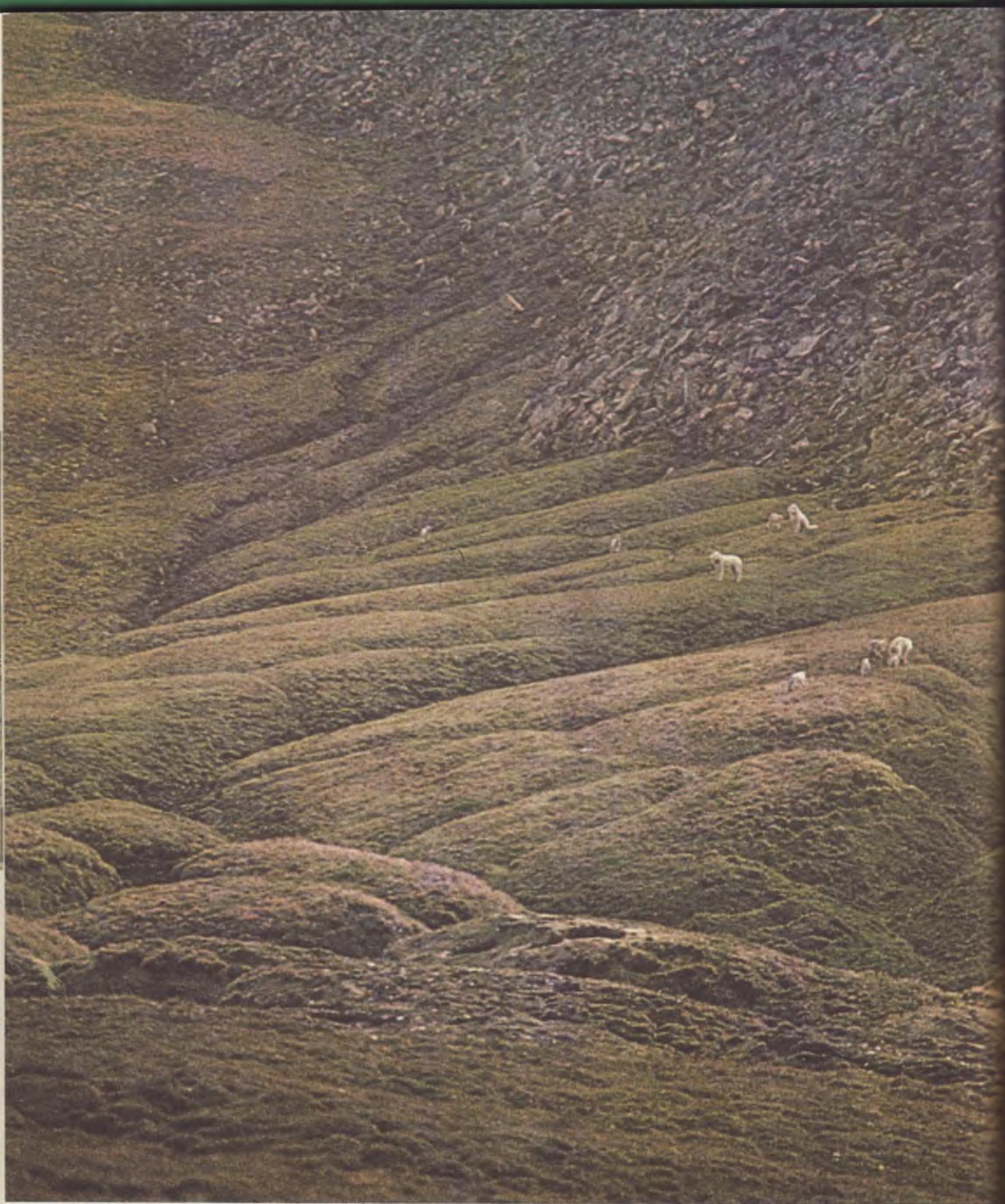
Как и большинству других хищников, волкам приходится затрачивать массу сил и энергии, чтобы добыть себе пищу. За время наблюдений за одной стаей она выследила 131 лося, но нападению подверглось всего семь, а зарезано было только шесть. Остальные сумели отбиться или же бежали так долго и быстро, что стая в конце концов отказывалась от преследования. После успешной охоты взрослый волк съедает 9—13 килограммов мяса*, зная, что, возможно, следующие несколько дней есть ему вообще не придется.

По окончании охоты участвовавшие в ней волки возвращаются с желудками, полными мяса, и отрыгивают его для волчат и тех, кто остался их оберегать. Мясо волчата и более старые члены стаи получают теплое, чистое, частично переваренное.

Наевшись, стая обычно укладывается на землю и отдыхает, но затем кто-нибудь из ее членов может решить, что настало время для песни, и, задрав морду к небу, испускает долгий, хватающий за душу вой. Остальные, виляя хвостами, возбужденно подбегают к нему и присоединяются к пению. Специалисты точно не знают, что именно побуждает волков выть. Возможно, так они подают сигнал отбившимся членам стаи, или предупреждают соседние стаи, что здесь их территория, или передают какие-то другие, не столь очевидные сообщения. Некоторые же полагают, что волки, как и люди, просто поют, когда им этого хочется.

* Эти цифры, видимо, преувеличены. В желудках волков, добытых в СССР, находили не более двух—шести килограммов мяса. Мнение о необычайной прожорливости этих зверей сложилось в результате наблюдений растерзанных волками лосей и оленей, от которых после ночной трапезы оставались «рожки да ножки». Все дело в том, что насытившиеся звери прячут поблизости крупные куски туши про запас. — Прим. ред.

Унылые просторы, поросшие люпином

Загнанные человеком в самые негостеприимные области северного полушария, волки умудряются существовать в тяжелейших условиях. Даже весной арктическая тундра (на снимке слева) — место очень унылое. Тундровые волки, круглый год сохраняющие белую окраску, сразу бросаются в глаза, когда покидают логовища и собираются для охоты.

Рыжевато-коричневый лесной волк, угрюмо глядящий с нижнего снимка, обитает в сосновых лесах Канады и Аляски — краях более приветливых, хотя и не намного. До того как человек обзавелся усовершенствованным оружием и объявил волкам беспощадную войну, их стаи рыскали повсюду в Европе, Азии и на территории, которую ныне занимают Соединенные Штаты Америки, кроме пустынь и джунглей. Теперь в значительной части их былого ареала волки истреблены полностью и уцелели лишь на Крайнем Севере, если не считать нескольких изолированных популяций, разбросанных на северо-западе и юго-востоке США и в Центральной Европе. Заметное исключение составляет Китай, где волков еще много чути не в каждой провинции.

Волк, стоящий на верхней ступени иерархической лестницы, требует — и получает — изъявления покорности от волка, стоящего ниже (вверху на переднем плане). Волк на заднем плане, тоже занимающий подчиненное положение, выражает покорность по собственной инициативе. Подобные демонстрации очень часты и служат для мирного укрепления структуры стаи, подтверждая место каждого волка в иерархии доминирования.

Иерархия доминирования

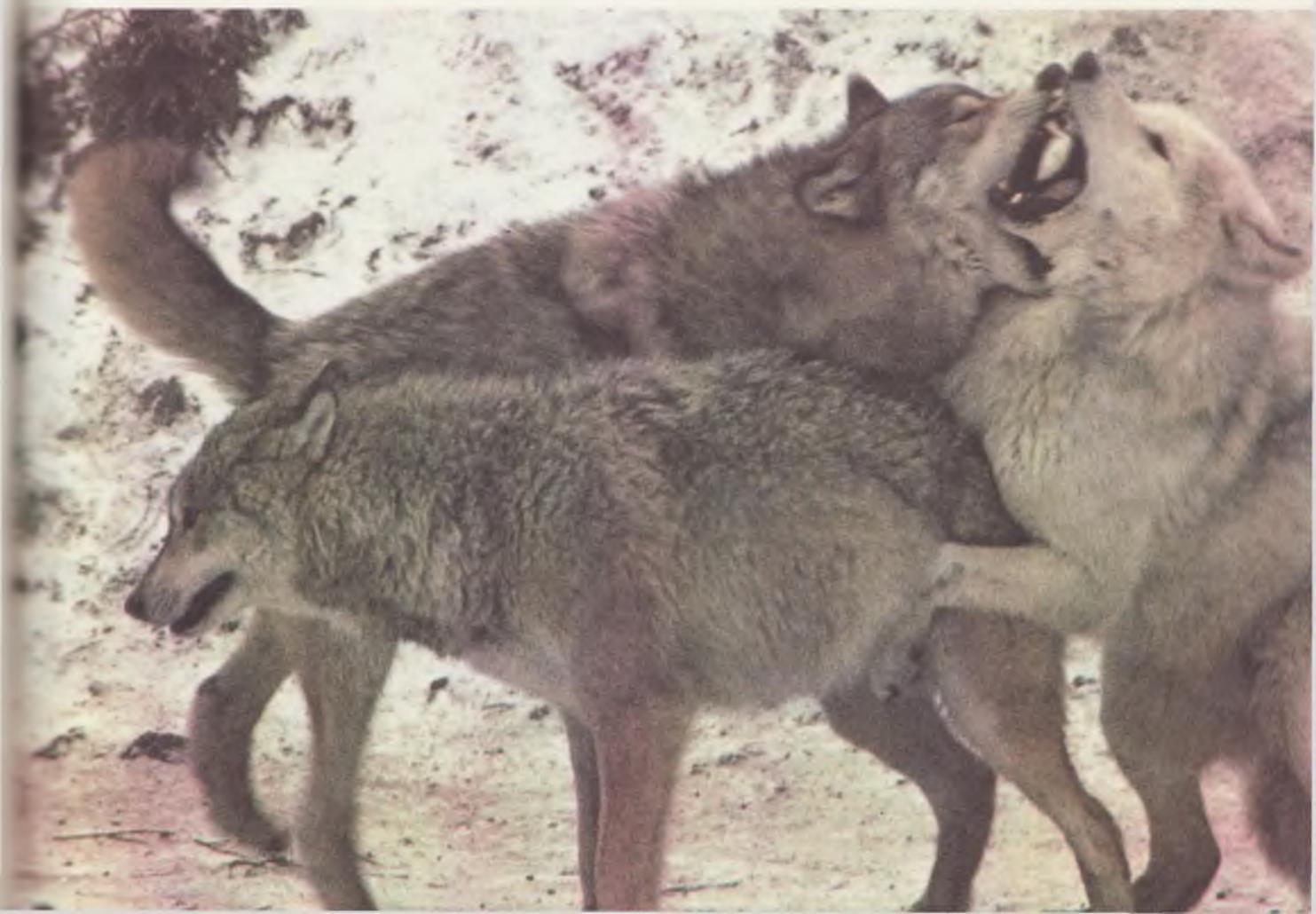
Волчья стая обладает чрезвычайно сложной и тонкой структурой. Основа ее — иерархический порядок, в котором место каждого члена стаи определяется очень рано. Уже через 30 дней после появления на свет нового выводка один из волчат через игры и драки занимает в нем доминирующее положение. Вполне возможно, что со временем он будет доминировать и над всей стаей, но это зависит от ряда факторов — например, от того, как молод и крепок нынешний ее вожак, а также от того, насколько сильными окажутся другие молодые претенденты на первенство. Вожак стаи — почти всегда самец, которого принято называть волк «альфа», однако у самок есть свой иерархический порядок и своя волчица «альфа».

Далее на иерархической лестнице располагаются взрослые, но подчиненные члены стаи и одинокие волки, держащиеся на ее периферии. Ниже всего стоят подросшие волчата, которых стая по-настоящему принимает только на втором году их жизни. Однако взрослые волки все время проверяют силу вышестоящих и готовы тотчас использовать любое проявление слабости. В результате молодые, взрослые, поднимаются по иерархической лестнице все выше, а стареющие и слабеющие спускаются все ниже.

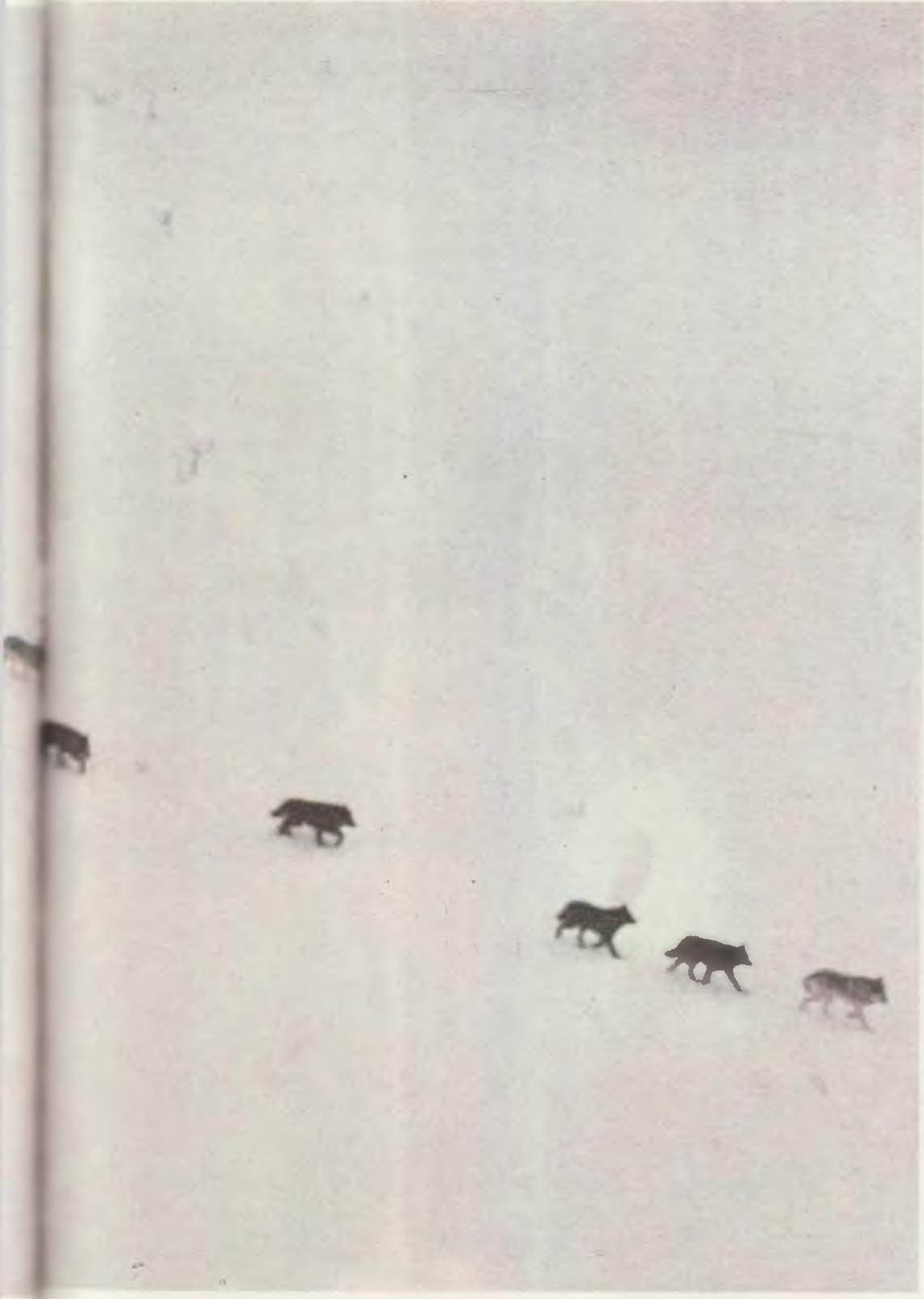
Волка «альфа» (на снимке слева) легко отличить от подчиненного волка, чей хвост всегда полуопущен. Единственное отклонение от иерархического порядка может произойти, когда волчица приносит потомство. В этом случае, хотя обычно она подчиняется самцу, волчица на недолгий срок может поменяться с ним ролями, и в ее поведении проявляются черты доминирования.

Высоко задрав хвост, волк «альфа» охлаждает любовные порывы самца, стоящего ниже по иерархической лестнице. Нередко в стае спариваются только волк «альфа» и волчица «альфа». Это поведение обеспечивает своего рода контроль над рожаемостью: волки «альфа» отгоняют прочих самцов, а волчицы «альфа» — прочих самок.

Волчья стая на Аляске движется во время охоты гуськом через заснеженную тундру. Восьмилетнее изучение этой стаи в национальном парке Маунт-Маккинли показало, что доминирующий самец или волк «альфа», обычно не возглавлял такую процесию, а чаще предоставлял это второму самцу. Но в момент опасности или когда особенно не везло на охоте, волк «альфа» становился во главе стаи. На этом снимке волк «альфа» — пятый с конца. Его легко узнать по поднятыму хвосту — знаку доминирования. Его подруга, волчица «альфа», идет непосредственно перед ним.

ГОЛОДНЫЙ КАК ВОЛК

Существование волчьей стаи все время находится под угрозой, поскольку волки не имеют постоянного и надежного источника пищи. И хотя они заняты непрерывными поисками добычи, охота гораздо чаще кончается неудачей, чем успехом. Но когда после нескольких дней голодовки им удается справиться с лосем или карибу, волки пируют, стараясь наесться впрок. Они обжираются, редко оставляя что-нибудь, кроме костей и шерсти. Такое обжорство служит двум целям: летом волчата в логове и их сторожа получают вдоволь отрыгнутого полупереваренного мяса, а в остальное время года оно помогает сохранять силы до тех пор, пока охота вновь

не завершится удачей, чего приходится иногда ждать по нескольку дней.

Хотя волки питаются любыми животными, обитающими в их ареале (включая мышей, кроликов, рыбу и птиц), главный источник их пищи — особенно зимой — это крупная, пусть и более редкая, добыча вроде лося, за которым гонится стая на снимке внизу. Правда, справиться с подобной добычей труднее, но таким хищникам, как волки, выгоднее охотиться на животных крупнее себя. Преследуя мышь, волк расходует много сил, а ее в лучшем случае ему хватает на один глоток.

Приближаясь к однокому лосю в начале охоты, показанной на этих снимках, волчья стая (одна из четырех, обитающих в Маунт-Маккинли) оценивает противника.

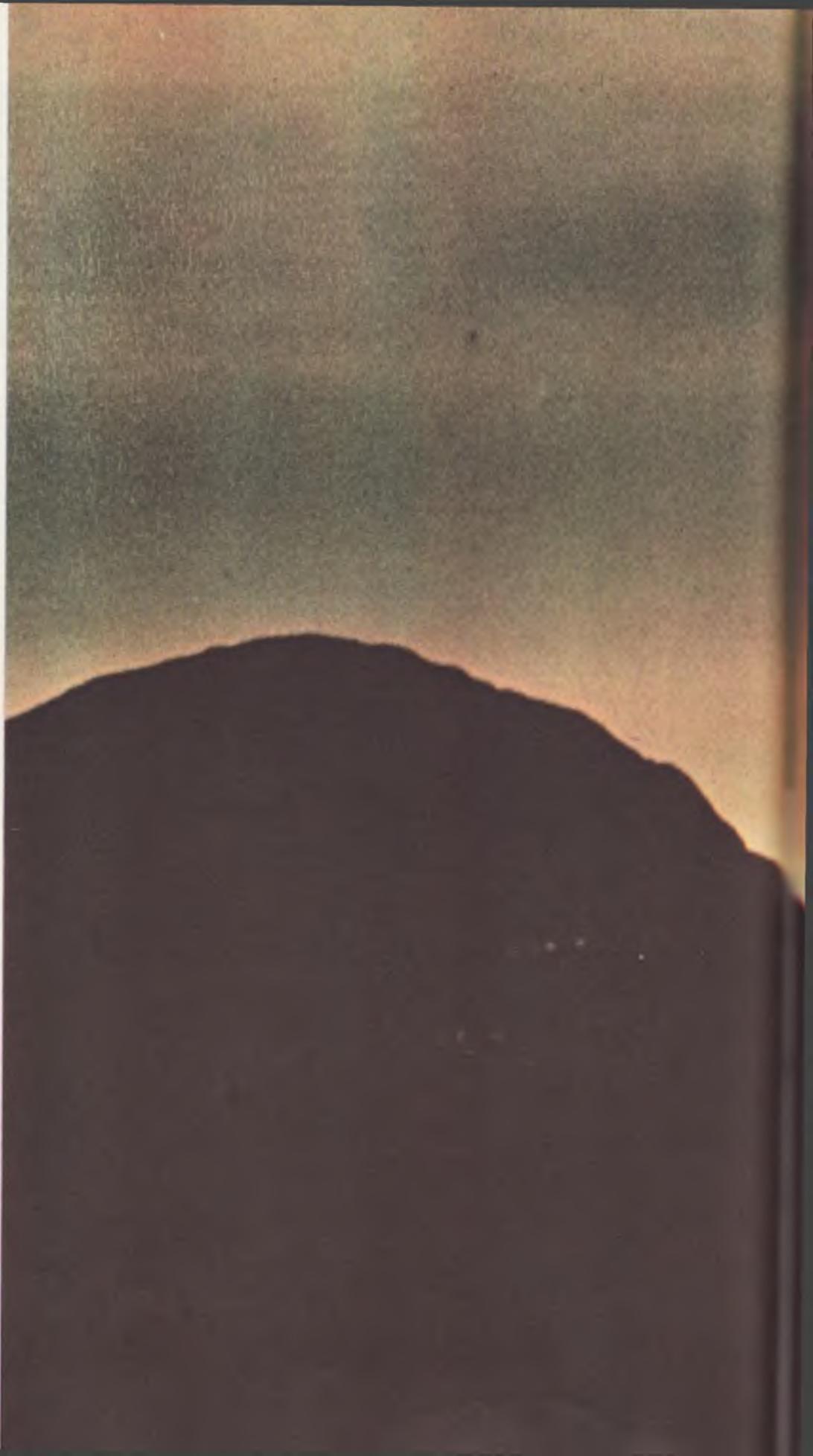
Стая разделяется, окружая лося, но держится на почтительном расстоянии от смертоносных передних копыт крупного самца, который вопреки надеждам волков остается на месте и готов защищаться.

Решив, что лось слишком опасен, стая отказывается от нападения и затевает игру, чтобы снять не получившее выхода напряжение.

Волки уходят от лося — но один задерживается, чтобы в последний раз примериться к нему, — и, как обычно, гуськом отправляются на поиски более доступной добычи.

Одиночный волк бредет на закате по гребню холма. Такие одиночки — всегда изгои. Это либо молодые волки, не ужившиеся в стае из-за попыток нарушить строгий иерархический порядок, либо старики, уже неспособные участвовать в совместной охоте. Старые одиночки доживают свои дни, следя за стаей в отдалении и подбирая скучные остатки ее добычи. Молодые изгои, справляющиеся с оленем или лосем без помощи других волков, часто спариваются с одиночками волчицами и создают ячейку новой стаи.

Не кричи, волки!

Волки принадлежат к самым общительным животным и обычно живут бок о бок в дружеской гармонии. Однако Фарли Моэт, канадский этолог, обнаружил, что волчьей семье присуща особенность несколько иного качества, чем даже обычная сплоченность, характерная для стаи, — он наблюдал супружескую пару, делившую логово и заботы по уходу за щенками выводком с третьим взрослым волком. Моэт описывает этого «гувернера», терпеливого холостяка, дядюшку Альберта, как он его называл, в своей книге «Не кричи, волки!»*, посвященной тундровым волкам на канадском севере, отрывок из которой приводится ниже.

* Моэт Ф. Не кричи, волки! Пер. с англ. Г. Н. Топоркова. — М.: Мир, 1965.

Это был массивный серебристо-белый зверь с на редкость величественной осанкой. Он был на добрую треть крупнее своей подруги, но едва ли нуждался в таком большом росте, который лишь подчеркивал его властную уверенность. Георг умел держаться внушительно. Он обладал врожденным чувством собственного достоинства, однако ни в коей мере не чурался других. Снисходительный к ошибкам, заботливый и в меру любящий, он казался тем идеальным отцом семейства, какие нередко встречаются на страницах скучнейших семейных мемуаров, но чей реальный прототип редко ступает по земле на двух ногах. Короче говоря, Георг относился к тому типу отца, которого охотно признал бы любой сын.

Его подруга также произвела на меня неизгладимое впечатление. Это была стройная, почти чисто-белая волчица с густым меховымboa вокруг шеи. Широко расставленные, слегка раскосые глаза придавали ей сходство с плутоватой девчонкой. Красивая, кипучая, страстная, сущий дьявол, если разозлится, — казалось бы, ее не назовешь воплощением материнства. И все же лучшей матери не сущешь. Я поймал себя на том, что называю ее Ангелиной, хотя так и не отыскал в глубинах собственного подсознания никаких следов, объясняющих, откуда возникло это имя. Мне очень нравился

Георг, я уважал его, но к Ангелине проникся глубокой любовью и до сих пор лелею надежду когда-нибудь встретить женщину, в которой воплотились бы все ее достоинства...

Поначалу меня совершенно сбивала с толку одна особенность, относящаяся к организации волчьей семьи. Во время прежних посещений логова я видел там трех взрослых волков. После того как я установил постоянное наблюдение за логовищем, мне вновь довелось несколько раз видеть «лишнего» волка. Он представлял абсолютную загадку, так как в то время мне казалось, что нормальная волчья семья состоит из самца, самки и детенышей. Я еще не успел в достаточной степени проникнуть в волчий мир; мне и в голову не могла прийти возможность существования у них извечного треугольника.

Третий волк, кем бы он ни был, внешностью и характером отличался от Георга — он был ниже ростом, менее подвижен и энергичен, с серым чепраком на белой шкуре. Едва я увидел его играющим с волчатами, как тотчас окрестил «дядюшкой Альбертом».

Шестое утро моего бодрствования выдалось ясным и солнечным. Ангелина с потомством не преминула воспользоваться хорошей погодой. С восходом солнца (в три часа утра) вся компания перебралась

из логовища на ближайший песчаный холмик. Там волчата принялись обрабатывать мать с таким энтузиазмом, который любую женщину непременно довел бы до истерики. Правда, они хотели есть, но и ревность била в них ключом. Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина героически терпела пытку, затем, вся взъерошенная, попробовала защищаться: села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем. Четверо волчат весело помчались за ней, и тут Ангелина издала своеобразный жалобный крик.

Проблема общения волков между собой впоследствии чрезвычайно меня интересовала, но в данном случае я еще находился под влиянием широкого распространенного заблуждения, что ни у

одного живого существа, кроме человека, не существует развитой системы звуков для связи между собой. Пронзительному и тоскливому вою Ангелины трудно было дать определенное толкование. И все же я уловил в нем мольбу и почувствовал невольное сострадание к ней. Оказалось, не я один. Через считанные секунды после ее *cri de coeur*, раньше чем налетела банда волчат, появился спаситель.

Им оказался тот самый, третий волк; он спал в ямке, вырытой в песке на южном склоне эскера в том месте, где насыпь уходит под воду залива. Я и не подозревал, что он там, пока волк не поднял голову. Вскочив на ноги и отряхнувшись, он рысью пустился наперевес волчатам, которых отделяла от матери последняя ступень склона. С захватывающим интересом следил я за тем, как он своим плечом опрокинул ближайшего волчонка на спину и спустил его вниз по откосу, легонько куснул другого за толстенький задок и погнал их всех к тому месту, которое, как мне удалось выяснить позднее, служило волкам площадкой для игр.

Не решаюсь вложить человеческую речь в уста волка, но все происходившее затем было настолько красноречиво, словно он сказал: «Если хотите потренироваться, ребята, то вот он я — ваш волк!»

И в самом деле, в течение последующего часа он с таким азартом возился с волчатами, будто сам был одним из них. Игры часто менялись, многие очень напоминали игры ребятишек, например пятнашки, которые особенно полюбились волчатам, причем Альберт всегда «водил». Прыгая, катаясь и носясь между волчатами, он умудрялся никогда не выскакивать за пределы детской площадки, но при этом задал малышам такую гонку, что они выдохлись.

Альберт мельком глянул на них, кинул быстрый взгляд на гребень эскера, где спокойно отдыхала Ангелина, бросился на землю посреди усталых волчат и перевернулся на спину, как бы приглашая малышей потренироваться в нанесенииувечий. Волчата не заставили себя просить. Один за другим они поднимались и шли в бой. На сей раз воодушевление было полным, запрещенных приемов не существовало — во всяком случае, для них.

Волчата пытались задушить Альberta, но их маленькие, хотя и острые зубки не могли справиться с густой шерстью на груди старого волка. Охва-

ченный приступом детского садизма, один волчонок повернулся задом к лежащему и принял лапами швырять ему в морду тучи песка. Другие подпрыгивали вверх, насколько позволяли их маленькие, кривые лапки, и с глухим ударом шлепались на незащищенное брюхо Альберта. В проме-

жутках между прыжками они пытались жевать любую уязвимую часть тела волка, какая только попадалась им на зубы.

Меня заинтересовало, сколько же он в состоянии выдержать. Очевидно, волк оказался чрезвычайно выносливым, во всяком случае, он дождался, пока волчата в полном изнеможении не свалились в крепком сне. Только тогда он поднялся и отошел от них, шагая осторожно, чтобы не наступить на маленькие тельца, раскинувшиеся на песке. Но и

после этого он не вернулся в свою уютную постель (хотя, несомненно, заслужил отдых после нелегкой ночной охоты). Он уселся на краю детской площадки, задремал, как дремлют волки, и часто поглядывал на спящих — тут ли они, не грозит ли им опасность.

Его подлинное место в волчьей семье по-прежнему оставалось загадочным, но с той поры в моих глазах он стал «добрый старым дядюшкой Альбертом».

Гиеновые собаки

Высокоразвитая структура стаи и умение охотиться сообща характерны не только для волков, но и для некоторых других представителей семейства собачьих. Например, мелкие, коротконогие кустарниковые собаки иногда объединяются в небольшие охотничьи группы, чтобы вместе преследовать грызунов по травянистым равнинам Южной Америки. Такая манера есть и у австралийских дingo, которые обычно ловят кроликов и валлаби, но иногда нападают и на овец, вызывая неугасимую ненависть у пастухов. Тут же можно назвать и свирепых дхолей — красных волков Восточной Азии и Индии: они охотятся на кабанов, диких коз, оленей и даже способны отогнать тигра от его добычи. Однако из диких членов семейства собачьих, пожалуй, наиболее интересны африканские «волки» — гиеновые собаки, которые роются по саваннам к югу от Сахары в поисках гну, бородавочников, зебр и газелей.

Любителю породистых ирландских сеттеров и шотландских овчарок африканская гиеновая собака, без сомнения, покажется жалкой дворняжкой. Она весит в среднем около 18 килограммов, покрыта короткой, словно свалявшейся шерстью в черных, рыжих и белых пятнах, обладает резким запахом, а ее большую голову увенчивают широкие полу круглые уши, стоящие торчком. В отличие от остальных собачьих у нее на передних лапах только четыре пальца вместо обычных пяти.

Однако наблюдатели, следовавшие за гиеновыми собаками в их кочевках, которые охватывают сотни квадратных километров, пришли к выводу, что эти самые добычливые хищники в Африке обладают некоторыми очень мильными чертами, так что их неказистая внешность обманчива.

У гиеновых собак много разнообразных звуковых сигналов, в том числе охотничий клич, похожий на звон дальних колоколов, резкий лай, означающий страх или злобу (ему нередко сопутствует рычание), и еще подывивание сквозь сокнутые губы, чтобы подзывать щенков, которые пишат или испускают тоскливо-«мью-у».

Когда стая голодных гиеновых собак отправляется на охоту, можно почти наверно сказать, что они вернутся с набитым брюхом. В дневную жару они благородно остаются в тени и спят или общаются возле своих логовищ. За дело же они берутся в прохладе раннего утра или вечером. Кто-нибудь из вожаков поднимается, страживает с себя дремоту и обходит остальных собак, стараясь их растормошить. Иногда ему помогает и другой вожак. Они дергают спящих за уши, толкают носом и лапами, словно говоря: «А ну, вставайте, пора!» Вскоре все собаки уже на ногах и весело виляют хвостами, нюхают и лизут друг друга, бегают, прыгают, повизгивают и тявкают, растягивая губы в веселой усмешке. Зоолог Джордж Шаллер, наблюдавший этот ежедневный спектакль в национальном парке Серенгети,

описывает его следующим образом: «Беспорядочная озорная возня, зарядка бодростью, помогающая членам стаи прийти в необходимое возбуждение перед тем, как они все вместе отправятся на вечернюю охоту».

Когда все в сборе и готовы (численность стаи может составлять от шести до тридцати животных), собаки гуськом пускаются бежать по саванне. Завидев стадо газелей или гну, собаки останавливаются, скучиваются, а затем начинают подкрадываться к стаду на полусогнутых лапах, прижав уши и выставив вперед голову почти над самой землей. При появлении гиеновых собак травоядные обычно бросаются бежать, и начинается погоня. Охотники умело маневрируют, изучая стадо, — окружают его или бросаются наперерез, стараясь разделить его, и все время высматривают малейшие признаки, свидетельствующие о том, что какое-то животное слабее остальных, а потому может стать более легкой добычей. Наблюдатели, следовавшие за охотящейся стаей в «лендревере», установили, что на протяжении нескольких километров собаки бежали со скоростью 50 километров в час и с рывками до 65 километров в час. В такой гонке слабая газель или самка с обезумевшим от страха теленком неизбежно отстает от стада, собаки окружают свою жертву, вцепляются в мягкий живот и быстро вспарывают его.

Этот метод расправы с добычей навлекал на гиеновых собак обвинение в свирепой кровожадности, и их беспощадно истребляли даже на территории некоторых африканских заповедников. В действительности же их жертвы, по всей вероятности, сразу впадают в состояние шока и не испытывают почти никакой боли.

Члены стаи делят не только трудности охоты, но и добычу, причем очень дружелюбно, в первую очередь заботясь о молодых собаках, отстающих от быстроногих взрослых охотников. Когда молодые собаки подбегают к только что убитой добыче, взрослые уступают им место, а сами, хотя еще не уголили голода, становятся вокруг, чтобы отгонять гиен, шакалов и других любителей даровицы. Щедрый дележ продолжается и по возвращении к логовищам. Охотников встречают, виляя хвостами и весело прыгая, остававшиеся там члены стаи — часовые, покалеченные собаки, самки с маленьенькими щенками — и получают свою долю отрыгнутого мяса.

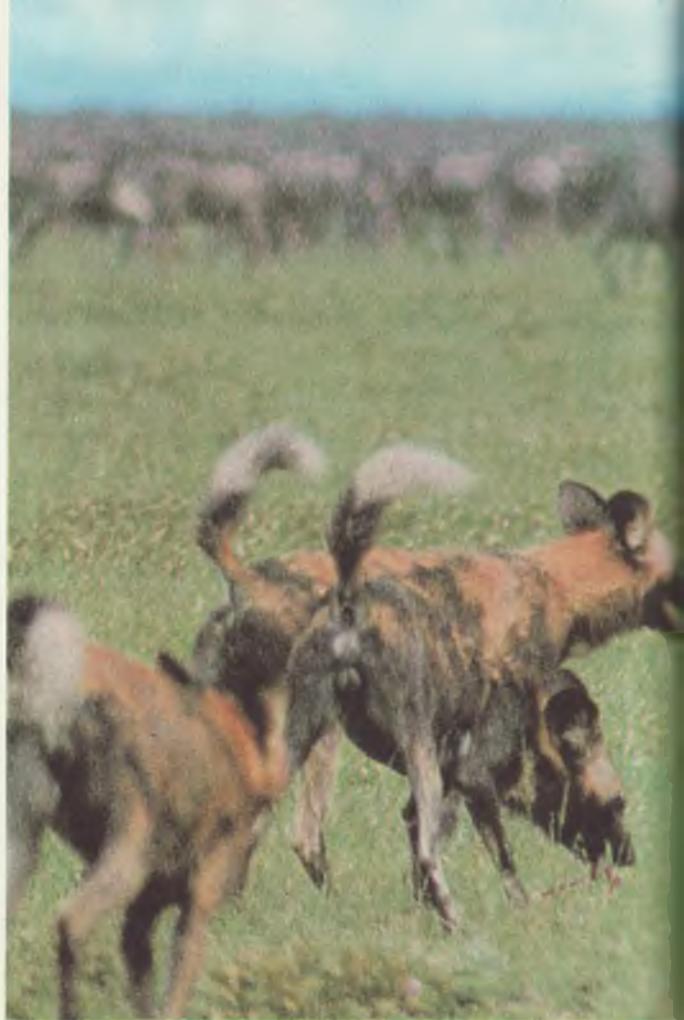
В отличие от львов, которые редко делятся добычей со своими отпрысками, гиеновые собаки словно посвящают жизнь заботам о щенках. Самцы почти наравне с самками кормят щенков стаи, охраняют их и играют с ними. В маленькой стае, за которой велось наблюдение, единственная самка погибла, когда ее девяти щенкам было пять недель. Заботу о малышах взяли на себя самцы и пестовали их, пока те не выросли настолько, чтобы принимать активное участие в охоте.

Добычливые охотники

Гиеновые собаки — самые искусные из всех более или менее крупных хищников, охотящихся на африканских равнинах. Когда гиеновые собаки отправляются на охоту, в девяти случаях из десяти она увенчивается успехом. Хотя они едят практически все, основу их рациона составляют стадные травоядные, такие, как гну, зебры, газели Томсона и — реже — более крупные газели Гранта.

Обычно гиеновые собаки отправляются на охоту (во время которой полагаются в основном на свое превосходное зрение, а не на обоняние) дважды в сутки — в сумерках и на рассвете. Стая дружно ведет поиски добычи. Обнаружив стадо, собаки кидаются вперед и обращают его в бегство. Тявкая, они бегут рядом и высматривают подходящую жертву — животное, более слабое или менее быстрое, чем остальные. Если такого не найдется, а стадо опережает их, как иногда случается, собаки прекращают погоню и отправляются на новые поиски. Но заметив подходящее животное, они бросаются в нападение и быстро вспарывают ему живот.

Эти снимки запечатлели моменты типичного охотничьего поведения стаи гиеновых собак. Слева собаки увлеченно покусывают друг друга, пока вся стая не приходит в охотничье возбуждение. Погнав стадо гну, несколько собак нападают на отставшую антилопу (вверху). Она тщетно пытается отбиться от них, но тут приближаются остальные собаки. Справа стая пиряет, торжествующие задрав белые хвосты.

Любовь к потомству

Гиеновые собаки кочуют по обширной территории, площадью иногда более 2500 квадратных километров, в поисках пищи. Только когда той или иной самке приходит время щениться, стая некоторое время остается на том же месте, выбрав логово, покинутое каким-нибудь другим животным, — сами гиеновые собаки обычно себе жилья не выкапывают. В одном помете может быть до 16 щенков. Их кормят, охраняют и пестуют все члены стаи, чья жизнь теперь сосредоточивается на том, чтобы охотиться и заботиться о подрастающем поколении. Через три-четыре месяца, когда щенки подрастут настолько, что могут следовать за стаей на охоте, кочевки возобновляются.

У щенков слева уже появилась характерная пятнистая окраска взрослых гиеновых собак. Эти подростки скоро присоединятся к взрослым в их бесконечных поисках добычи. Но пока они продолжают получать пищу, как щенок на верхнем снимке, просительно повизгивая и облизывая морду взрослой собаки, которая в ответ отрыгивает мясо, съеденное на охоте.

Шакалы

Шакалы Старого Света по величине уступают волкам и гиенам, но превосходят лисиц. Это истинные члены семейства собачьих, охотящиеся в одиночку, парами и реже стаями. Взрослые шакалы весят от 7 до 13 килограммов. Они смышлены, очень общительны и обладают прекрасным зрением, с помощью которого находят самую разную пищу. Чепрачный шакал, живущий в открытых местностях от Египта до Южной Африки, питается преимущественно падалью, подбирая остатки, не доеденные более крупными хищниками вроде львов. Полосатый шакал, обитающий главным образом в лесных и горных районах Центральной Африки, робко держится в одиночку и охотится по ночам на мелких зверьков. Наиболее распространён обыкновенный шакал красивой золотисто-рыжей окраски, ареал которого охватывает значительную часть Африки, юго-восток Европы и Азию, включая северные районы Индии.

Обыкновенные шакалы поедают много насекомых, раскапывая землю в поисках жуков и термитов, ловя кузнецов и высоко подпрыгивая, чтобы схватить на лету ночную бабочку. Кроме того, они охотятся на крыс, мышей, зайцев и гнездящихся на земле птиц. Не боятся они нападать и на змей, которые составляют обычную часть их рациона. Иногда они охотятся парами и ухищаются отбить теленка у газели, не обращая внимания на удары ее копыт, хотя не раз кувырком летят от них по земле. Собравшись небольшой группой, они охотятся и на взрослых газелей, а кроме того, умеют ловко пользоваться чужой добычей, выхватывая мясо прямо из-под лап насыщающегося льва, бесстрашно вырывая лакомые куски у гиен и отгоняя грифов от остатков туши.

При случае шакалы наедаются до отвала зрелыми фигами и грибами. Во время своих полевых наблюдений в Африке фотограф-натуралист Гуго ван Лавик как-то заметил, что шакаленок, которого он назвал Руфусом, съел гриб, которого взрослые шакалы не трогали. Через несколько минут у Руфуса, по-видимому, начались наркотические галлюцинации: он бегал по кругу и бросался на взрослых гну и газелей, которые настолько растерялись от неожиданности, что поспешили убраться подальше от разбушевавшегося щенка.

Шакалы, подобно койотам (см. с. 92), — животные с высокоразвитой социальной структурой. Когда члены семьи расходятся в разные стороны, они подают друг другу сигналы воем, а при встрече виляют хвостами, обнюхиваются,

валятся на спину и болтают лапами в воздухе. Родители вылизывают щенков часто и энергично, выражая таким образом свою привязанность. Вообще вылизывание составляет важную, почти ритуальную часть поведения шакалов и нередко выходит далеко за пределы простых требований чистоплотности. Самка вылизывает щенков с усердием, которое иногда представляется излишним. А в ежегодный брачный сезон ритуал ухаживания предваряется настоящей вакханией вылизывания.

Очень интересен своеобразный, прямо-таки акробатический боевой прием, которым шакалы часто пользуются, чтобы отогнать других претендентов на их добычу, — это так называемый удар всем телом или бедром, своего рода шакалье каратэ. Шакал становится мордой к сопернику, отталкивается от земли всеми четырьмя лапами, разворачивается в воздухе и бьет противника задней частью туловища.

Этот прием с особым успехом применяется против грифов или орлов. Такой удар не только ошеломляет огромных птиц, но позволяет шакалу уберечь голову, глаза и нос от острых когтей и клювов. Щенки скоро перенимают этот прием у взрослых, и самые сильные и бойкие начинают пользоваться им в играх.

Взрослые шакалы, встречая чужака, по-видимому, применяют удар бедром, чтобы без серьезной драки определить, кто сильнее и смелее. Гуго ван Лавик и этолог Джейн Гудолл по достоинству оценили этот прием, наблюдая как-то раз встречу двух крупных чепрачных шакалов. Один несомненно был готов признать превосходство другого: он поднял лапу, потом тихонько тронул ею плечо второго, словно предлагая перемирие. Второй шакал сначала никак не ответил на этот жест, а затем внезапно прыгнул с поворотом и толкнул первого бедром. Он дважды повторил прыжок, а под конец еще и брыкнул чужака задними лапами. Утвердив свое главенство, он отбежал в сторону, а первый шакал опасливо прижался к земле. Победитель затем подобрал с земли кусок высохшего навоза и положил его на землю перед побежденным — по-видимому, в знак мирных намерений. Когда же тот не пошевелился, он сам схватил комочек, подбросил его в воздух и поймал на лету. Другой шакал, словно по сигналу, вскочил, и они принялись играть. Около получаса они гонялись друг за другом, вырывали друг у друга ветку, прятались за упавшим деревом и неожиданно высекивали, словно из засады.

Нахальный охотник

Маленький бойкий шакал с риском для жизни, но без всяких колебаний присоединяется к трапезе крупных хищников. Он и прихлебатель человека — бродит вокруг стоянок путешественников и тякает у деревенских окопий в надежде чем-нибудь разжиться.

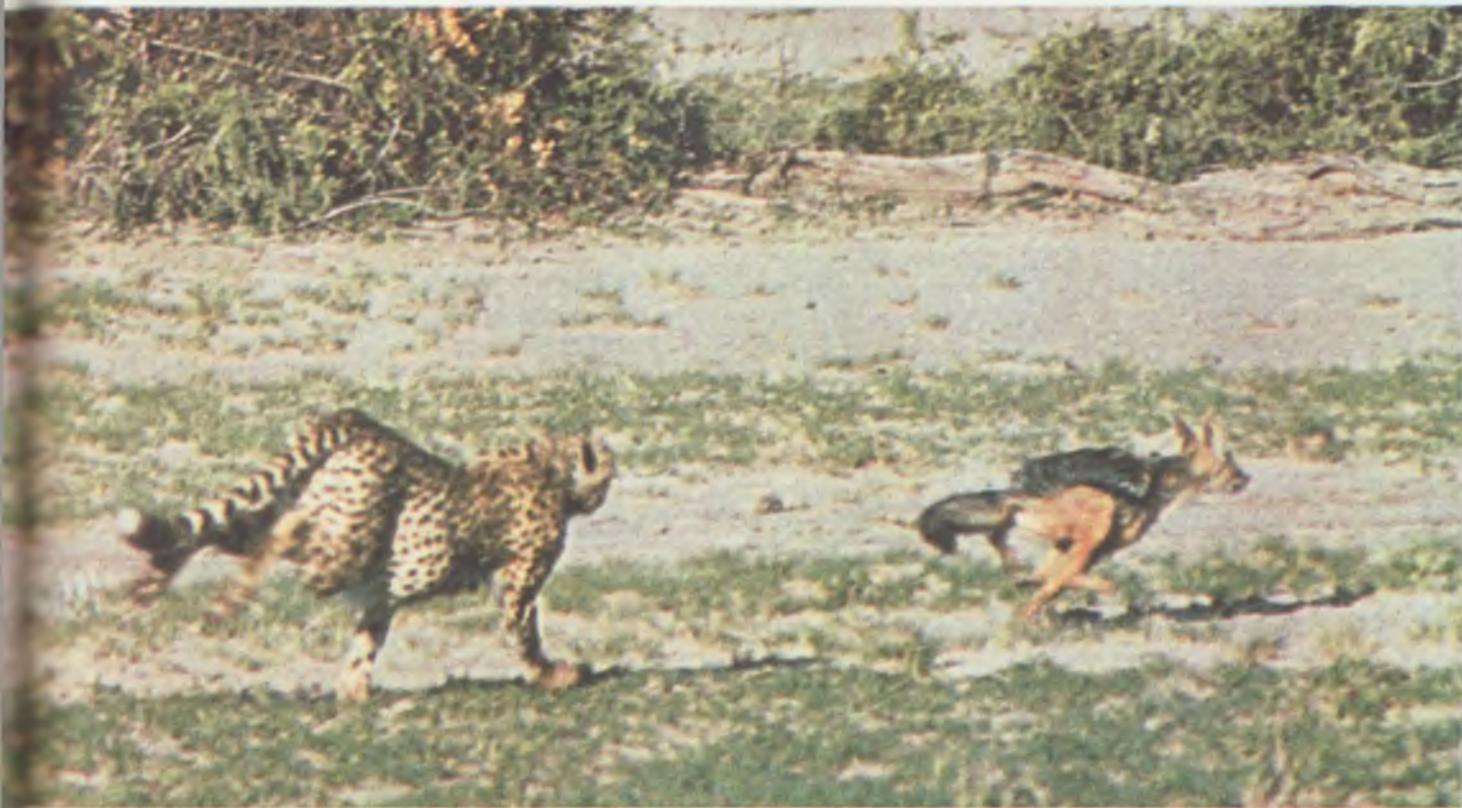
Шакалы, кроме того, охотятся и сами. Парами или объединившись в стаю, они справляются с газелями, а потом бывают вынуждены защищать добычу точно так же, как более крупные хищники защищают свою добычу от них. Впрочем, охота для них — далеко не единственный источник пищи: они не брезгливы и едят, что придется. Поедая падаль, они выполняют полезную функцию, так как очищают места своего обитания и, подобно гиенам и грифам, играют роль санитаров дикой природы.

Нередко шакалы становятся жертвами крупных хищников. Им приходится все время полагаться на чуткие уши, предупреждающие об опасности, на быстрые ноги — спасаясь бегством, они развивают скорость до 55 километров в час — и на защитную окраску, позволяющую им прятаться даже в редком кустарнике.

Шакал способен отогнать орла от падали. Охотясь, он часто нападает на животных крупнее себя (слева). Два шакала, возможно, без труда справились бы с этой газелью Томсона, но для одинокого охотника такая задача непроста. Иногда шакал, спасаясь от смерти, вынужден мчаться во весь дух (внизу). Его преследует гепард — быстрейший в мире спринтер, — но на длинных дистанциях шакал его превосходит.

Гиены

У большинства людей при слове «гиена» возникает образ трусливой омерзительной твари — уродливой карикатуры на собаку преувеличенно больших размеров, которая визгливо хохочет и подло ворует объедки у благородных зверей вроде льва или гепарда.

У этого портрета есть только один недостаток — он очень мало походит на оригинал. Начать с того, что гиены — вовсе не собаки, а стоят гораздо ближе к кошкам, циветам и мангустам, но при этом настолько своеобразны, что выделены в особое семейство. В него входят пятнистая и бурая гиены, обитающие на юге Африки, полосатая гиена, живущая на севере Африки и в южных областях Азии, и, наконец, земляной волк, который вовсе не волк, а небольшой робкий африканский гиеноподобный зверь, питающийся в основном термитами и разыскивающий их по ночам. Наиболее крупный и распространенный вид — пятнистая гиена, чей ареал простирается к югу от Сахары. Это единственный член семейства гиеновых, поведение и привычки которого были изучены более или менее подробно.

Недавние наблюдения, которые вели в естественных условиях голландский этолог Ханс Круук и ряд других исследователей, создают совсем иной и гораздо более привлекательный образ этого животного. Круук и его жена пришли к выводу, что гиены, обитающие в огромном кратере Нгоронгоро в Танзании (Восточная Африка), не способны были бы существовать, питаясь только остатками добычи крупных кошек, которых там жило раз в десять меньше, чем гиен. И они начали в лунные ночи наблюдать за действиями гиеновых стай. Они обнаружили, что гиена, подобно большинству плотоядных, не слишком разборчива и готова есть все что угодно, начиная от насекомых и кончая буйволами — а при случае даже и других гиен. Далее выяснилось, что гиены в основном занимаются охотой, причем львы часто ищут поживы по их следам, а не наоборот. Исследователи убедились, что по меньшей мере 83% животных, у туш которых пировали гиены, они загнали и убили сами, причем не только молодых, больных и старых, но и крупных гну, водяных козлов и зебр в расцвете сил. А львы просто выживали, пока гиены искали добычу, а потом шли туда, где раздавались их торжествующие завывания и хохот, чтобы отогнать удачливых охотников и получить даровой обед. Правда, иногда группе гиен удается не подпустить льва к туше.

Еще более поразительным было открытие, что в гиеновых стаях господствуют самки. При выслеживании добычи во главе стаи неизменно бежала крупная самка, что довольно большая редкость среди плотоядных зверей, хотя волчьи

стаю порой и ведет опытная волчица. Взрослая самка гиены может весить целых 80 килограммов, хотя их средний вес ближе к 60 килограммам. Самцы, даже самые крупные, легче по крайней мере на 5 килограммов и на иерархической лестнице всегда стоят ниже самок. Это поразительное доминирование самок особенно наглядно проявлялось у подземных жилищ гиен. На домашнем фронте, как и на охоте, полностью господствовали самки, которые часто вели себя по отношению к самцам агрессивно и отгоняли их от детенышей злобным рычанием и укусами.

По мнению Круука, эта необычная структура гиеновой стаи, возможно, возникла из-за свойственных гиенам каннибалских наклонностей. Быть самки меньше и не так агрессивны, им не удавалось бы защитить детенышей от голодных отцов и дядей. Почти наверное, доминирование самок у гиен развилось на протяжении их долгой эволюции и сохраняется по сей день, как условие выживания молодняка. Эволюции поведения сопутствовало развитие крайне своеобразной физической особенности: внешние половые органы самки приобрели почти полное сходство с мужскими, так что, собственно говоря, только гиена способна сразу отличить, кто есть кто. Эта анатомическая особенность породила множество нелепых догадок — например, идею, что гиены двуполы, а то и вовсе способны менять пол по желанию. Все это сказки. Спаривание и размножение у гиен самое обычное, как у всех других млекопитающих.

Обычно гиены приносят не более двух детеныш — в отличие от самок большинства млекопитающих самка гиены имеет лишь два соска, чтобы кормить свое потомство. Гиены рождаются с открытыми глазами, а не слепыми, как щенята и медвежата, и ходить начинают уже через несколько дней. К большому своему удовольствию Круук убедился, что детеныши гиен шаловливы, любят играть и привязчивы. Он подобрал бездомного гиененка в возрасте недели, дал ему кличку Соломон и начал его воспитывать. Соломону очень нравилось ездить с Крууками в их «лендр-вере» и рассматривать всяких животных, особенно же он полюбил сыр и общество людей в расположеннем неподалеку отеле «Серонера-Лодж», но он повадился ходить в бар, и управляющий положил этому конец. Когда Соломон подрос, Круук попытался вернуть гиененка в естественную среду, перестав пускать его в дом. Но в одно прекрасное утро Соломон вышиб входную дверь и радостно бросился к госпоже Круук, которая как раз принимала ванну. Убедившись, что он слишком привык к человеческому обществу и не выживет на воле, Крууки с грустью отправили его в Эдинбургский зоопарк.

Смерть на равнине

Словно хорошие хозяйки, составляющие меню на неделю, гиены намечают для каждого данного дня определенную добычу, выбирая между такими стадными животными, как зебры, гну и газели Томсона.

Выбор жертвы определяет охотнические приемы, которые будут пущены в ход. На приведенных здесь снимках гиены охотятся на гну. Вспугнутые гну разбегаются в разные стороны — в отличие от зебр, которые, наоборот, сбиваются в кучу для общей обороны. А потому быстрых гну, чье поведение трудно предсказать заранее, гиены преследуют небольшими группами; охотясь же на зебр, менее быстрых, но гораздо более опасных, они собираются в группы побольше, чтобы действовать наверняка. В такой группе может быть до 25 гиен.

В парке Серенгети (Восточная Африка) гиена оглядывает смешанное стадо зебр и гну (слева). Животные перестают пастись и с тревогой посматривают на хищника. Раза два бросившись в середину стада, гиена замечает, что одна антилопа как будто медлительнее или слабее остальных, и начинает ее преследовать. Вскоре к погоне присоединяются и другие гиены из ее стаи (внизу), а стадо между тем опять спокойно пасется. Развив предельную скорость, первая гиена настигает злополучное животное и замедляет его бег свирепыми укусами в круп и ноги.

Когда обреченное животное падает на землю, подбегают остальные преследователи и помогают прикончить жертву (слева). Гиены обычно распарывают живот у своей добычи и съедают ее буквально заживо. Стая гиен способна съесть гну за семь-восемь минут.

Большая стая пятнистых гиен торопливо терзает убитую зебру. Шакалы стараются исподтишка проскользнуть у них между ногами и урвать кусок, а грифы терпеливо ждут своей очереди. Шумная стая гиен, принимаясь за пиршество, почти всегда привлекает множество незваных гостей. Если любители попользоваться за чужой счет крупны и опасны — например, львы, — гиенам нередко приходится уступать свою добычу, но мелких воришек они отгоняют, иногда приканчивая самых дерзких.

Невинные убийцы

Пятнистые гиены — территориальные животные, готовые в любую минуту свирепо защищать границы своих владений. Если стая гиен вторгается на территорию другой стаи, неизбежно возникает шумная кровавая драка, часто завершающаяся гибелью нескольких ее участников. Именно такое столкновение под предводительством двух самок описывается в приведенном ниже отрывке из книги английского этолога Джейн Гудолл и голландского фотографа-натуралиста Гуго ван Лавика «Невинные убийцы»*.

Кровавая Мэри и Леди Астор, две матроны-предводительницы клана Когтистых скал, бросились бежать во всю прыть по залитой лунным светом равнине, воинственно подняв хвосты над широкими крупами. За ними бежали еще примерно восемнадцать гиен того же клана. А метрах в шестидесяти, там, куда устремилась эта группа, спокойно отдыхали поблизости от границ своей территории две гиены из соседнего Озерного клана. Должно быть, они спали крепким сном, потому что вскочили только тогда, когда Леди Астор и Кровавая Мэри

были от них всего в нескольких метрах. Одной гиене удалось удрать — она мчалась так, словно смерть гналась за ней по пятам, а вот второй не повезло. Кровавая Мэри и Леди Астор вцепились в нее, и через несколько мгновений она буквально скрылась под грудой тел — все новые и новые враги прибывали и бросались кусать и рвать несчастную жертву. Ночная тишина наполнилась жутким ревом, надрывными завываниями и рычанием торжествующего клана Когтистых скал и душераздирающими воплями их жертв.

Но вдруг откуда ни возьмись из ночной тьмы возникли десять гиен Озерного клана — держась плечо к плечу, они примчались на поле битвы. Их было немного, но зато они находились на своей территории и готовы были сражаться насмерть. Толпа с Когтистых скал в беспорядке поспешно отступила, бросив свою израненную жертву. Бойцы Озерного клана преследовали их, но недолго — стоило им пересечь границу территории клана Когтистых скал и оказаться на чужой земле, как уверенность сразу же покинула их.

Остановились и гиены Когтистых скал. Два враждующих клана, сомкнув свои ряды, повернулись друг к другу. Хвост у каждой гиены стоял торчком над крупом, и в ночном воздухе все громче и громче слышалось глухое ворчание и завывание на низких нотах. Тем временем обе армии разрастались — к ним прибывали все новые и новые под-

* Лавик-Гудолл Дж. и Г., ван. Невинные убийцы. Пер. с англ. М. Н. Ковалевой. — М.: Мир, 1977.

крепления, привлеченные воинственными звуками.

Внезапно я увидела, как неясные тени Кровавой Мэри и Леди Астор метнулись вперед, а за ними устремился и весь клан. Озерные гиены некоторое время удерживали свои позиции — до нас доносились взрывы рычания и пронзительные звуки, похожие то на хохот, то на хихиканье, когда гиены бросались друг на друга. Но вскоре Озерный клан отступил, спасаясь бегством на собственную территорию. Немного пробежав за ними, гиены Когтистых скал пересекли границу и остановились. И снова два клана стояли лицом к лицу, глухо завывая, пока наконец озерные, доведя себя до неистовства, не бросились в бой. Последовала короткая схватка, и гиены Когтистых скал отступили на свою территорию.

Так продолжалось и дальше: каждый клан вслед за своими предводителями бросался вперед, а потом внезапно поворачивал и улепетывал от разъяренных противников. С каждой стороны уже собралось по тридцать-сорок гиен, и в лунном свете все звенело от дикой какофонии завываний, тяжелого топота и шарканья лап, повсюду сновали темные угрожающие тени.

Через двадцать минут после первого нападения схватка внезапно прекратилась, и гиены стали уходить все дальше и дальше в глубь своих территорий — порой кто-нибудь оглядывался через

Восемь гиеновых «кланов» разделили кратер Нгоронгоро на четко разграниченные территории, запретные для остальных кланов, и одну нейтральную зону (9), на которую ни один из кланов не претендовал.

плечо, словно проверяя, нет ли новых нарушений границы. Мы с Гуго и раньше были свидетелями территориальных конфликтов между разными кланами гиен, но ни один из них не мог равняться с этим по редкостной, совершенно беспринципной, на наш взгляд, злобности. Ведь если две спящие гиены Озерного клана, из-за которых завязалась драка, и нарушили границу, то они были не больше чем в нескольких метрах от собственной территории. А какой ценой пришлось одной из них расплатиться за эту неосторожность — ведь она почти наверняка была изранена насмерть!

Койоты

Койот, американский эквивалент шакала Старого Света, обладает, пожалуй, наиболее развитым инстинктом самоохранения среди всех четвероногих охотников. В отличие от многих хищников он приспособился к вторжению цивилизации в мир дикой природы и сумел уцелеть, хотя человек развернул против него кампанию беспощадного и систематического уничтожения. И хотя популяция койота в некоторых районах катастрофически сократилась, зато он расширил свой ареал. Койоты, прежде обитавшие только на равнинах и плоскогорьях американского Запада, теперь расселились по континенту от Коста-Рики в Центральной Америке до мыса Барроу на Аляске (более чем в 10 тысячах километров оттуда), приспособившись к жизни в самых разных условиях. Их ночной вой слышат и кинозвезды в своих виллах среди холмов Голливуда, и туристы на привале в горах Уайт-Маунтинс в штате Нью-Гэмпшир, где 30 лет назад еще не было ни одного койота. Общая численность их популяции в Соединенных Штатах сейчас составляет, возможно, около миллиона, но будущее их отнюдь нельзя считать обеспеченным.

Каков же он, этот поразительный зверь, и что помогает ему выдерживать борьбу с человеком? Койот напоминает миниатюрную копию волка — он весит от 9 до 18 килограммов, втрое меньше своего крупного родича. Ноги у него тоньше, чем у волка, лапы изящнее, нос остree, глаза золотисто-желтые, а хвост длинный и пушистый. В сообразительности он не уступает волку, не так разборчив в пище, более умело приспосабливается к соседству людей и научился не попадаться им на глаза.

Однако койот обладает свойством, которое так и соблазняет сравнивать его с человеком, — подлинной семейной сплошностью. Как и волки — в отличие от домашних собак — койоты, раз образовав пару, обычно не расстаются до конца жизни. И если самец-собака в подавляющем большинстве случаев не обращает на своих щенят ни малейшего внимания, самец-койот усердно помогает выращивать своих отпрысков (пять-шесть щенков в выводке) — охраняет их, играет с ними, вылизывает, приносит им часть добычи.

Огромную роль в выживании любого вида имеют способы охоты и его пищевые предпочтения — справедливо это и в отношении койота. Он относительно невелик, и ему не требуется большого количества мяса, а потому у него нет необходимости нападать на крупных животных, ценимых человеком. Его потребности полностью удовлетворяют кролики, мыши, луговые собачки, ящерицы, птицы яйца и объемки в мусорных баках — источники пищи, достаточно обильные, с одной стороны, и, как правило, не интересующие человека — с другой.

Хотя у некоторых койотов есть прискорбная привычка при всяком удобном случае лакомиться помидорами, ды-

нями и курами, пользу, которую они приносят, более чем перевешивает такие грешки. Много лет койот был не врагом, а другом фермеров и скотоводов, не давая размножаться грызунам и другим сельскохозяйственным вредителям, которые иначе нанесли бы непоправимый ущерб полям и лугам.

Заклятыми врагами койотов сразу же стали овцеводы, которые, не досчитываясь ягнят и маток, в ярости повели настоящую войну с маленьким волком, хотя исследования показывают, что овец убивает лишь очень незначительное число койотов.

Потери в этой войне койоты понесли тяжелые. В шестидесятых годах сотрудники Службы контроля хищников только за один год официально сообщили об уничтожении 89 653 койотов. Однако эта бойня в конечном счете не достигла цели и не уменьшила популяцию койотов до минимума: изменившиеся условия оказали соответствующее воздействие на самок койота и выводки заметно увеличились, восполняя убыль взрослых животных.

Вопреки всем преследованиям койоты продолжают жить да поживать, проявляя почти волшебную способность существовать с людьми так, что их практически никто не видит.

В окрестностях населенных пунктов койоты научились ограничивать свою деятельность ночным временем, а там, где людей мало, они показываются и днем. Иногда они охотятся в одиночку, но когда это целесообразнее, объединяются в пары или даже небольшие семейные группы из пяти-шести животных. Один наблюдатель видел, как несколько койотов двигались по полю на некотором расстоянии друг от друга, точно цепь пехотинцев. Когда один из них вспугивал кролика, остальные немедленно отрезали зверьку все пути к спасению.

Сотрудничество двух койотов на охоте — это увлекательнейшая демонстрация планирования и разнообразных практических приемов. Например, койот прячется за кустом, к которому его партнер гонит кролика, и в нужный момент кидаются на добычу. Известен случай, когда койот прыгал на прямых ногах вверх и кувыркался, а смотревший на это представление кролик был настолько поглощен странным зрелищем, что не заметил, как к нему сзади подкрался второй койот.

Койоты настолько сообразительны, что действуют совместно с другими животными или используют их. Например, койот успешно приоравливается к барсуку, охотящемуся в одних с ним местах. Благодаря своему острому чутью и ловкости койот вспугивает бурундуков и луговых собачек, которые тут же прячутся в норы, а когда барсук принимается раскапывать эти норы, койот у него под носом хватает выбегающих зверьков.

Рекордсмен по приспособляемости

Койот, чей ареал некогда ограничивался американским юго-западом, в последнее время по необходимости превратился в кочевника. Когда безжалостное преследование на западе начало грозить ему полной гибелью, ловкий койот расширил свой ареал на весь Северо-Американский материк, добравшись до Аляски на севере и Центральной Америки на юге, а на востоке — до штатов Мэн и Нью-Йорк (см. с. 98).

В семействе собачьих койот, пожалуй, легче всех приспосабливается к изменению условий и научился жить в совершенно разных местностях, вроде изображенных на этих снимках.

Койот обычно охотится в одиночку, из-за чего возникло представление, будто он ведет одиночный образ жизни. На самом же деле между койотами, обитающими по соседству, возникают свободные связи, а отношения супружеских пар очень прочны и нередко сохраняются на всю жизнь. Хотя вой койота звучит тоскливо и наводит на мысль об одиночестве, в действительности это, возможно, определенная форма общения — способ оповестить соседей о добыче или предупредить об опасности. Кроме того, койот пронзительно тявкает, за что и получил свое латинское наименование *Canis latrans* — «лающая собака».

Капризы климата, по-видимому, совершенно не смущают койотов, которые прекрасно приспособились и к жгучему зною аризонского Большого каньона (справа), и к морозным зимам в Джексон-Хоул, штат Вайоминг (слева).

Койот неподвижно стоит посреди колонии луговых собачек на равнине (запад США), надеясь захватить врасплох кого-нибудь из ее обитателей. На безопасном расстоянии луговые собачки следят за койотом с земляных холмиков возле своих нор, готовые в любой момент молниеносно скрыться в них.

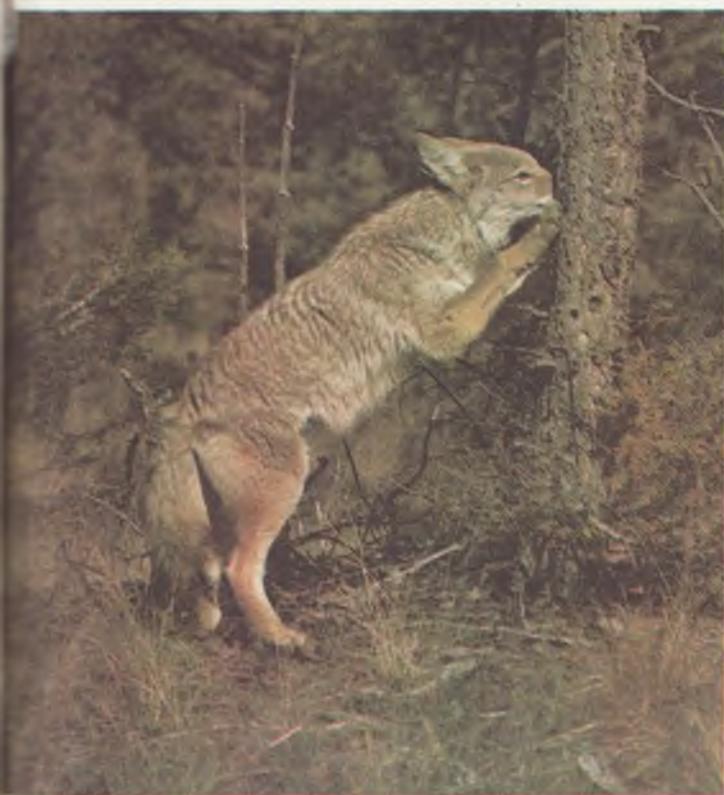

Дело вкуса

Если исходить из рациона койотов, то они принадлежат к наименее разборчивым хищникам. В основном они питаются кроликами и мелкими грызунами, но всегда готовы отведать рыбы, лягушек и разных объектов. Большим подспорьем им служат, в частности, мыши. Зимой благодаря острому слуху койот улавливает топоток крохотных лапок и писк под снежной коркой. Подпрыгивая, он передними лапами разбивает ее и хватает мышь, которая пытается спастись бегством (вверху и слева).

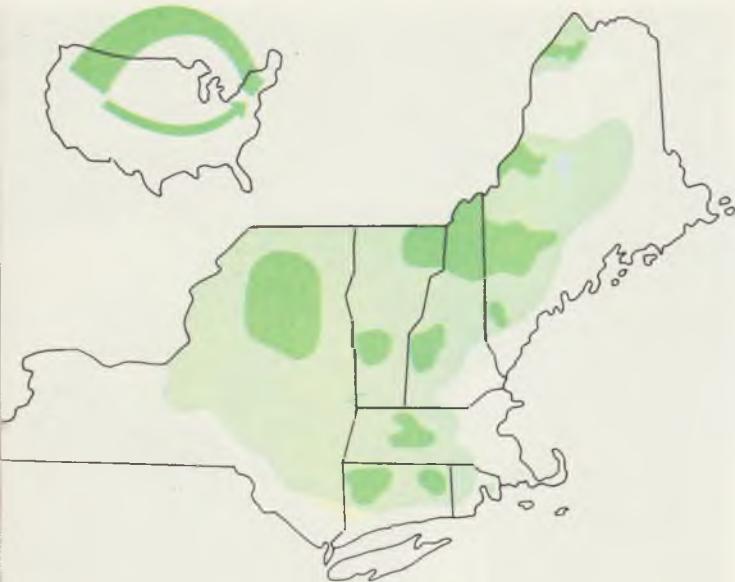
Койоты живут в одиночку, парами и кланами, которые обычно состоят из родителей и их потомства, но иногда включают и взрослых чужаков. Члены такого клана охотятся на общей территории площадью от 25 до 65 квадратных километров, в зависимости от ее пищевых ресурсов. Поскольку добычей койоту служат преимущественно мелкие зверьки, он чаще всего охотится в одиночку, но в редких случаях койоты объединяются в группы и нападают на сравнительно крупных животных.

Койот слизывает насекомых, скопившихся на коре дерева (вверху). Однако встреча с бобром (вверху справа) обещает голодному койоту куда более плотный обед.

Два койота, отыскавшие тушу чернохвостого оленя, приступают к установлению иерархии доминирования (справа). Они будут рычать и скалить зубы, пока один не сдастся и не отойдет в сторону. Победитель насыщается первым.

Крупнейшая популяция восточных койотов обитает в различных местностях от штата Мэн до штата Нью-Йорк (светло-зеленый цвет), хотя отдельные экземпляры были замечены еще южнее, вплоть до Виргинии. Наиболее многочисленны они в сельскохозяйственных и лесных районах (темно-зеленый цвет). Их предки переселились с Великих равнин через юг Канады (широкая стрелка на врезке), хотя некоторые могли избрать путь вдоль южных берегов Великих озер (узкая стрелка).

Новое место обитания на ВОСТОКЕ

В пятидесятых годах жители Новой Англии стали поговаривать о том, что в их местах рыщет какой-то новый зверь. Слух этот вскоре подтвердился: там действительно поселился представитель семейства собачьих, никогда прежде там не обитавший. Он был крупнее койота, но меньше волка и обладал характерными чертами того и другого. Выглядел он, как очень большой койот с темной волчьей окраской. Сообразительностью и умением приспособливаться он не уступал западному койоту, но жил стаями, точно волк.

Некоторые наблюдатели предположили, что это потомки одичавших домашних собак. Другие сочли их помесью домашней собаки с койотом. Однако наиболее правдоподобно заключение, что пришелец представляет собой новый подвид койота — восточный койот.

Ученые согласны с тем, что он появился на востоке в результате систематического истребления западных койотов и заполнил экологическую нишу, пустовавшую в Новой Англии полтора века после истребления волков и других крупных хищников.

Восточный койот приспосабливается к разнообразным условиям с той же легкостью, как его западный родич, и чувствует себя одинаково дома и в глубоких снегах гор Адирондак и Грин-Маунтинс (справа) и на задворках городов Новой Англии, где он регулярно обследует мусорные баки.

Налегке

В 1861 году, когда Марку Твену было 26 лет, он отправился в Карсон-Сити в Неваде, которая тогда еще не была штатом, вместе с братом, назначенным на должность секретаря этой территории. Свои впечатления от тогда еще необжитого Запада США, включая низкеследующее описание встречи с легендарным койотом, он изложил в книге «Налегке»*. Отвращение Твена к койоту отражает широко бытовавшее тогда предубеждение против этих зверей, но точное описание его поведения показывает, что хитрость и ловкость койота вызывали у Твена искреннее восхищение. Прошло еще сто лет, прежде чем общественное мнение изменилось, и оклеветанный койот был признан полезным и достойным уважения животным.

После завтрака, в течение примерно часа, нам повстречались первые норы луговых собачек, первая антилопа и первый волк. Если мне память не изменяет, это был койот — луговой волк западных пустынь, и в таком случае я могу сказать с уверенностью, что ни красотой, ни респектабельностью

* Марк Твен. Собр. соч., т. 2. Пер. с англ. В. Топер. — М.: Госиздат, 1959.

он не отличался; я могу судить о нем со знанием дела, ибо впоследствии близко познакомился с его породой. Это длинное тощее существо, несчастное и больное на вид, в серой волчьей шкуре, с хвостом довольно пушистым, но неизменно поджатым, что придает всей его фигуре выражение крайнего уныния и безысходной тоски; взгляд у него прячущийся и злобный, морда вытянутая и острая, приподнятая верхняя губа не закрывает зубов. Весь он какой-то вороватый. Койот — живое воплощение нужды. Он всегда голоден. Он всегда беден, незадачлив и одинок. Самая последняя тварь презирает его, и даже блохи предпочли бы ему велосипед. Он так смирен и труслив, что, хотя зубы у него угрожающе оскалены, вся морда словно просит простить его за это. А какой урод! — костлявый, худющий, щетинистый и жалкий. Увидев вас, он приподымает верхнюю губу и скалит зубы, потом слегка сворачивает со своего пути, втягивает голову и пускается крупной неслышной рысью сквозь заросли полыни, время от времени оглядываясь на вас через плечо, пока не уйдет так далеко, что пуля догнать его не может; тогда он останавливается и внимательно рассматривает вас; делает он это через равные промежутки: пробежит пятьдесят ярдов — и остановится; еще пятьдесят ярдов — и опять остановится; и наконец се-рая окраска его скользящего тела сливается с се-

рым цветом полыни и койот исчезает. Все это при условии, что вы ничем ему не угрожаете; в противном же случае он проявляет несравненно большую прыть, мчится, словно наэлектризованный, и между ним и вашим оружием оказывается столько недвижимого имущества, что к тому времени, когда вы взведете курок, вы убеждаетесь в необходимости иметь винтовку Минье; прицелившись, уже понимаете, что вам нужна пушка; а когда вы спускаете курок, для вас совершенно ясно, что догнать его могла бы только необычайно выносливая молния. Но самое потешное — это пустить в погоню за койотом быстроногую собаку, особенно если она высокого мнения о себе и привыкла считать, что ревностью ее никто превзойти не может. Койот, по обыкновению, рысит мягко, плавно, будто и не спеша, и время от времени оглядывается через плечо, улыбаясь коварной улыбкой, чем пуще раззадоривает собаку, так что она еще ниже опускает голову, еще дальше вытягивает шею, еще больше задыхается, прямее выставляет хвост, с яростным ожесточением все быстрее перебирает лапами, а за ней вздымается туча песку — все шире и шире, выше и выше, — отмечая ее долгий след по пустынной равнине! А койот неуклонно бежит впереди собаки на расстоянии каких-нибудь двадцати футов от нее, и она, хоть убей, не может понять, почему это расстояние не сокращает

ся; она начинает злиться, ее бесит, что койот бежит так легко, не обливается потом, не перестает улыбаться; собаку охватывает неистовый гнев: как нагло провел ее этот незнакомец и какой подлый обман эта размеренная, плавная, бесшумная рысь! Собака замечает, что очень устала и что койот, чтобы не убежать от нее совсем, замедляет ход, — и тут-то выросшая в городе собака окончательно выходит из себя, она плачет, бранится, в исступлении месит лапами песок и, собрав последние силы, кидается за койотом. После этого броска только шесть футов отделяют ее от ускользающего врага, но две мили — от друзей. И вдруг, в то самое мгновение, когда глаза собаки загораются новой надеждой, койот еще раз поворачивается к ней, приветливо улыбается, словно хочет сказать: «Ну что же, придется мне покинуть тебя, дружок, — дело есть дело, не могу я целый день прохладиться с

тобой», раздается шорох, треск, свистит рассекаемый воздух — и уже собака одна-одинешенька среди безмолвной пустыни!

У нее голова идет кругом. Она останавливается, озирается по сторонам, взбегает на ближайший песчаный пригорок и всматривается в даль, задумчиво мотает головой и, не проронив ни слова, поворачивается и трусит обратно к своему каравану, где смиленно забивается под самый задний фургон, чувствуя себя несчастной и униженной, а потом неделю ходит с поджатым хвостом. И еще целый год, всякий раз когда поднимается крик и улюлюканье, эта собака лишь равнодушно глянет в ту сторону, явно говоря про себя: «И совсем мне это ни к чему».

Койот обитает преимущественно в самых безлюдных, самых глухих пустынях наряду с ящерицей, длинноухим зайцем и вороном и ведет весьма

необеспеченную жизнь, с трудом добывая скучное пропитание. Видимо, кормится он только трупами волов, мулов и лошадей, отставших от переселенческих караванов, всякой падалью, а подчас и тухлым мясом, полученным в наследство от белых путников, достаточно богатых, чтобы обойтись без забракованной армейской солонины. Он поедает решительно все, чем не брезгают его ближайшие родичи — индейцы, кочующие в пустынных прериях, — а те едят все, что можно куснуть. Удивительное дело: индейцы — единственные известные истории существа, которые в состоянии отведать нитроглицерина и — если не умрут — попросить еще.

Койоту пустынь по ту сторону Скалистых гор живется особенно трудно, ибо его родня, индейцы, не хуже его самого умеют распознать соблазнительный запах, приносимый ветерком, и пуститься на поиски издохшего вола, от коего сей аромат исходит; в таких случаях он волей-неволей довольствуется тем, что сидит на почтительном расстоянии и смотрит, как люди, вырезав и отодрав все годные в пищу куски, уходят со своей добычей. А затем

он вместе с поджидающими воронами обследует скелет и обгладывает кости. По общему мнению, кровное родство койота с этой зловещей птицей и с индейцами пустынь не подлежит сомнению потому, что все они населяют безлюдные пустынные земли, причем живут между собой в мире и согласии, дружно ненавидя все остальные живые существа и мечтая принять участие в их похоронах. Койоту ничего не стоит отправиться завтракать за сотню миль, а обедать — за полтораста; ведь он отлично знает, что от одной трапезы до другой пройдет не меньше трех-четырех дней, так не лучше ли повидать свет и полюбоваться красотами природы, чем бездельничать и увеличивать бремя забот своих родителей?

Мы очень скоро научились различать отрывистый, злобный лай койота, который доносился по ночам с погруженных во мрак прерий, нарушая наш сон среди почтовых тюков; и вспоминая его жалкий вид и горестную судьбу, мы желали ему — за неимением лучшего — провести для разнообразия хоть один удачливый день, а наутро оказаться владельцем необъятного склада припасов.

Лисицы

Лисицы, самые маленькие члены семейства собачьих, обитают на земном шаре практически повсюду. Подобно более крупным своим родичам, койоту и шакалу, почти все они сумели выжить, несмотря на написк человека, и приспособились к существованию в мире, где господствуют люди.

В настоящее время наиболее распространена рыжая лисица, которая обитает по всей Северной Америке, Европе и Азии. Эта хитрая героиня сотен сказок и басен — очень красивое, изящное животное, чей длинный шелковистый мех, рыжевато-оранжевый, выгодно оттененный белым пятном на груди, черные «сапожки» и пушистый хвост обычно создают впечатление большей величины, не соответствующей реальному весу в 4—5 килограммов. Особое обаяние рыжей лисице придают живые смышеные глаза с вертикально-ovalным, как у кошки, разрезом зрачков, способные уловить даже самое легкое движение. Такие глаза из всех собачьих есть только у лисиц.

Рыжая лисица может жить где угодно (несколько семей, например, после окончания второй мировой войны были обнаружены в берлинских развалинах — они питались отбросами, крысами и мышами), но предпочитает луговые местности, где много полевых мышей, полевок и кроликов. Рацион рыжей лисицы, кроме того, включает кузнечиков, порою перепела или курицу, похищенную из курятника, а в соответствующие месяцы — землянику, чернику, вишни, яблоки и виноград.

Рыжие лисицы обычно селятся в покинутых норах таких умелых землекопов, как лесные сурки или барсуки, а затем расширяют их, прокладывают длинные туннели с «детской» и несколькими потайными запасными выходами (в штате Нью-Йорк была найдена нора, в которой жили две лисы семьи, и выходов из нее насчитали целых двадцать семь!). Самка приносит ранней весной от четырех до восьми лисят, и уже через несколько недель они начинают вылезать из норы, хотя еще некрепко держатся на ногах. В это время мать и отец буддительно следят, не появится ли в окрестностях норы какой-нибудь опасный враг — ястреб, собака, кошка, человек. Если незваный гость подойдет слишком близко, встревоженные родители могут перетащить лисят в другую, более укромную нору. Пищу малышам приносят они оба, а излишки зарывают про запас.

Когда рыжей лисице не удается перехитрить врага, она убегает от него. Пожалуй, наивысшую похвалу ее проворству воздают участники лисьей «равли», которые вынуждены пускать своих лошадей галопом, чтобы не отстать от гончих. Лисица нередко ускользает от своих преследователей, пробегая по каменным оградам или сдавивая след, чем сбивает с толку и гончих и охотников.

Часто лисицы используют и другие средства защиты. Серая лисица, обитающая по всей территории Соединенных Штатов Америки и дальше на юг до Колумбии и Венесуэлы, умеет прекрасно лазать по деревьям — из всех собачьих только она владеет этим искусством, — а потому без труда спасается от большинства своих врагов, вскарабкавшись на ближайшее дерево. Карликовая и проворная лисицы — две маленькие лисички, обитающие в пустынях и на плоскогорьях Северной Америки, — особенно полага-

ются на свои большие уши, чутко улавливающие самый слабый шум. От врагов они убегают зигзагами и так стремительно, что редко какое животное успевает не то, что их догнать, но хотя бы уследить за ними взглядом. Грациозные карликовые лисицы — особенно ловкие охотники на грызунов и не дают им чрезмерно размножаться. К сожалению, в результате освоения пустынь и использования ядов для борьбы с луговыми собачками и койотами численность карликовых лисиц сократилась настолько, что теперь они занесены в список охраняемых животных.

Похожи на карликовую и проворную и несколько видов большеуших лисиц, обитающих в различных местах Африки. Самая маленькая из них — фенек, который весит не более полутора килограммов. Очень мягкий кремово-белый мех, большие темные глаза, острые мордочки и огромные, стоящие торчком пятнадцатисантиметровые уши придают удивительную прелест этим пугливым зверькам, которые выходят по ночам на поиски насекомых, ящериц, мелких грызунов, а также ягод и плодов.

В холодных северных областях у лисиц развились и другие особенности, способствующие выживанию, в том числе защитная окраска. Так называемая черно-бурая лисица, чей мех ценится особенно высоко, на самом деле всего лишь разновидность обычной рыжей лисицы, а черная шерсть с серебристыми кончиками помогает ей лучше прятаться в темных хвойных лесах. Окраска песца, также любимца охотников и скорняков, варьирует от почти черной до голубовато-серой, светло-серой и каштаново-коричневой. Песец, или, как его иногда называют, полярная лисица, обитает в краях, где снег и лед держатся почти круглый год, и его зимний наряд — совершенно белый, если не считать черных волосков на кончике хвоста. Песцы отлично приспособились к суровым условиям Арктики. Летом они питаются леммингами и другими мелкими грызунами, а также птицами, прилетающими на север выводить птенцов, а зимой часто следуют за белыми медведями и подбирают остатки их трапез.

Несмотря на жестокую полярную стужу, песцы не погружаются в зимнюю спячку. Только один представитель собачьих спит большую часть зимы — это обитающая в Японии, Азии и Восточной Европе енотовидная собака, своеобразный зверь, который внешне, как свидетельствует его название, походит на енота.

В Южной Америке водятся другие похожие на лисицу представители семейства собачьих, например лисица-крабоед и пампасовая лисица. А самый необычный из них — это, пожалуй, гравийный волк, получивший свое название за полосу черных вздыбленных волос на шее. Водится он на травянистых плоскогорьях Бразилии и Аргентины, встречается редко и ведет одиночный образ жизни, охотясь главным образом по ночам на морских свинок, а также на других мелких зверьков и птиц. Ноги у него очень длинные, а потому бегает он неуклюже, раскачивающейся рысцой. Тем не менее такие ноги очень полезны в высокой траве: гравийный волк может без помех высматривать добычу, а также видеть приближение двух единственных своих врагов — степного пожара и человека.

Братец Лис везде дома

Хотя редко кто видит рыжих лисиц в лесу или в поле, они тем не менее принадлежат к одной из самых многочисленных и широко распространенных групп некрупных четвероногих охотников. Во многом это объясняется их умением приспособиться к самым разным местообитаниям — от густого подлеска (внизу) до колышущихся трав на лугах (справа), от унылых просторов аляскинской тундры до густонаселенных окрестностей больших городов. Рыжие лисицы едят практически все: в первую очередь, конечно, грызунов, но, кроме того, насекомых, рыбу, падаль, траву, ягоды, птиц и их яйца. Иногда лисицы

собирают птичьи яйца весной, когда их много, и закапывают про запас на те месяцы, когда добывать пищу будет труднее.

Рыжие лисицы охотятся круглый год. Они не впадают в зимнюю спячку, хотя в сильные морозы и метели и прячутся в логове на день-два. Весной и летом, когда пищи много, самцу с семейством хватает охотничьего участка в полтора-два километра. Но с наступлением зимы, когда многие источники пищи исчезают, ему приходится обходить участок в пятьдесят квадратных километров, чтобы прокормиться самому.

Лисенок рыжей лисицы (вверху) словно оглушен миром, окружающим его родную нору. Лисята — легкая добыча для разных хищников, и обычно мать выпускает их из норы, только когда они становятся гораздо крупнее и крепче. Пока самка кормит детенышей, ее партнер охотится и за себя и за подругу — как самец на снимке справа, который возвращается в нору с добывшей птицей.

Лисята

Лисицы достигают половой зрелости в возрасте около года. В январе—феврале самец, коротавший зиму в одиночестве, начинает искать подругу. Самцы нередко вступают в спор из-за самки, так как течка у нее длится лишь несколько дней. Беременность продолжается 50—53 дня, и за это время самка приводит в порядок логово (часто лисицы из года в год пользуются одним и тем же логовом), выстилая его сухими листьями и шерстью. Лисята весят при рождении 60—110 граммов и совершенно беспомощны. Они остаются слепыми 10 дней и питаются в это время только материнским молоком.

Когда они немного подрастают, к молоку добавляется отрыгнутое мясо. На десятой неделе мать перестает их кормить, и они отправляются с ней на первую охоту. Научиться опознавать врагов и ускользать от них они должны очень быстро, так как на исходе осени семья распадается, и с этих пор каждый лисенок предоставлен самому себе.

Лисята в возрасте примерно пяти недель вылезают из норы и начинают осваивать повадки взрослых. Хотя эта компания как будто не жаждет покинуть родной дом, вскоре они осмелеют и начнут резвиться — бегать, затевать возню и набираться сил под бдительным присмотром родителей.

Лисица кормит двух детенышей в позе, характерной для диких членов семейства собачьих, — стоя. Лисята растут быстро. Когда им исполнится год, они уже будут совсем взрослыми и достигнут в длину 90 — 120 сантиметров, включая почти сорокасантиметровый изящный пушистый хвост с белым пятнышком на конце.

Лисье разнообразие

Хотя все лисицы обладают множеством общих характерных черт, они могут похвастать поразительным разнообразием окраски и морфологических особенностей. Каждая из лисиц, принадлежащих примерно к 16 различным формам, — и особенно шестеро, запечатленных на этих снимках, — выглядит по-своему.

В верхнем ряду (слева направо) африканский фенек, самая маленькая из лисиц — всего 40 сантиметров в длину — демонстрирует свои огромные уши. Серую лисицу называют еще и древесной за ее уникальную способность лазать. В нижнем ряду слева песец щеголяет в летней серебристо-голубой шубке. Зимой его шерсть становится почти совершенно белой, что обеспечивает ему великолепную маскировку во время охоты. Удивленная мордочка в центре принадлежит «чернобурке», как называют в меховой торговле мутантов рыжей лисицы, в данном случае североамериканской. Огромные уши африканской большеухой лисицы похожи на уши фенека, однако, достигая в длину полуметра, она заметно крупнее своего северного родича. Справа от нее стоит на ногах-ходулях гравистый волк, одинокий робкий зверь, обитающий в тропиках Южной Америки. Этот близкий к лисицам член семейства собачьих предпочитает держаться вдали от людей и домашних животных.

Фенек

Песец

Черно-бурая лисица

Серая лисица

Большеухая лисица

Гравистый волк

Биография песца

Эрнест Сетон-Томпсон (1860—1946), пожалуй, привнесил к миру природы гораздо больше юных читателей, чем любой другой из его современников. В приведенном здесь отрывке из рассказа «Биография песца» описывается, как песец, которому Сетон-Томпсон дал имя Катуг, отыскивает себе подругу, неотразимую самку по имени Лайгу, выходит победителем из стычки с соперником, а затем завоевывает расположение Лайгу, преподнеся ей лакомый подарок, закрепляющий их союз. Во всех произведениях Сетона-Томпсона, предназначены ли они для взрослых или для детей, описания всегда чрезвычайно точны.

Семью семьдесят раз пропел он свою песню, и вот где-то в скрытой сумерками дали прозвучал ответ — долгая пронзительная нота. Морские птицы могли бы счесть ее за тосклиwyй крик морской птицы. Полярным зайцам могло бы показаться,

что это ледяное крошево сползает по скале. Карибу могли бы счесть, что это ветка ивы трется о другую ветку. Лось мог бы сказать: «Мой далекий брат нынче простужен». Но Катуг угадал правильно и кинулся на этот звук, высоко держа чуткий черный нос. Его зоркие карие глаза горели огнем.

Вы, должно быть, заметили, что, оказавшись летом за Полярным кругом, вы очень скоро обнаруживаете какого-нибудь зверька, а где один, там обязательно будет и другой. Дикие создания общительны и отшельников среди них мало.

Едва Катуг, пробежав полтора километра, добрался туда, откуда донесся до него голос, и оглядел бурый склон дюны, его острые глаза сразу различили за низкорослым ивняком белесое пятно. Он бросился туда с подветренной стороны. Но в тот же миг другое белое пятно возникло на свинцовом фоне неба. Оно шевельнулось, и вездесущий ветер

принес безмолвную весть о том, что там совсем рядом находятся два песца. Такие же, как он, — самец и желанная подруга.

Еще один из вечных треугольников Природы. Впрочем, она быстро находит выход и, не мешкая, ломает их. Катуг же знал одно: здесь перед ним чарующая самка, готовая ответить ему взаимностью — ведь отзывалась же она на его зов. И возле нее другой самец, в лучшем случае лишь, как и он, исполненный надежд, но, может быть, обладающий правами на нее, а возможно, и более сильный, чем он. Как узнать правду?

Но Катуг обладал безошибочными инстинктами, и в них был залог разрешения загадки.

Он уперся всеми четырьмя лапами в гребень дюны, напряженно замер и протяжал древнюю заунывшую песню. Соперник на соседнем гребне замер в такой же позе и протяжал ту же песню.

Нарушительница спокойствия лежала в ивняке совсем тихо, но один-единственный раз шлепнула

хвостом. Тогда Катуг медленно двинулся вперед на негнущихся ногах, и тотчас соперник той же походкой пошел ему навстречу. Если эти двое заключили брачный союз, самка в эту минуту по всем правилам должна была быстро присоединиться к своему другу. Но она продолжала лежать тихо и не подала никакого знака, если не считать этого соблазнительного удара хвостом.

Песцы-соперники приближались друг к другу. Без сомнения, медлительность их движений воплощала гордое достоинство, но походила она более на осторожность. Когда их разделяли уже только пять прыжков, они остановились, уставились друг на друга и неторопливо описали круг, так что оба по очереди получили все сведения, которые нес ветер. Потом они снова остановились, морда к морде. Каждый был готов к бою, но не хотел начинать первым. Так неподвижно ониостояли, пока сердце отсчитало десять биений, а может и больше.

Затем снова шлепнул хвост в ивняке.

Соперники зарычали и двинулись вперед, подставляя противнику плечо, над которым реял белый пышный хвост. Они косились друг на друга, лязгали зубами, рычали, делали ложные выпады и, наконец, сцепились. Свои тонкие ноги они оберегали — сверкающие зубы встречали только густую шерсть и неуязвимую для них кожу шеи.

Стычка эта больше всего напоминала удары пуховой подушкой о пуховую подушку, но после нескольких резких столкновений второй песец упал, и Катуг встал над ним, рыча и оскалив клыки. Попирать ногой поверженного врага он не стал — у песцов это не принято, ведь соперник может впиться в ногу, которую так легко сломать! И Ка-

тут ограничился тем, что стоял над ним и рычал. Несколько мгновений его соперник продолжал лежать на земле, а затем, словно переведя дух, вскочил, и они вновь сшиблись. Но на стороне Катуга было преимущество в весе, и второй псаец был опять повержен. И в третий раз они сшиблись в бескровном бою, и тут поверженный соперник, вскочив, пустился наутек.

А белый хвост в ивняке ударил раз, второй...

С высокомерным достоинством Катуг смотрел вслед улепетывающему врагу. Затем, поубавив высокомерия, он повернулся и начал красться к ивняку. Пушистая красавица поднялась и встала так, что между ними оказался куст. Катуг обогнул куст, а она отпрыгнула в сторону. Он нагнал ее, а она обернулась и угрожающе оскалила зубы.

Обоняние, зрение, слух — все чувства твердили Катугу, что он отыскал бальзам от всех своих горестей. Надежда и томление сжигали его. А она отбегала, отбегала, и ему приходилось догонять ее, но враждебный взгляд красавицы не смягчался. Эта непонятная игра продолжалась очень долго. Наконец, Катуг в полном недоумении лег на землю, и красавица тоже легла — на безопасном расстоянии.

Катуг лежал и ждал. Но затем он увидел, что с гребня соседней дюны за ним следит побежденный соперник, и это побудило его действовать.

Он снова попытался подойти к своей очаровательнице. Он жалобно повизгивал. Потом остановился и припал к земле. Красавица медленно отступила, а затем, пятясь, забралась в узкую щель между валунами и повернула к нему мордочку. Он сделал еще несколько шагов и взвизгнул. Она зарычала и оскалила зубы.

Катуг отпрыгнул и лег. Она вся подобралась в своей каменной крепости. Тут под кустом рядом зашуршал лемминг. Катуг прыгнул, его челюсти сомкнулись. Из них свисал окровавленный теплый комочек. Катуг медленно подполз к скорчившейся между камнями самке, положил свою добычу у ее передних лап, попятился и стал смотреть, что будет дальше. Она поколебалась, потом вытянула узкую белую мордочку, взяла сочное лакомство, помяла в зубах, чтобы лучше ощутить вкус, и с наслаждением проглотила.

«У каждой лисички есть своя цена», — как мог бы сказать некий циник. И цена этой белой красавицы равнялась одному жирному леммингу. Во всяком случае, так могло показаться, ибо, когда Катуг вновь рискнул сделать шаг вперед, она осталась лежать в той же позе и не шевельнулась, хотя он почтительно приблизился к ней и начал нежно облизывать ее нос, уши, голову. Она не двигалась и хранила полное безмолвие, но потом ответила еле слышанным мурлыканьем.

Так сыграли свадьбу Катуг и Лайгу.

Куницы и их родичи

Среди менее известных и чрезвычайно интересных четвероногих охотников можно назвать куньих — многочисленное и древнее семейство, представители которого встречаются почти повсюду. Наземные куны бывают самой разной величины: от крохотной шестидесятиграммовой малой ласки — самого мелкого из всех хищников — до страшной таинственной росомахи, похожей на медведя и весящей добрых 30 килограммов. В это семейство входят такие непохожие друг на друга плотоядные, как барсук, неуклюжий на вид, но могучий землекоп, способный в погоне за луговой собачкой рыть туннель со скоростью метра с небольшим в минуту, калан и обыкновенная выдра, гладкошерстные веселые пловцы, которые могут подолгу оставаться под водой, охотясь на рыбу и других водных животных, а также куницы, умеющие лазать с удивительной быстротой и превосходно прыгать, так что они без труда пробегают по кронам деревьев несколько километров, преследуя красивых белок, свою излюбленную добычу.

Латинское название куньих Mustelidae связано с «мускусом» — сильно пахнущими выделениями высокоспециализированных анальных желез. Этот характерный для куньих затхлый запах полезен им во многих отношениях: чтобы отмечать место, где спрятано впрок мясо, и, кроме того, сделать это мясо неаппетитным для других животных, чтобы привлекать брачных партнеров, чтобы «застолбить» охотничий участок, чтобы предупреждать чужаков и предотвращать нападение врагов. Наиболее эффективно используют эти железы как средство самозащиты знаменитый скунс, который с большой точностью прыкает едкой желтой струей на три с половиной метра.

Остальные члены этого семейства, хотя и получают от собственного запаха некоторую помощь, в борьбе за жизнь больше полагаются на свои другие свойства. Самые мелкие виды — ласки и горностай — обладают тонкими змееподобными туловищами и очень проворны. От врагов они прячутся в узкие норы и щели, и там же охотятся на мышей и полевок. Они устраивают гнезда под камнями, под кучами хвороста или в брошенных кроличьих норах и спариваются летом, но благодаря латентной стадии (см. с. 22) приносят детенышей лишь следующей весной, когда холода кончаются и малышам легче выжить.

Ласки и горностаи, кроме того, меняют одну защитную окраску на другую в зависимости от времени года. Каштаново-коричневый летний наряд сменяется к зиме более пышным снежно-белым. Однако для горностая эта смена окраски чревата неприятностями, так как его белый мех издавна ценился очень высоко. Прежде он шел на королевские мантии, а теперь — на элегантные пелерины и палантины.

Опасность кончить жизнь меховым манто еще более тяготеет над норкой, чья роскошная шоколадно-коричневая шубка очень полезна ей самой, так как остается сухой

и теплой даже после охоты в прудах и речках на лягушек, рыб и раков. Наиболее крупная добыча норки — это ондатра, водяной грызун, умеющий великолепно плавать.

Пока норка приспособливается к жизни в воде, ее несколько более крупная кузина лесная куница нашла свою экологическую нишу, превратившись в ловкую воздушную гимнастку, способную с поразительной быстротой преследовать добычу по густым ветвям сосен, елей и пихт. Как и ближайший ее родственник, соболь, куница всегда считалась у охотников великолепной добычей из-за своей красивой темной шкурки, и численность ее тоже заметно поубавилась.

Сходен с куницеей, хотя крупнее ее и весит до 9 килограммов, пекан, которого еще называют рыболовом. Рыбу он не ловит, хотя в воде чувствует себя так же хорошо, как и на деревьях. Питается он лягушками, ондатрами, бурундуками и белками, в голодные месяцы справляется с лисицами, бобрами и даже с молодыми или ослабевшими за зиму оленями. Однако фирменное блюдо в меню пекана — это животное, которое, кроме него, мало кто рискует тронуть. Он ловко сбрасывает с ветки колючего дикобраза, переворачивает его на спину и, увернувшись от удара сильным хвостом, впивается в незащищенный живот.

Самый опасный враг пекана — человек, который расчищал его лесные угодья под поля и превращал могучие деревья в деловую древесину, а также ставил на него капканы ради его прекрасной черно-коричневой шкуры, отливающей серебром и стоявшей в свое время более 100 долларов за штуку. В США пекан почти исчез, но теперь вновь появился в штате Вермонт и в некоторых других частях своего бывшего ареала, куда были завезены животные, отловленные там, где они еще сохранились. Эти пеканы размножились и помогают удерживать в нормальных пределах численность дикобразов, которые губят деревья, обедая на них кору.

Самый свирепый охотник в семействе куньих, несомненно, росомаха, будущее которой даже еще более ненадежно, чем у пекана. На росомах охотились, их ловили в капканы и отесняли в самую глушь, так как считали их опасными не только для дичи и скота, но и для людей. Теперь росомахи встречаются только в отдаленных уголках Канады, Аляски и на севере Евразии.

Росомаха приобрела грозную репутацию, о чем свидетельствуют различные местные ее названия — обжора, скунсовый медведь, чертов медведь и демон Севера. Действительно, это животное, похожее на маленького коротконогого медведя с пушистым хвостом, обладает поразительной силой и упорством. В национальном аляскинском парке Маунт-Маккинли наблюдатели видели, как росомаха загрызла барана, весившего в три с лишним раза больше нее, и тащила тушу более двух километров по крутым заснеженным склонам и через реку, прежде чем отыскала подходящее место, чтобы пообедать.

Черноногий хорек

Лесная куница

Полосатый скунс

Североамериканская выдра

Пекан

Барсук

Ку́ньи, приспособившиеся к жизни в воде

Юные норки (вверху) появляются на свет голыми, слепыми и совсем беспомощными. В материнских заботах они нуждаются даже больше остальных детенышней семейства ку́ньих. Однако всего через шесть-семь недель они уже готовы к самостоятельной жизни.

Взрослые норки имеют в длину от 40 до 70 сантиметров, а весят от половины до полутора килограммов, это свирепые охотники — они часто убивают животных, съесть которых им явно не под силу. В болотах иногда можно наткнуться на совсем не тронутую добычу норки, возможно оставленную

«на потом». В зависимости от сезона норки питаются рыбой, раками, утками и утятами, а в годы особенно обильного размножения ондатр норки нередко переходят исключительно на эту довольно трудную добычу.

Однако, подобно другим мелким хищникам, норки иной раз сами становятся жертвами более крупных хищников. Особенно часто они попадают в когти пикирующих ястребов. Впрочем, гибель бывает неминуемой, только если норка оказалась далеко от воды. В противном случае она спасается, нырнув и надолго оставшись под водой.

Мех на любой сезон

В теплое время года от людей горностаю особой опасности не грозит — его легкий летний наряд не имеет коммерческой ценности. Но когда осенние дни идут на убыль, летняя шерсть сменяется зимней — густой и кремово-белой. Тут-то этот зверек (слева) и оказывается на грани полного истребления. Вместе со своими родичами, соболем и норкой, горностай относится к наиболее ценным пушным зверям. Едва ли не в худшем положении находится лесная куница (внизу): ее коричневая шубка сохраняет один цвет и зимой и летом — дорогой мех, годный для любого времени года.

Риверби

Естествоиспытатель Джон Берроуз писал безыскусственные очерки о жизни животных в тихих уголках Новой Англии и северной части штата Нью-Йорк. В отрывке, взятом из его книги «Риверби», Берроуз рассказывает, как он обнаружил нору горностая. Сначала он довольствовался тем, что наблюдал, как проворный зверек пополняет свою кладовую, но затем любознательность заставила его раскопать подземное убежище горностая. Ему удалось обнаружить немало интересного, и все-таки под конец Берроуз пожалел о своем грубом вторжении в жизнь дикой природы.

Самые любопытные мои заметки 1893 года связаны с горностаем. Как-то в начале ноября мы с сыном устроились в лесу на валуне у края окруженного лиственницами болотца, надеясь подсмотреть тетеревов, которые, как мы знали, часто прилетали туда кормиться. Вскоре мы услышали легкий шорох в сухих листьях где-то рядом и тотчас решили, что по ним осторожно ступает тетерев. (Мы были без ружей.) Несколько секунд спустя мы увидели, что по валежнику быстро бежит рыжевато-коричневый зверек, как нам показалось — белка. Затем он выскоцил на открытое место шагах в десяти от нас, и мы узнали горностая. Изо рта у него что-то свисало, и когда он приблизился, мы разглядели, что это не то мышь, не то крот. Горностай грациозно пробежал по сгнившему стволу упавшего дерева, перескочил на камни, вспрыгнул на кучу хвороста, задерживаясь и осматриваясь через каждые

три-четыре метра, прошмыгнулся шагах в пяти от нас и скрылся за камнями на пригорке у самого болотца.

— Он несет добычу в свою нору, — шепнул я. — Давай понаблюдаем за ним!

Минут через пять он появился, возвращаясь точно той же дорогой — между теми же камнями, по тому же стволу, — и скоро исчез из виду среди болотной травы. Мы сидели, не шевелясь, и, очевидно, он нас не заметил. Через шесть минут вновь раздался шорох, и мгновение спустя опять появился горностай с новой мышью во рту. Он проделал прежний путь, повторяя каждое свое движение. Как и прежде, он исчез за камнями слева от нас, а затем появился через несколько минут и побежал все той же дорогой в глубь болотца. Примерно через такой же срок он вернулся с третьей мышью. По-видимому, его угодья среди кустов и бочагов изобиловали мышами, которых он трудолюбиво собирал в житницы. Нам захотелось посмотреть его нору. Мы перешли туда, где он каждый раз скрывался из виду, и подождали. Пунктуальность ему не изменила — он вернулся с добычей точно в срок. Оказалось, что мы находимся всего в двух шагах от его норы, и, повернув к ней, он, по-видимому, нас обнаружил. Остановившись, он смерил нас пристальным взглядом, а затем без малейших признаков страха юркнул в нору. Вход в нее был не под камнями, как мы думали, а шагах в двух позади них, у гребня пригорка. Мы продолжали сохранять полную неподвижность, но он не появлялся. Очевидно, наше присутствие встревожило его, и он намеревался выждать. Тогда я сгреб в

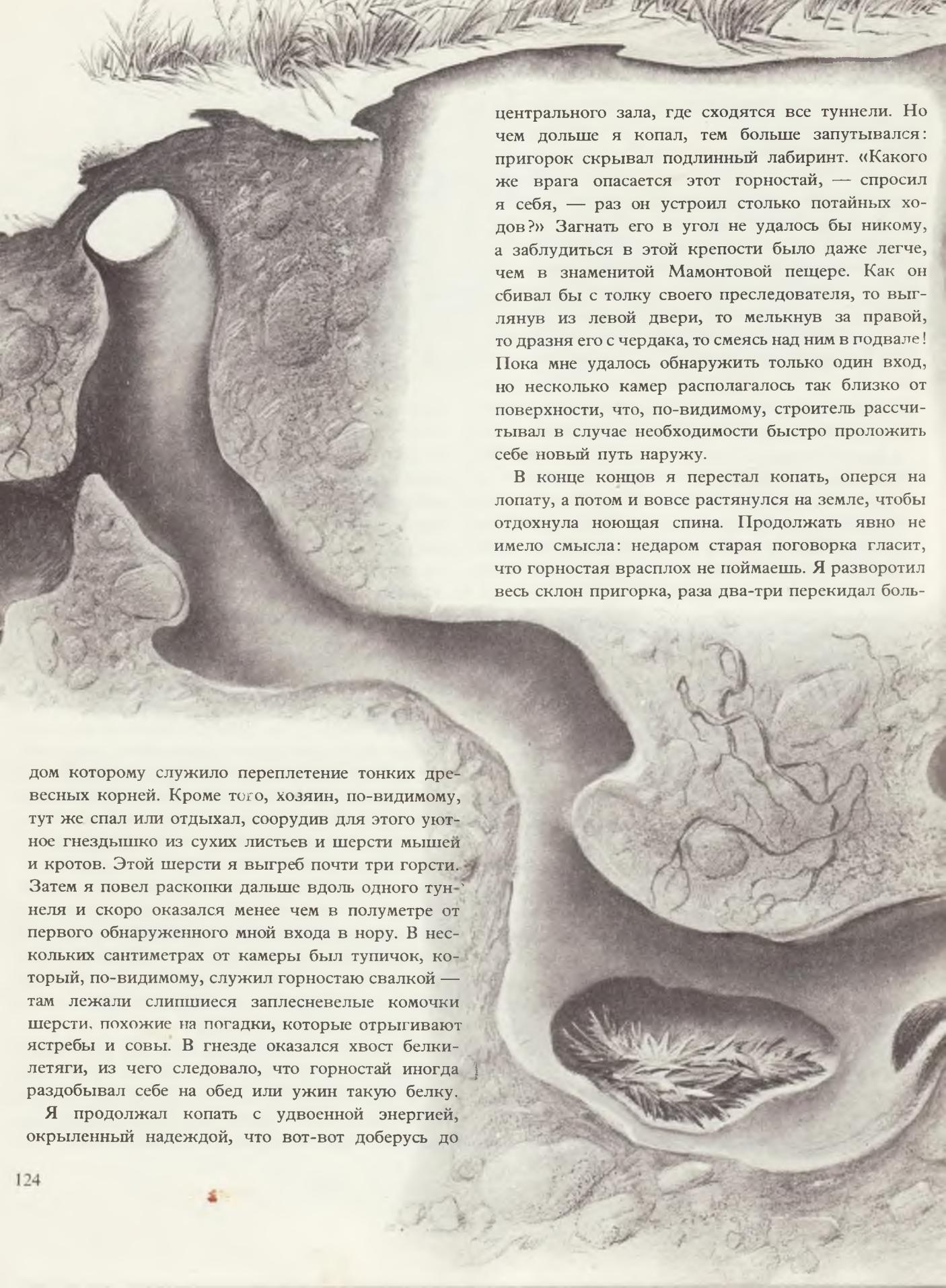
сторону сухие листья, и открылся вход в нору — маленькое круглое отверстие, не больше, чем вход в норку бурундука, — за которым начинался вертикальный туннель. Нам ужасно захотелось заглянуть в его кладовую. Если он давно таскал туда мышей в таких количествах, его погреба, конечно, набиты битком. Я принял раскопывать глину острой палкой, но вскоре наткнулся на такую путаницу древесных корней, что решил вернуться завтра с мотыгой, а потому исправил, как мог, причиненные мной разрушения, разровнял листья, и мы ушли.

Следующий день снова выдался теплый и тихий. Я вернулся к норе, полностью, как мне казалось, экипированный для поисков горностая и его сокровищ. Устроившись там же, где мы сидели на кануне, я решил проверить, продолжает ли горностай свою охоту. Через минуту-другую зашуршали листья и показался горностай с добычей. Я продолжал сидеть тихо, пока он не вернулся из третьей охотничьей экспедиции — по моим расчетам, он возвращался с мышью каждые шесть-семь минут. Затем я перешел к входу в нору. На этот раз он принес жирную полевку, положил ее у входа, исчез в норе, повернулся там, высунул мордочку и втащил полевку внутрь. «Нет, я обязательно должен увидеть этот запас мышей!» — решил я и поднял тяжелую мотыгу. Через полметра туннель повернул на север. Чтобы не сбиться, я всовывал в него прутья и копал вдоль них. Еще около метра, и туннель разветвился — один ход вел на запад, другой на северо-восток. Я начал копать вдоль западного хода, но вскоре он в свою

очередь разветвился. Тогда я вернулся к восточному ходу и копал до его разветвления. Я проследовал вдоль одной из ветвей, но и она разделилась на два туннеля. Мою работу теперь очень затрудняла накапливающаяся рыхлая земля. Несомненно, горностай предвидел, что кто-нибудь вроде меня попробует взять его замок приступом. О том, чтобы застать хозяина врасплох, нечего было и думать. Я нашел в разных туннелях несколько расширений — удобные места для передышки, для того, чтобы повернуться, чтобы встретиться и поболтать со знакомым, — но ни одно из них не походило на общий центр этих сложных ходов, на постоянное жилье. Я попытался отбрасывать рыхлую землю в сторону, но дело подвигалось медленно. Я был весь в поту и уже устал, а работа, по-видимому, только-только начиналась. Чем глубже я копал, тем многочисленнее и запутаннее становились подземные коридоры. Я решил пока кончить, а на другой день принести с собой, кроме мотыги, еще и лопату.

На следующее утро я энергично взялся за работу и вскоре вырыл порядочную яму. Выяснилось, что весь пригорок пробуравлен туннелями, которые там и сям соединялись с большими камерами. На одну такую камеру я наткнулся всего в пятнадцати сантиметрах от поверхности земли, когда попробовал копать чуть в стороне.

Возможно, это болото служило ему охотничими угодьями много лет, и каждый год он добавлял к своему жилищу новые помещения. Покопав еще некоторое время, я наткнулся на один из его банкетных залов — гrot величиной с шляпу, сво-

центрального зала, где сходятся все туннели. Но чем дольше я копал, тем больше запутывался: пригородок скрывал подлинный лабиринт. «Какого же врага опасается этот горностай, — спросил я себя, — раз он устроил столько потайных ходов?» Загнать его в угол не удалось бы никому, а заблудиться в этой крепости было даже легче, чем в знаменитой Мамонтовой пещере. Как он сбивал бы с толку своего преследователя, то выглянув из левой двери, то мелькнув за правой, то дразня его с чердака, то смеясь над ним в подвале! Пока мне удалось обнаружить только один вход, но несколько камер располагалось так близко от поверхности, что, по-видимому, строитель рассчитывал в случае необходимости быстро проложить себе новый путь наружу.

В конце концов я перестал копать, оперся на лопату, а потом и вовсе растянулся на земле, чтобы отдохнула ноющая спина. Продолжать явно не имело смысла: недаром старая поговорка гласит, что горностая врасплох не поймаешь. Я разворотил весь склон пригорка, раза два-три перекидал боль-

дом которому служило переплетение тонких древесных корней. Кроме того, хозяин, по-видимому, тут же спал или отдыхал, соорудив для этого уютное гнездышко из сухих листьев и шерсти мышей и кротов. Этой шерсти я выгреб почти три горсти. Затем я повел раскопки дальше вдоль одного туннеля и скоро оказался менее чем в полуметре от первого обнаруженного мной входа в нору. В нескольких сантиметрах от камеры был тупичок, который, по-видимому, служил горностаю свалкой — там лежали слипшиеся заплесневелые комочки шерсти, похожие на погадки, которые отрыгивают ястребы и совы. В гнезде оказался хвост белки-летяги, из чего следовало, что горностай иногда раздбывал себе на обед или ужин такую белку.

Я продолжал копать с удвоенной энергией, окрыленный надеждой, что вот-вот доберусь до

ше тонны земли, а к горностаю и запасенным им мышам даже не приблизился.

И тут я пожалел, что так необдуманно вломился в его замок вместо того, чтобы тихонько приходить сюда каждый день и считать мышей, которых он приносит. А ведь можно было бы наблюдать за ним и в следующем году, и в следующем... Теперь же его крепость пострадала непоправимо, и он, без сомнения, уйдет отсюда. Так оно, очевидно, и случилось: ходы, которые я закрыл комьями земли, остались закрытыми до снега.

Как мало знаем мы о жизни лесных зверушек! Для меня было новостью, что эти маленькие род-

ственники куниц живут в таких норах и делают запасы на черный день. Горностай, которого я слугнул, был длиной около 20—25 сантиметров, из которых 12 сантиметров приходилось на хвост. Он все еще носил свой летний наряд, каштаново-коричневый на спине и белый снизу.

Но куда девалась земля, которую он должен был выбрасывать на поверхность, когда рыл нору, я так и не смог понять — нигде не было видно никаких ее следов, хотя ее набралось бы не меньше трех ведер. Ничто снаружи не выдавало, какое поразительное жилище скрывает этот пригородок. Вход был замаскирован сухими листьями, под которыми тоже во все стороны разбегались извилистые ходы. Если кто-нибудь из моих читателей наткнется на нору горностая, надеюсь, он поступит разумнее меня и будет наблюдать за ним, не разрушая его жилища.

Цепкий тяжеловес

Росомаха — и абсолютно и относительно самое сильное, свирепое и воинственное животное из всех куньих, а в это семейство входит 70 видов. Плотно сложенная, весящая около 27 килограммов и длиной почти метр, росомаха способна одним укусом переламывать кости и справляется с одиноким волком, хотя волчьей стаи она старается избегать — и с полным на то основанием. Но свою репутацию кровожадного и свирепого зверя росомаха оправдывает только зимой, когда бесшумно и неутомимо, точно на индейских лыжах, бежит по снегу на широких лапах, пальцы которых соединены перепонками, и легко догоняет оленей, лисиц, зайцев, белок, а иногда и лосей.

Летом, однако, росомаха вынуждена умерять свои хищные наклонности. Глубокий снег, приглушавший зимой ее тяжелые шаги, растаял, и намеченная жертва вовремя успевает услышать ее приближение. В теплое время года росомахе приходится довольствоваться падалью, яйцами птиц, гнездящихся на земле, и личинками насекомых, а также ягодами, фруктами и орехами.

Как и большинство куньих, росомаха — территориальное животное. Самец делит участок площадью до двух тысяч квадратных километров с одной-двумя самками. Границы участка помечаются смесью кала, мочи и выделений анальных желез. Росомаха ревниво оберегает свой огромный участок — подрастающим детенышам разрешается оставаться в его пределах только первые два года, после чего их изгоняют, и они должны найти и пометить собственные участки.

Хотя росомаха прекрасно лазает (слева) и известны случаи, когда она загоняла на дерево рысь, чаще она преследует добычу на земле. Охотясь, она полагается главным образом на чутье, но зрение и слух у нее тоже развиты хорошо. Мелкую добычу росомаха обычно убивает,кусая в шею и переламывая позвоночник. Зимой ей иногда удается вспрыгнуть на спину крупного животного сзади — она едет на нем, вгрызаясь в загривок, пока жертва не упадет.

